

47052
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Н. Н. ИЛЬИН

ЛЕТОПИСНАЯ
СТАТЬЯ
6523 ГОДА
И ЕЕ ИСТОЧНИК

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Академия Наук СССР
Институт славяноведения

Н. Н. ИЛЬИН

ЛЕТОПИСНАЯ СТАТЬЯ
6523 ГОДА
И ЕЕ ИСТОЧНИК

(Опыт анализа)

Издательство Академии Наук СССР

Москва · 1957

9

И-46

БИБЛИОТЕКА
Института
Языкознания
А Н. СССР

52480

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

В. Д. КОРОЛЮК

ОБ ИТОГАХ И ПРОБЛЕМАХ ИЗУЧЕНИЯ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ» (Вместо предисловия)

Выпуская в 1950 г. в серии «Итоги и проблемы современной науки» двухтомник «Повесть временных лет»¹, Академия наук СССР несомненно имела в виду подвести итоги в области изучения древнерусского летописания и наметить одновременно пути и проблемы для дальнейших исследований. В первом томе издания дан текст «Повести временных лет» по Лаврентиевскому списку и перевод этого текста на современный литературный язык. Второй том содержит историко-критический комментарий, составленный Д. С. Лихачевым. Во вступительной статье того же автора — «Историко-литературный очерк»², дается беглый обзор мнений русских ученых XVIII—XIX вв., трудами которых было установлено, что летопись в том виде, как она дошла до нас в разных списках, представляет труд последовательного ряда лиц, объединявших в погодном изложении много разнообразных источников — исторических, юридических, церковных и фольклорных, письменных и устных; что сохранившиеся летописные списки обычно представляют собою своды предшествующих летописных сочинений с присоединением собственных записей за последующие годы, чем и объясняются расхождения в их составе; что «Повесть временных лет» в Лаврентиевском своде от его начала до записи 1116 г. представляет редакцию, самую близкую к первоначальной.

Происхождение характерных особенностей летописи — композиционных, стилистических и идеологических, Д. С. Лихачев ставит в связь с распадом под влиянием общих экономических причин единой Киевской Руси на ряд областных феодальных центров³.

¹ «Повесть временных лет», ч. I—II. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950.

² Там же; ч. II, стр. 5—148.

³ Там же, стр. 7—9.

«Сознание единства Руси, — говорит Д. С. Лихачев, — и общерусский размах идей, может быть, еще интенсивнее давали себя чувствовать именно теперь, когда реальная социально-экономическая и политическая почва для этого единства уходила из-под ног, когда могущественная держава Владимира отошла уже в прошлое, хотя еще и сохранялось живое ощущение Русской земли как единого целого...»⁴.

Из буржуазных исследователей подробнее всего изложены мнения А. А. Шахматова, у которого, по выражению Д. С. Лихачева, «для своего времени общее понимание... истории русского летописания отличалось прогрессивными чертами»⁵.

При изучении параллельных текстов «Повести временных лет» и Новгородской первой летописи А. А. Шахматов, как указывает Д. С. Лихачев, пришел к выводу, что в основе последней лежит текст более древний, нежели в «Повести временных лет»; что составитель «Повести временных лет» дополнил его новыми устными и письменными материалами и довел до своего времени (начало XII в.). Отсюда А. А. Шахматов постулировал существование ныне утраченного летописного свода, заканчивающегося статьей 1093 г. и составленного в 1097 г. Этот лежащий в основе Новгородской первой летописи и «Повести временных лет» летописный источник А. А. Шахматов назвал условно «Начальным летописным сводом». Возникновение его, по мнению А. А. Шахматова, было связано с феодальными княжескими распрями и страшным поражением, нанесенным в 1093 г. русским половцами.

При анализе восстанавливаемого им состава и содержания Начального свода А. А. Шахматов обнаружил в нем следы еще более древних летописных источников. Рассеянные в Начальном своде данные местного новгородского происхождения восходят, по мнению А. А. Шахматова, к утраченному летописному своду, который, как он думает, возник в Новгороде в 1050 г. в связи с построением нового храма св. Софии. Вместе с тем А. А. Шахматов выдвигает и аргументирует гипотезу о том, что другой летописный свод немного позднее, а именно в 1073 г., составлялся в Киеве иеромонахом Печерского монастыря Никоном, причем оказывается, что Никон и составитель Новгородского свода 1050 г. пользовались, как общим источником, еще более древним Киевским летописным сводом, который заканчивается статьей 1039 г.

Составление этого Древнейшего Киевского свода, до нас не дошедшего, А. А. Шахматов связывает с окончанием в 1037 г.

⁴ «Повесть временных лет», ч. II, стр. 8.

⁵ Там же, стр. 59.

постройки храма св. Софии в Киеве и, как он думает, учреждением русской митрополии и относит его к 1037—1044 гг.⁶

Эту предлагаемую А. А. Шахматовым схему развития русского летописания, по мнению Д. С. Лихачева, «следует принять», как «в общем хорошо обоснованную», с некоторыми, однако, коррективами⁷.

Попытка А. А. Шахматова восстановить текст постулированных им утраченных летописных сводов, по мнению Д. С. Лихачева, имеет предположительный и не вполне обоснованный характер, так как по недостатку материалов исследователь строил ряд своих выводов на гипотезах⁸.

Следует заметить, что и сам А. А. Шахматов не отрицал гипотетичности своих выводов. «Я хорошо сознаю субъективность многих из моих «ученых доводов», — отмечает он в предисловии к «Разысканиям», — и понимаю, что достоянием науки добытые выводы могут стать только после всесторонней оценки их другими исследователями. Предстоит еще решение общего вопроса: правильно ли поставлена мною задача и каковы должны быть приемы исследования»⁹.

Основной заслугой А. А. Шахматова, отмечает Д. С. Лихачев, является его попытка связать вопрос о развитии русского летописания с фактами политической истории Киевской Руси, поскольку летописные своды отражали в себе политические интересы феодальных центров, где они составлялись. Слабой стороной метода А. А. Шахматова является отсутствие у него учета классового момента при оценке изучаемых исторических фактов¹⁰.

В исправлении, по мнению Д. С. Лихачева, более всего нуждается картина «составления Древнейшего русского летописного свода при Ярославе Мудром», т. е. свода 1037—1044 гг., текст которого выделен особым шрифтом в восстановленном А. А. Шахматовым полностью тексте Киевского свода 1093 г.¹¹

В составе Древнейшего Киевского свода 1037 г. Д. С. Лихачев различает два слоя, отличных друг от друга «идейно и стилистически», а именно:

- 1) церковные сказания о первых русских князьях-христианах,
 - 2) народные предания о первых русских князьях-язычниках.
- Если выделить особо слой церковных сказаний (сказания

⁶ «Повесть временных лет», ч. II, стр. 49—58.

⁷ Там же, стр. 58.

⁸ Там же, стр. 59.

⁹ А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших летописных сводах. СПб., 1908. Предисловие, стр. VII—VIII.

¹⁰ «Повесть временных лет», ч. II, стр. 60.

¹¹ Там же.

о крещении и кончине Ольги, о первых русских мучениках — варягах-христианах, о крещении Руси с речью «философа» и похвалой Владимиру, о Борисе и Глебе и обширную похвалу Ярославу под 1037 г.), то, по мнению Д. С. Лихачева, в своей совокупности они составят цельное и законченное повествование, объединенное общностью темы и стиля. Это повествование Д. С. Лихачев называет условно «Сказанием о первоначальном распространении христианства на Руси». Оно было составлено еще при Ярославе книжниками киевского митрополита при храме Софии.

«Его окончательное оформление, — замечает Д. С. Лихачев, — прежде чем быть расширенным в историю Руси в целом (не только церковную, но и политическую), относится к первой половине 40-х годов XI столетия. Оно было направлено прот и в византийской государственной идеологии и тесными узами связано с подъемом политического самосознания русского народа при Ярославе Мудром»¹².

Если теснейшая взаимная связь известий о князьях-христианах — композиционная, стилистическая и идейная — обнаруживает принадлежность их, по выражению Д. С. Лихачева, «одной руке», то «слой устных преданий лишь прикреплен к ним и не может составлять самостоятельного произведения»¹³.

Поправка Д. С. Лихачева к схеме А. А. Шахматова, таким образом, сводится к утверждению, что не в 1037 г., а несколько позднее была составлена не летопись, а церковное «Сказание о первоначальном распространении христианства на Руси». Возможность, что работа книжников при храме Софии свелась к сводке или редакционной компиляции ряда самостоятельных агиографических произведений, Д. С. Лихачев исключает. Мысли исследователя шли по пути признания единоличного авторства («одной руки»). В данном случае, как и во многих других, Д. С. Лихачев оперирует с совершенно бесспорными предпосылками, но его заключение отнюдь из них не вытекает.

Летописцами, а равно и составителями древнерусских сказаний о святых были действительно церковники, точнее монахи. Это признают все историки, начиная от писавшего в XVIII в. Шлецера. Епископы и монастыри Киевской Руси XI—XII вв. были феодальными владельцами. Проникающая летопись своеобразная философия истории: «Поставлять бо царя и князя вышний, ему же хоцеть, дать. Аще бо кая земля управится пред богом, поставляеть ей царя или князя праведна, любяща суд и правду, и властителя устраяеть, и судью правящаго суд.

¹² «Повесть временных лет», ч. II, стр. 77.

¹³ Там же, стр. 61.

Аще бо князи правдиви бываютъ в земли, то многа отдаются согрешенья; аще ли зли и лукави бываютъ, то болше зло наводитъ бог на землю, понеже то глава есть земли...»¹⁴, — не что иное, как средневековая доктрина «о государстве божием» в преломлении киевской действительности этой эпохи. Летописный панегирик Ярославу говорит о тесном союзе князя с церковью, прочный фундамент которому был заложен еще при Владимире. В отличие от западноевропейских князей князь русской церкви булатного меча в руках не имели, а свой «меч духовный» церковь на первых порах предоставила киевскому князю. В период феодальной раздробленности церковь отстаивала его «старейшинство» среди других князей, пока кафедра митрополита была в Киеве. Монашество в виде замкнутой и дисциплинированной церковной корпорации перешло к нам с православного Востока, где для пропаганды церковной идеологии служили выработанные вековой практикой определенные литературные формы. Учительная и историческая церковная литература, проповеди, поучения, жития, сказания и проч., как общее правило, составлялись на Руси по византийским образцам, с соблюдением установленных литературных и стилистических форм и приемов.

Редакторская сводка или примитивная компиляция ряда таких агиографических произведений неизбежно сохраняли типические черты своих первоисточников. Можно ли при таких условиях в сходстве, композиционном, стилистическом и идейном, видеть в какой-либо мере доказательство принадлежности всех частей «Сказания» «одной руке»? Думается — нет.

Книжные, т. е. церковные, жития или летописные записи Д. С. Лихачев отвергает. Остаются, следовательно, одни устные источники. «Письменной истории Руси, — замечает Д. С. Лихачев, — предшествовала ее устная история. Устная история и впоследствии сопутствовала письменной, питая ее живительными соками. Своим расцветом летопись непосредственнее всего обязана этой неписанной истории Руси, хранителем которой был сам народ»¹⁵.

Д. С. Лихачев различает в летописи три основных типа преданий:

1) предания о князьях и исторических событиях, приуроченные к отдельным местностям, городам, урочищам, селам и могильникам;

2) родовые предания, относящиеся к деятельности представителей данного рода;

¹⁴ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. I. СПб., 1846, стр. 60.

¹⁵ Повесть временных лет, ч. II, стр. 9.

3) предания о воинских подвигах князей и их дружины, отразившиеся в дружинной поэзии¹⁶.

Если обобщить собранный Д. С. Лихачевым для этой классификации материал, то можно отметить, что две последние категории преданий, родовые и дружинные, сложились и развились в феодальной среде и имеют предметом деятельность ее представителей; элементов в собственном смысле народных можно искать лишь в преданиях местных, связанных с географическими названиями. Д. С. Лихачев не только этого не различает, но наоборот, стремится сблизить дружинную поэзию с поэзией народной. «Дружинная поэзия дописьменной Руси, — по его словам, — была поэзией высокого патриотического пафоса. Именно это делало поэзию дружинников одновременно поэзией народной. Дружина русских князей была дружиной русской по своему патриотическому сознанию»¹⁷.

От народных Д. С. Лихачев совсем не отличает преданий религиозного характера, в формировании которых участвовала общественная группа служителей церкви, с ее особой идеологией.

Церковная окраска преданий в передаче их «Сказанием», по мнению Д. С. Лихачева, чисто литературного происхождения и придана целиком книжниками Киевского Софийского собора, обработавшими впервые эти предания в литературное произведение. «В «Сказании» не отразились народные предания о русском прошлом, — замечает он. — Оно было написано в традициях церковной литературы для «преизлиха насытившихся сладости книжной» читателей...»¹⁸.

Образовал ли при этом автор «Сказания» сложную мозаику из сырого материала собранных им отрывочных устных преданий, народных, родовых и дружинных, включая сюда, как особо подчеркивает Д. С. Лихачев, также и речь философа перед крещением Владимира, или он объединил сформировавшиеся уже тематические комплексы этих преданий — остается неясным. Правда, Д. С. Лихачев как будто склоняется принять этот второй путь. «В основе большинства лучших произведений русской литературы XI—XII вв. — замечает он, — лежат произведения литературы устной. Легенды Киево-печерского патерика рассказывались десятки лет, передавались из поколения в поколение, прежде чем были собраны в письменный свод — патерик. Житие Бориса и Глеба составлено на основании устных рассказов об их гибели»¹⁹. Но легенды о

¹⁶ «Повесть временных лет», ч. II, стр. 11—25.

¹⁷ Там же, стр. 22.

¹⁸ Там же, стр. 77.

¹⁹ Там же, стр. 30.

печерских подвижниках, на которые ссылается Д. С. Лихачев, возникли вокруг крупного религиозного центра, и там же был составлен «патерик». Они прежде всего — продукт творчества монахов Киевской Лавры. Что же касается преданий о Борисе и Глебе, то Д. С. Лихачев впадает здесь в явное противоречие с самим собой, признавая первой их литературной обработкой то отдельное церковное житие, то особый раздел «Сказания о первоначальном распространении христианства на Руси», а это в его собственных глазах не одно и то же.

Свою гипотезу о «Сказании» Д. С. Лихачев пытается подкрепить экскурсом в церковную политику Ярослава. «В 1037 г. Ярослав Мудрый, — пишет Д. С. Лихачев, — добился учреждения в Киеве особой митрополии константинопольского патриархата. Назначение особого митрополита для молодого Киевского государства было немалым успехом Ярослава, поднимавшим международный престиж Русской земли... То, что Ярослав смотрел на назначение киевского митрополита только как на первый успех своей политики, доказывается тем, что сразу же после 1037 г. Ярослав продолжал свои домогательства в Константинополе, добиваясь расширения прав русской митрополии и постепенного освобождения ее из-под опеки константинопольского патриарха и византийского императора. Для этого Ярослав стремится к канонизации ряда русских святых... Ярослав упорно настаивает на признании святыми княгини Ольги, варягов-христиан (отца и сына), убитых язычниками в Киеве при Владимире, и своих братьев Бориса и Глеба. Канонизация Ольги и варягов-мучеников была решительно отклонена Византией, но настойчивость Ярослава в отношении Бориса и Глеба сломила упорство императора. Ярославу удалось добиться канонизации своих братьев, князей Бориса и Глеба, и тем самым увенчать ореолом святости и свою собственную княжескую власть.

Установление почитания первых русских святых явилось торжеством национальной политики Ярослава и приобрело формы национального культа. Память Бориса и Глеба праздновалась с необычно торжественностью шесть раз в году. День 24 июля — главный из этих празднеств — причислялся к великим годовым праздникам.

Почитание Бориса и Глеба быстро перешагнуло русские пределы. В самой Византии был принят этот культ: в константинопольской Софии была поставлена икона Бориса и Глеба; в Исагасе была построена им церковь. Сохранился армянский Пролог о Борисе и Глебе, очевидно, переведенный с греческого. Наконец, культ Бориса и Глеба был установлен и в Чехии: в Созавском монастыре был построен в их честь придел.

Эти политические идеи Ярослава получили наиболее яркое воплощение в «Слове о законе и благодати...»²⁰.

На высказанных здесь Д. С. Лихачевым соображениях должно остановиться. Исследователь недостаточно точно передает и освещает события. Утверждение Д. С. Лихачева, будто появление первого русского митрополита в Киеве относится к 1037 г., вовсе не бесспорно, так как имена предшественников Феопемпта, митрополитов Михаила, Леонтия и Иоанна, встречаются в тексте ряда источников, дошедших до нас, — правда, лишь в рукописях не старше конца XII в.²¹ Осторожнее было бы признать вопрос о митрополитах открытым.

При Ярославе, объединившем с 1036 г., по смерти Мстислава, все Древнерусское государство и расширившем его рядом удачных походов, Киевская Русь была едва ли не самым могущественным государством в Европе. Международный престиж Ярослава, состоявшего в дружбе и свойстве с виднейшими феодальными властителями, стоял высоко, и церковная его программа, по-видимому, шла далее того, чтобы в лице поставленного константинопольским патриархом митрополита грека Феопемпта держать возле себя влиятельного агента Византии, отстаивавшего притязания последней трактовать киевского князя как вассала «императора всех христиан».

Следствием напряженности русско-византийских отношений был неудачный поход на Царьград в 1043 г., во главе со старшим сыном Ярослава, Владимиром, князем новгородским.

Военные походы на Константинополь, какие совершили Олег, Игорь и Святослав, со времени крещения Владимира и женитьбы его на сестре византийского императора прекратились, но груженные товарами караваны русских судов, как и при Константине Багрянородном, ежегодно продолжали двигаться взад и вперед по водной артерии «из варяг в греки».

История не сохранила со времен Святослава ни одного договора русских с Византией, подобного тем, какие они заключали при Олеге и Игоре. «Гордые Ромей», если судить по тону их писателей, продолжали и в XI в. третировать русских свысока, как «презренных варваров» и «тавроскифов», а установившийся порядок торговых сношений, не гарантируя от столкновений на византийских рынках, был стеснителен для русских, которые сознавали в себе силы, чтобы изменить его в свою пользу.

У византийского историка Михаила Пселла, близко стоявшего к особе императора Константина Мономаха (1042—1045),

²⁰ «Повесть временных лет», ч. II, стр. 64—66.

²¹ Н. К. Никольский. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений. СПб., 1906, стр. 43—58.

вкратце рассказано ²², как постепенно назревал вооруженный конфликт 1043 г., как еще во времена императора Романа Аргира (1028—1034) русские «возобновили свою старую вражду против греков» и стали «готовиться к будущим войнам». «Это варварское племя, — поясняет Пселл, — всегда питало яростную и бешеную ненависть к греческой игомнии (ἐπὶ τὴν Ῥωμαίων ἡγεμονίαν); при каждом удобном случае изобретая то или другое обвинение, они создавали из него предлог для войны с нами». Не без труда улаживала византийская дипломатия эти конфликты.

Во времена императора Михаила Пафлагона (1034—1041), когда Ярослав, объединив всю Русь, мог активнее выступать на международной арене, напряжение в русско-византийских отношениях усилилось. Русские спешно стали готовиться к походу на Византию. «Они, — рассказывает Пселл, — стали вооружать против него (Михаила) собственные силы и, решив напасть на нас с моря, нарубили вверху (Днепра) лесу, выстроили из него малые и большие ладьи, тайком в короткое время сделали достаточные приготовления и уже готовы были плыть на Михаила большим флотом»²³. Византия сумела, однако, тогда предотвратить готовившийся удар, и торговые сношения пока не обрывались.

Русская церковь не могла оставаться в стороне от этих событий. Митрополит-грек, естественно, стоял на страже интересов Византии. Но в среде духовенства обнаружился раскол. Если на первых порах после принятия христианства служителями культа на Руси были, по преимуществу, приезжие греки и деятельность их главы, поставленного византийским патриархом, «оппозиции» в церковных кругах не встречала, то 40 с лишком лет спустя, при Ярославе, подавляющее число духовенства состояло уже из русских, а наиболее активная его часть сочувствовала деятельности Ярослава и, отождествляя интересы русского князя со своими, недоверчиво и неприязненно относилась к вмешательству Византии в русские церковные дела. Ярослав, видимо, поддерживал это оппозиционное течение. Главнейшие его мероприятия по устройству церкви и духовенства описаны в летописи под 1037 г. В том же году одного из представителей церковной оппозиции, Луку Жидяту, Ярослав поставил епископом в Новгороде²⁴. Митрополит-грек Феопемпт пока еще пользовался присвоенным его званию почетом и в 1039 г. торжественно освятил храм Бого-

²² В. Г. Васильевский. Труды, т. I. СПб., 1908, стр. 304.

²³ Там же; Μιχαήλου Ψέλλου. Ἐξατονταετηρίς βυζαντινῆς ἱστορίας (976—1077). Ἐν Παρισίους. 1874. Τόμος πρῶτος, р. 10. «Bibliotheca graeca medii aevi», t. IV. Ed. C. Sathas.

²⁴ ПСРЛ, т. I, стр. 65.

матери в Киеве ²⁵, построенный при Владимире, но пострадавший от пожара.

В июне 1043 г. в Константинополе между русскими купцами и греками вспыхнула ссора, во время которой какой-то знатный русский купец был убит. Следствием этого был поход русских на Константинополь, описание которого у Пселла озаглавлено: «О восстании русских» (Περὶ τῆς τῶν Ῥώσων ἐπαναστάσεως) ²⁶. «Повесть временных лет» под 1043 г. рассказывает, как огромная русская флотилия смогла прорваться к Пропонтиду, но во время морского боя разыгралась сильная буря, и большая часть русских судов была опрокинута. Владимиру, пересевшему на уцелевшее судно, удалось с остатками флота вернуться на родину, разбив на пути 14 византийских судов, его преследовавших. Но выбравшиеся на берег около 800 человек — экипаж потопленных бурей русских судов, вместе с воеводой Вышатою, попали в плен, были брошены в византийские тюрьмы и ослеплены. Мир с греками был заключен только через три года.

Неудача 1043 г. произвела тяжелое впечатление и окончательно подорвала авторитет Феопемпта даже в церковных делах. В 1044 г. в Киеве произошло «соблазнительное» событие: «В лето 6552. Выгребоша 2 князя Ярополка и Ольга, сына Святослава, и крестиша кости ею и положиша я в церкви святыя Богородица» ²⁷. Крещение умерших — случай в практике церковной небывалый и церковными канонами не оправдываемый ²⁸ — могло произойти, очевидно, только вопреки воле митрополита-грека. Феопемпт был тогда, видимо, уже отстранен, а церковными делами вершила оппозиция митрополиту.

Под 1045 г. в летописи читаем: «В лето 6553. Заложил Володимир святыю Софью Новгородъ» ²⁹. Это грандиозное по тому времени сооружение было воздвигнуто при участии епископа Луки Жидяты.

Мир 1047 г., никого в Киеве не удовлетворивший, и возвращение из плена Вышаты с его сотоварищами не рассеяли, а усилили общее раздражение против греков. При таких настроениях, когда в 1047 (или по другим источникам — в 1049) г. митрополит Феопемпт умер ³⁰, в Киеве взяла верх противники административно-иерархического подчинения русской церковной организации византийскому патриарху. Движение в пользу церковной автокефалии нашло себе опору в Ярославе и

²⁵ Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1872, стр. 150.

²⁶ М. Φέλλου. Ἐκ του τὰ ετηρίς..., р. 10.

²⁷ ПСРЛ, т. I, стр. 67.

²⁸ М. А. Максимович. Собр. соч., т. II. Киев, 1877, стр. 99.

²⁹ ПСРЛ, т. I, стр. 67.

³⁰ Макарий. История¹ русской церкви, т. II. СПб., 1868, стр. 9.

руководителя в лице Илариона, пресвитера села Берестова, любимой резиденции князя Владимира.

Некоторые биографические сведения о Иларионе имеются в «Повести временных лет», в рассказе «Что ради прозвася Печерьскый монастырь». «Боголюбивому князю Ярославу любящую Берестовое и церковь ту сущюю святыхъ Апостолъ и попы многы набдящую, в них же бѣ пресвутерьъ, именемъ Ларионъ, мужъ благъ, книженъ и постникъ; хожаше с Берестоваго на Днѣпръ, на холмъ, кде ныне ветхый монастырь Печерьскый, ту молитву творяше, бѣ бо ту лѣвь великъ. Ископа печерку малу, двухсажену, и приходя с Берестоваго, отпѣваше часы и моляшеся ту богу втайнѣ. Посемъ же Богъ князю вложи в сердце, и постави и митрополитомъ в святѣй Соѣи, а си печерка тако оста»³¹.

В статье 1051 г. приведенному тексту предшествует краткая записи: «В лето 6559. Постави Ярославъ Лариона митрополитомъ русина в святѣй Соѣи, собравъ епископы»³². В синодальном списке Новгородской первой летописи в известии об этом указано, что новый митрополит был «русин»³³.

Текст летописи следует понимать так, что первый русский митрополит местного происхождения был поставлен собором русских епископов в Киеве по воле Ярослава в 1051 г.

Этот шаг, естественно, не мог быть предпринят без соответствующих подготовительных мер. Необходимо было доказать право русской церкви существовать независимо от Византии и право Ярослава этой независимости добиваться. Обе эти мысли были развиты будущим митрополитом Иларионом, тогда еще пресвитером, в известном его ораторском произведении «О законѣ Моисеомъ, даннемъ ему, и о благодати и истинѣ Иисусъ Христомъ бывшимъ; и како законъ отъиде, благодать же и истина всю землю исполни и вѣра въ вся языкъ простреся, и до нашего языка русскаго, и похвала кагану нашему Владимиру, отъ него же крещени быхомъ и молитва къ богу от всеа земля наша»³⁴.

Блестящая проповедь Илариона была произнесена в присутствии Ярослава и его супруги Ирины (Ингигерды) перед гробницей Владимира, в сторону которой проповедник обращал свой ораторский жест: «Виждь и благовѣрную сноху свою Ирину, виждь внуку твоя и правнуку»³⁵.

Ирина, по данным летописи, умерла в 1050 г., а следова-

³¹ ПСРЛ, т. I, стр. 67.

³² Там же.

³³ «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов». М.—Л., 1950, стр. 16.

³⁴ «Прибавления к творениям святых отцов», ч. II, 1844, стр. 223.

³⁵ Там же, стр. 292.

тельно, «Слово» было произнесено не позже этого 1050 г. Оно не могло быть составлено ранее того же 1050 г., что находит себе подтверждение в самом содержании памятника, где в форме иносказаний Иларион затрагивает подготовлявшиеся тогда события следующего 1051 г.: собор епископов, созданный в Киеве Ярославом, избрание на нем митрополита из русских и, наконец, канонизацию («прославление») Владимира.

Идя по следам академика И. Н. Жданова³⁶, Д. С. Лихачев в общем верно раскрывает смысл церковной символики «Слова» как восторженного гимна торжеству христианства на Руси и панегирика князю Владимиру, религиозная реформа которого приравнивается к Миланскому эдикту, изданному императором Константином Великим. Более того. Д. С. Лихачев тонко подмечает, что ораторский пафос Илариона, возрастая, достигает предельной силы в заключительной части проповеди, в которой Владимир превозносится с Константином как равноапостольный³⁷. Если бы исследователь захотел довести свою мысль до ее завершающего логического конца, то ему стало бы видно, что Иларион, кроме права русской церкви на автокефалию, доказывает права Владимира на признание его равноапостольным и святым.

В 1050 г., в обстановке подготовки церковного собора 1051 г., туманный смысл символики «Слова» казался простым и ясным. Мнение Д. С. Лихачева, будто «Слово» родилось в обстановке подготовки военного похода на Константинополь..., в обстановке противодействия греков канонизации Владимира³⁸, вызывает сомнение тем более, что единственным аргументом служит его ссылка на «общее оптимистическое, жизнерадостное содержание «Слова»...», по-видимому, свидетельствующее о том, что «Слово» возникло до похода Владимира Ярославича³⁹. Для сколько-нибудь точных хронологических сближений этого, думается, недостаточно.

Стремление Ярослава к церковной самостоятельности от Византии связано Д. С. Лихачевым с влиянием Киево-печерского монастыря.

С первых же шагов своей деятельности Печерский монастырь, по словам Д. С. Лихачева, «стремился к установлению самостоятельной церковной организации, свободной от мелочной опеки Византии. Это была задача большой национальной важности. Вот почему монастырь с самого начала оказывается в оппозиции и к митрополичьей кафедре в Киеве, и к деятель-

³⁶ И. Н. Жданов. Соч., т. I. СПб., 1904, стр. 45—48.

³⁷ «Повесть временных лет», т. II, стр. 66—70.

³⁸ Там же, стр. 68.

³⁹ Там же.

ности константинопольской патриархии»⁴⁰. Однако перед походом 1043 г. Киево-печерского монастыря, можно сказать, еще не существовало. Пещерка в горах под Киевом, где уединялся в бытность свою пресвитером Иларион, после избрания его в 1051 г. митрополитом «так оста», затем туда укрылись от мирской суеты Антоний, Никон и Феодосий. Братия собралась, и монастырь образовался в княжение в Киеве Изяслава в 1062 г.

Установленная в 1051 г. автокефалия русской церкви существовала недолго. В 1054 г. умер Ярослав. Описывая его погребение, русские летописи говорят только о «попах», не упоминая о митрополите. Между тем обряд погребения совершался в Софийском соборе, на кафедру которого Иларион был возведен три года назад тем же самым Ярославом. Под 1055 г. Новгородская летопись говорит уже о новом митрополите Ефреме, который производил суд над епископом Лукой Жидаевой⁴¹. Ефрем, как и его преемник Георгий, был, по-видимому, грек, ставленник константинопольского патриарха. Очевидно, русская церковная реформа 1051 г. признания константинопольского патриарха не получила. Одновременно прекратился и местный культ Владимира.

Короче говоря, гипотеза, будто вопрос о церковной автокефалии стоял в программе Ярослава еще до похода 1043 г., обоснована Д. С. Лихачевым недостаточно веско.

Если бы вопрос о канонизации княгини Ольги, варягов-мучеников и князей Бориса и Глеба действительно был включен в церковную программу Ярослава «сразу же после 1037 г.», то гипотеза Д. С. Лихачева о составлении в эту пору «Сказания о первоначальном распространении христианства на Руси» в указанном им составе получила бы в этом как бы подтверждение⁴². К сожалению, разрешение довольно темного вопроса о канонизации первых русских святых у Д. С. Лихачева почти не обосновано. Откуда, например, почерпнуты им сведения о неудавшейся попытке Ярослава «сразу после 1037 г.» добиться в Византии канонизации Ольги и варягов-мучеников — неизвестно. А между тем об этом не знает решительно ни один источник.

Возражение вызывает и утверждение Д. С. Лихачева, будто канонизация Бориса и Глеба произошла вскоре после 1037 г. Макарий считал, что первая церковь во имя Бориса и Глеба, как уже канонизованных святых, была отстроена в Вышегороде вскоре после 1021 г., тогда же было учреждено

⁴⁰ «Повесть временных лет», ч. II, стр. 81.

⁴¹ М а к а р и й. История русской церкви, т. II, стр. 12.

⁴² «Повесть временных лет», ч. II, стр. 65.

празднование в честь их 24 июля⁴³. Археолог же М. К. Каргер относил канонизацию Бориса и Глеба к 1072 г.⁴⁴ И тот и другой опирались на показания разных источников. Д. С. Лихачев, в свою очередь, ссылается на «Путешествие новгородского архиепископа Антония»⁴⁵. Ссылка эта указывает, что в 1200 г., когда Антоний был в Царьграде, Борис и Глеб уже почитались как святые в Византии⁴⁶. Изучение армянского Пролога Бориса и Глеба, носящего на себе признаки перевода с греческого подлинника, дало основание В. Н. Бенешевичу отнести составление последнего к первой половине XIII в.⁴⁷ Но ведь обе эти ссылки подтверждают в равной мере также мнения Макария и М. К. Каргера, а следовательно, датировка Д. С. Лихачева остается недоказанной.

Таким образом, попытка Д. С. Лихачева объяснить возникновение около 1037 г. предполагаемого им «Сказания о первоначальном распространении христианства на Руси» особенностями церковно-политической ситуации в Киеве в эту пору в фактах церковной истории подтверждения себе не находит.

Существенное расхождение А. А. Шахматова с его предшественниками в изучении летописи, К. Н. Бестужевым-Рюминым, М. И. Сухомлиновым и другими, сводилось, прежде всего, к тому, что, по мнению последних, в древнюю нашу летопись вошли в несколько переработанном виде дошедшие до нас церковные источники, повествующие о князьях Ольге, Владимире, Борисе и Глебе и проч., между тем как А. А. Шахматов считал, что имеющиеся летописные известия послужили источником для церковных сказаний и житий и сами восходят к каким-то не дошедшим до нас также летописным источникам. Расхождение это немаловажное. Летопись берется рассказывать об исторических событиях русского прошлого («откуда есть пошла русская земля, кто в Киеве нача первее княжити и откуда русская земля стала есть»), тогда как агиографические памятники всегда составлялись с особой целью прославления святого или по поводу какого-нибудь собственно церковного события.

Стремление трактовать летопись как первоисточник, проглядывавшее уже в ранних статьях А. А. Шахматова⁴⁸, до-

⁴³ Макарий. История русской церкви, т. I, стр. 93

⁴⁴ М. К. Каргер. К истории киевского зодчества XI века. Храмовозлей Бориса и Глеба в Вышгороде. «Советская археология», XVI, 1952, стр. 82.

⁴⁵ «Повесть временных лет», ч. II, стр. 66.

⁴⁶ В. Н. Бенешевич. Армянский пролог о св. Борисе и Глебе. «Изв. отд. русск. языка и слов. Акад. наук» («Изв. ОРЯС АН»), т. XIV, кн. I, стр. 208.

⁴⁷ Там же, стр. 208.

⁴⁸ «О Начальном Киевском своде» (опубликована в «Чтениях моск.-ова истории и древностей» за 1879 г.), «Начальный Киевский летописный

ведено им до предела в работе 1908 г. «Разыскания о древнейших летописных сводах». Вопреки утверждению Д. С. Лихачева, Н. К. Никольский и В. М. Истрин еще с начала 900-х годов по ряду вопросов, относящихся к древней летописи, решительно расходились с А. А. Шахматовым. Летописное сказание о крещении Владимира в Корсуни, по мнению Н. К. Никольского, есть амплификация самостоятельного памятника «Како крестися Владимир, возмя Корсунь»⁴⁹. А. А. Шахматов, наоборот, доказывал, что последний не более как извлечение из летописи⁵⁰.

Полемика В. М. Истрина с А. А. Шахматовым по поводу происхождения летописной речи философа, склонившего Владимира предпочесть христианство всякой другой вере, шла по иному пути.

Историки Н. М. Карамзин, П. М. Строев и М. И. Сухомлинов указывали на зависимость этой речи от так называемой «Толковой Палеи», памятника, по их мнению, возникшего в Византии в полемических целях против иудейства и содержавшего библейскую историю с пророчествами, начало новозаветной истории и апокрифы. Палея дошла до нас в ряде редакций. От Толковой Палеи отличают хронографическую, где полемический элемент почти отсутствует.

В 1902 г. Н. К. Никольский обратил внимание на то, что речь философа к Владимиру встречается отдельно от летописного контекста, как самостоятельный памятник, и притом в двух редакциях, более древних, чем летописная. Первая, более полная, носит заглавие «Слово о бытии всего мира», вторая, озаглавленная «Слово из Палеи, выведено на жида», обрывается на истории Давида. «Сравнение «Слова о бытии всего мира» с летописной речью философа, — пишет Н. К. Никольский, — убедительно показывает, что крупные разделы памятника существовали, как самостоятельные сочинения, ранее «Повести временных лет» и Новгородской первой летописи (т. е. Начального свода)»⁵¹.

В отличие от названных историков, считающих, что в летопись Палея вписана в переводе с греческого оригинала, В. М. Истрин и А. А. Шахматов утверждают, что в летопись вошел памятник славянский, хотя и составленный под влиянием греческой полемической литературы. В. М. Истрин допускает

свод и его источники» (вышла в сборнике в честь Миллера, 1899 г.) и целый ряд других его статей в этой области.

⁴⁹ Н. К. Никольский. Материалы для повременного списка..., стр. 36.

⁵⁰ Сборник статей, посвященных В. И. Ламанскому, ч. II, СПб., 1908, стр. 1071.

⁵¹ Н. К. Никольский. Материалы для повременного списка..., стр. 12.

возможность существования, на манер византийских, русских компиляций из пророчеств, отрывки которых встречались на Руси в паремиях. Одна из таких компиляций и была, по его мнению, внесена в летопись⁵². А. А. Шахматов же весь летописный эпизод с речью философа перед Владимиром считает перелицовкой на русский лад болгарского сказания об обращении Кириллом в христианство болгарского царя Михаила, и самая Палея, как он думает, перешла на русскую почву из Болгарии.

«Толковая Палея, — утверждает А. А. Шахматов, — возникла из тех прений, которые вел Кирилл, первоучитель славянский, с евреями и срацинами». Составителем ее был его брат Мефодий или кто-то другой, воспроизведший эти прения. Сочинения, написанного с таким мастерством и знанием дела, в XI в. не могло появиться на Руси⁵³.

Вопрос о взаимоотношении текстов Палеи и летописи осложняется тем, что текст летописи обнаруживает сходство с палейным не только в общей для всех редакций Палеи части, но и с вариантами, отличающимися от данных редакций. Это обстоятельство дало А. А. Шахматову основание говорить о влиянии на летопись не непосредственно Толковой Палеи, а какого-то памятника, в основе которого лежит Толковая Палея в ее двух, как он думает, болгарских редакциях.

Путем анализа текста летописи и разных редакций Палеи А. А. Шахматов пришел к заключению, что не дошедшая до нас первоначальная болгарская редакция Толковой Палеи была положена в основу новой, также болгарской, редакции, в которую внесены были вставки из Библии и апокрифов, а повествование о новозаветных событиях заменено каким-то хронографом. Эту вторую болгарскую редакцию Палеи, также до нас не дошедшую, А. А. Шахматов называет «хронографической Палеей». Позднее из первоначальной болгарской редакции Толковой Палеи было сделано краткое извлечение, составитель которого пользовался при этом и хронографической редакцией Палеи. Это-то именно извлечение, опять-таки до нас не дошедшее, и послужило источником для речи философа в начальной летописи⁵⁴.

Приведенные соображения А. А. Шахматова подверглись критике В. М. Истрина не только по существу выводов, но и со стороны научности применяемых методов исследования. Следуя за ходом мысли А. А. Шахматова, В. М. Истрин отме-

⁵² В. М. Истрин. Замечания о составе Толковой Палеи. «Изв. ОРЯС АН», т. III, кн. 2, 1898, стр. 524.

⁵³ А. А. Шахматов. Толковая Палея и русская летопись. СПб., 1904, стр. 17—20.

⁵⁴ Там же, стр. 73.

чает, как А. А. Шахматов на основании посылок, имеющих лишь условное гипотетическое значение, приходит к выводам, трактуемым далее как доказанные истины. К числу таких спорных посылок А. А. Шахматова В. М. Истрин относит его утверждение, будто русской литературе XI в. совсем не по плечу было составление такого сложного произведения, как речь философа в летописи.

«В процессе исследования, — писал В. М. Истрин, — ученому по имеющимся в его распоряжении источникам иногда удается восстановить утраченный, не дошедший источник, или, по крайней мере, доказать, что он действительно существовал. Ссылки на не дошедший источник для нас убедительны лишь тогда, когда самое его существование вполне доказано. В данном случае А. А. Шахматову этого сделать не удалось»⁵⁵.

Этой полемики, оставшейся в свое время незамеченной, коснулся в 1940 г. рано умерший советский историк Р. В. Жданов.

«При всем совершенстве критических приемов А. А. Шахматова, — писал Р. В. Жданов, — им не чужды и слабые стороны. Так, он, несомненно, суживал понятие источника: для него источник только там, где имеется текстуальная зависимость; влияние более общее и не столь непосредственное выпадало из его поля зрения. В связи с этим стоит другая крайность — легкое и не всегда достаточно обоснованное предположение «недошедшего» источника. Наконец, А. А. Шахматов нередко с исключительной прозорливостью умел определить тенденциозную направленность того или иного произведения и общественный круг, из которого оно могло выйти, но марксистское изучение требует еще более углубленного подхода к таким вопросам»⁵⁶.

Критические замечания в адрес А. А. Шахматова мы находим и у М. Н. Тихомирова. В 1940 г. он писал, что вопрос о Древнейшем Киевском и Новгородском сводах времен Ярослава вызывает «много сомнений». Если первый возник в 1037 г., то время княжения Ярослава должно быть описано в нем особенно подробно; если второй составлялся с 1050 г., то в нем должно быть много новгородских сюжетов XI в. Между тем и то и другое в «Повести временных лет» представлено очень сжато⁵⁷. С этими критическими замечаниями М. Н. Тихомирова согласен, как будто, и Д. С. Лихачев, поместивший в своей книге под текстом следующее примечание: «Вполне согласен

⁵⁵ В. М. Истрин. Из области древнерусской литературы. «Журнал мин. народн. просв.» («ЖМНП»), 1906, февраль, стр. 186—221.

⁵⁶ Р. В. Жданов. Крещение Руси и начальная летопись. «Историч. записки», № 5, стр. 4.

⁵⁷ «Источниковедение истории СССР», т. I, стр. 55.

с мнением М. Н. Тихомирова, что слабым местом концепции А. А. Шахматова является построение существования Киевского свода 1037 г. и Новгородского свода 1050 г.»⁵⁸. Нельзя забывать, однако, что это — важнейшая часть концепции А. А. Шахматова о развитии древнейшего русского летописания.

Из всего этого видно, что критический анализ гипотез А. А. Шахматова о составе «Повести временных лет», являющийся очередной задачей источниковедения, в нашей исторической науке только еще начинается.

Предлагаемая ниже работа, конечно, лишь опыт критического изучения гипотезы А. А. Шахматова об источниках летописной статьи 6523 г. о Борисе и Глебе.

⁵⁸ «Повесть временных лет», ч. II, стр. 90.

Глава I

ЛЕТОПИСНОЕ И ЖИТИЙНОЕ СКАЗАНИЯ О БОРИСЕ И ГЛЕБЕ

Захватив в 6523 (1015) г. киевский стол, Святополк, стремившийся к единвластию, как сообщает летопись, не остановился перед предательским умерщвлением своих младших братьев, князей Бориса Ростовского и Глеба Муромского, и вынужден был вскоре вступить в открытую вооруженную борьбу с третьим своим братом Ярославом, княжившим в Новгороде. Борьба велась с переменным успехом и закончилась полным поражением и гибелью Святополка. О смерти его где-то в «пустынь межу Ляхы и Чехы» глухо сообщает русская летопись в одних списках под 6527 (1019), в других — под 6524 (1016) г.

Содержание летописных известий о княжении Святополка обнимает, таким образом, два цикла событий: 1) убийство Бориса и Глеба, 2) борьбу Святополка с Ярославом.

Повествование летописи об убийстве Бориса и Глеба имеет характер довольно большого законченного рассказа, отличающегося своеобразными художественными достоинствами. Обилие драматических мест и лирических отступлений сообщает ему живость. Самый язык — выразительный, точный и сжатый.

Существуют две древние летописные редакции этого повествования. Одну из них находим в списках Новгородской первой летописи: Академическом, Толстовском и Археографической комиссии. Вторая имеется в Лаврентиевском и родственных ему Ипатьевском, Хлебниковском и Радзивилловском списках. Эти две редакции можно считать основными. Позднейшее происхождение и зависимость от них встречающихся в других сводах сокращенных редакций рассказа об убийстве Бориса и Глеба очевидны.

Сравнение обеих редакций обнаруживает, что основной их текст восходит к какому-то не дошедшему до нас источнику,

который А. А. Шахматов называет Начальным киевским сводом¹. Ниже представляется случай подробнее остановиться на происхождении вариантов в статье 6523 (1015) г., под которым внесен рассказ об убийстве Бориса и Глеба как в Лаврентиевский, так и в Новгородский свод. Пока же ограничимся указанием на важнейшие из этих вариантов. Самый состав статьи 6523 (1015) г. в Лаврентиевском своде сложнее: вслед за сообщением о погребении Глеба в Вышгороде, составляющим заключение записи Новгородского свода, в Лаврентиевском идут два значительных лирических отрывка и ряд фактических данных, часть которых, как увидим ниже, известна и Новгородскому, но помещена в нем ниже, под 6524 (1016) г.

Общая обоим сводам часть статьи 6523 (1015) г. может быть разделена на два неравных отрывка. Меньший по объему и первый по порядку сообщает о сборах Владимира в поход против Новгорода, его болезни, походе Бориса на печенегов, смерти Владимира, его погребении и заканчивается краткой похвалой этому князю.

Текст обеих редакций, в фактической, по крайней мере, части, здесь совпадает почти без отклонений. Похвала Владимиру сходна с отрывком такого же содержания из «Жития блаженного Володимера», причем в большинстве летописных списков она передается в сокращенном виде.

Второй больший отрывок имеет в Новгородской летописи заголовок, отвечающий его содержанию: «О убиении Бориса и Глѣба»; в Лаврентиевском своде тот же заголовок с пропуском второго имени, в Ипатьевском списке он расширен и читается: «Убьеніе святыхъ новоявленіихъ мученикъ Бориса и Глѣба», и лишь в Хлебниковском опущен совсем.

Не вдаваясь пока в подробное сравнение обеих летописных редакций, обратимся к другому древнему памятнику, изучение которого должно идти параллельно изучению летописного рассказа. Памятник этот — древнее анонимное «Сказание об убиении Бориса и Глеба», приписываемое некоторыми исследователями перу писателя XI столетия Иакова-мниха. А. А. Шахматов следующим образом определяет его значение для изучения летописного рассказа о Борисе и Глебе: «Между летописным и житийным сказаниями оказывается ряд общих, иногда дословно тождественных мест. Это сходство... можно объяснить или предположением, что житийное сказание основывается на летописном, или так, что летописное сказание извлечено из житийного, или, наконец, так, что оба они восходят к одному общему источнику. Решение определяющегося таким образом

¹ А. А. Шахматов. Разыскания..., стр. 9.

вопроса должно приблизить нас к разъяснению происхождения летописного сказания»².

Памятник этот, древнейший из дошедших до нас списков которого сохранился в рукописи XII в., принадлежавшей Московскому Успенскому собору, озаглавлен так: «Сказание и страсть и похвала святому мученику Бориса и Глѣба»³.

Памятник был открыт Макарием, который издал его впервые в журнале «Христианское чтение» за 1849 г. по рукописи XVI в., принадлежавшей Сахарову⁴. Тексту предпослана вступительная статья издателя. В настоящее время известно 172 списка «Сказания»⁵, причем ни один из них не содержит прямых указаний ни на время составления памятника, ни на личность его автора.

Последнее обстоятельство вызвало со стороны русских исследователей ряд попыток установить то и другое на основании косвенных указаний.

Относительно времени составления «Сказания» первый его исследователь Макарий, ссылаясь на вступительные слова памятника: «Сице убо бысть малымъ преже сихъ лѣтъ сущю самодержцю вся рускыя земли Володимеру...», полагал, что выразиться так мог лишь писавший вскоре после смерти этого князя автор, а, следовательно, составление «Сказания» относится к XI в.

Мнение Макария оспаривалось А. Ф. Тюриным⁶, который в фразе «малымъ преже сихъ лѣтъ» видит простой ходячий оборот, напоминающий «греческое техническое выражение: «ὁὐ πρό πολλοῦ τῆς καθ' ἡμᾶς γενεᾶς» — незадолго, что иногда означало у греческих писателей слишком целое столетие». Кроме того, — добавим мы, — в выражении «сихъ лѣтъ» можно видеть ссылку на время событий после смерти Владимира; в таком случае, под событием, которое произошло «преже», по контексту можно разумеать раздачу Владимиром русских городов в княжение своим детям, о чем и сообщается в «Сказании» вслед за приве-

² А. А. Шахматов. Разыскания..., стр. 33.

³ «Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских» (далее «Чтения...»), кн. 1. М., 1870. Цитаты из «Сказания» в дальнейшем будут даны по этому списку в транскрипции на гражданский алфавит, сделанной Д. И. Абрамовичем в книге: «Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им». Пг., 1916.

⁴ «Христианское чтение», 1849, кн. II. СПб., стр. 377—407.

⁵ Перечень и описание их см. в книге: Н. К. Никольский. Материалы для повременного списка..., стр. 258—268. См. также, С. Бугославский. Пам'ятки XI—XVIII вв. про князів Бориса та Гліба. У Києві, 1928, стр. 1—3, 18—20, 48, 56, 42, 94.

⁶ А. Ф. Тюрин. Мнение... академика П. Г. Буткова. «Изв. 2-го отд. Акад. Наук», т. II, 1853, стр. 83—86. В тексте «Изв. 2-го отд. Акад. Наук», т. II, 1853 опечатка. Выражение хронистов было: «ὁὐ πρό πολλοῦ τῆς καθ' ἡμᾶς γενεᾶς».

денными словами. Возможность такого толкования этого темного места несколько ослабляет убедительность довода Макария. Наконец, самое понятие «малымъ», как это отметил А. Ф. Тюрин, слишком неопределенно, чтобы на основании его можно было строить положительные хронологические выводы. Наличие упомянутого выше списка XII столетия дает, впрочем, право искать дату составления «Сказания» в 200-летнем почти промежутке от начала XI до конца XII в. В литературе вопроса существуют попытки фиксировать ее точнее, не выходя, конечно, из указанных пределов. Составление «Сказания» относят к концу 1-й четверти, затем ко второй половине XI и, наконец, ко второй половине XII в.

Первая точка зрения выдвинута Макарием. Она опирается на фразу, которой заканчивается в «Сказании» рассказ о борьбе Ярослава со Святополком: «И оттолѣ крамола преста в русской земли». Макарий указывает, что после этой борьбы «крамола» возобновилась в 6529 (1021) г. (борьба Ярослава с Брячиславом) и что лицо, писавшее после 1021 г., не могло бы так выразиться. Следовательно, — полагает Макарий, — эта фраза составлена до 1021 г.⁷ Против такого аргумента можно сделать два возражения. Первое принадлежит А. Ф. Тюрину: «Нам кажется, — говорит он, — что слово крамола в приведенном месте относится к поступкам Святополка и к беспорядкам в Руси, вызванным его поведением»⁸. Такое толкование этим словам давал, по-видимому, и Нестор, пользовавшийся «Сказанием» при составлении своей компиляции⁹.

Второе: в «Сказании» много легендарного. Для того же, чтобы около исторического события образовалась легенда, требуется период времени, гораздо больший, нежели 2—3 года.

Попытка отнести составление «Сказания» ко второй половине XII в. основана на соображениях еще менее убедительных. Она опирается на слова составителя «Сказания»: «На мѣстѣ, идеже мученичьскимъ вѣньцьмъ увязозаста, създанѣ быста църкви вѣ имя ею»¹⁰ (т. е. Бориса и Глеба). В Лаврентиевской летописи известно, что на месте смерти Бориса — Альте — в 6633 (1125) г. была закончена постройка каменного храма. Под 6653 (1145) г. в Синодальном списке сообщается: «Въ то же лѣто заложиха церковь камяну на Смядинѣ, Борис и Глѣб

⁷ «Христианское чтение», 1849, ч. II, стр. 396, примечание.

⁸ А. Ф. Тюрин. Мнение... академика П. Г. Буткова, стр. 87.

⁹ «Крамоле бывшей отъ людий и изгнану ему (Святополку) сущю не токмо изъ града, нъ изъ области всея» («Чтение о житии и погублении блаженую стратотерпцю Бориса и Глеба»). По Сильвестровскому списку. Издано И. И. Срезневским в его «Сказаниях о святых Борисе и Глебе», СПб., 1860, стр. 20). Ср. А. Ф. Тюрин. Мнение... академика П. Г. Буткова, стр. 83.

¹⁰ Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 49.

Смольньскѣ» (место гибели Глеба). Сопоставляя эти летописные данные с рассказом составителя «Сказания», делают вывод, что последний знал о них, а, следовательно, «Сказание» написано не ранее 1145 г.¹¹

Слабая сторона этой аргументации, по мнению Макария, заключается в невозможности доказать, что составители «Сказания» и летописи рассказывают о тех же самых фактах. Есть, наоборот, основание предполагать противное. В Лаврентьевской летописи под 6682 (1174) г. есть указание, что на Альте тогда уже был монастырь и, видимо, храм. Возможно, что ранее каменной церкви, о которой упоминает летопись под 6633 (1125) г., там стояла деревянная. О ней-то и упоминает составитель «Сказания». То же самое можно предполагать по аналогии и относительно церкви Бориса и Глеба на Смядине¹².

Третья точка зрения опирается на то обстоятельство, что в «Сказании» ничего не говорится о втором, торжественном перенесении мощей Бориса и Глеба при великом князе Изяславе в 1072 г., событии, во всяком случае, важном и интересном для составителя жизнеописания братьев. Из этого умолчания делаются два последовательных вывода: 1) автор «Сказания» не знал об этом событии, 2) не знал потому, что «Сказание» составлено до 1072 г. Возражения против изложенного соображения исходят главным образом со стороны исследователей, относящих составление «Сказания» к XII в. О перенесении мощей в 1072 г., — отмечает А. Ф. Тюрин, — говорится в других списках того же «Сказания»: таковы списки Румянцевского музея XVI в. и Погодинский, где упоминается о перенесении мощей Бориса и Глеба не только в 1071 г., но и в 1115 г. при Мономахе¹³. Для Срезневского последнее обстоятельство послужило одним из поводов отнести составление «Сказания» к XII в.¹⁴ Очевидно, что обе точки зрения основываются на списках различного состава, и для того чтобы разобраться в вопросе, необходимо ознакомиться с особенностями различных списков.

По своему составу все известные нам списки могут быть разделены на три группы.

К первой группе относятся списки, содержащие в тексте, кроме данных об убийстве Бориса и Глеба, еще известие о погребении их в Вышгороде и общую им похвалу. Это самые краткие по составу списки.

¹¹ П. Г. Бутков. Разбор трех древних памятников русской духовной литературы. — «Современник», 1852, т. XXXII, отд. 2, стр. 91—92.

¹² «Изв. ОРЯС АН», 1853, т. II, стр. 146—149.

¹³ А. Ф. Тюрин. Мнение... академика П. Г. Буткова, стр. 90—91.

¹⁴ И. И. Срезневский. Древние жизнеописания русских князей. — «Изв. ОРЯС АН», 1853, т. II, стр. 120—127.

Списки второй группы дополнены рассказом о первых трех чудесах Бориса и Глеба, об установлении в честь их праздника 24 июля великим князем Ярославом и заканчиваются сообщением о смерти этого князя¹⁵.

Списки третьей группы еще более расширены: список Сахаровский XVI в. содержит описание трех новых чудес, список Софийского собора XVII в., кроме перечисленного, содержит еще сообщение о перенесении мощей Бориса и Глеба при Изяславе; в списках Сильвестровском XIV в.¹⁶ и Успенского собора XII в.¹⁷ рассказывается даже о втором перенесении мощей в 1115 г. Таким образом, на очередь выдвигается вопрос о первоначальном составе «Сказания», т. е. редакции самого автора, и от того или другого его решения зависит вся доказательная сила приведенных хронологических соображений.

Здесь мы располагаем мнениями двух исследователей — О. М. Бодянского и Макария.

Мнение О. М. Бодянского, высказанное в форме простого предположения, сводится к тому, что все три состава «Сказания» вышли из-под пера самого автора, причем два последних были постепенным расширением первоначального краткого извода. О. М. Бодянский ссылается на самый характер памятника и его язык, всюду ровный и ничем не различающийся во всех трех изводах и потому свидетельствующий о своей принадлежности одному писателю¹⁸. Точка зрения О. М. Бодянского была опровергнута Макарием, который указал, что в третьем изводе рассказ о чудесах, бывших после 1072 г., заимствован у Нестора. Нестор передает их как современник и очевидец. Свое собственное мнение, будто первоначальная редакция содержала рассказ о первых трех чудесах, Макарий подкрепляет следующим соображением: «Невероятным представляется, чтобы первый жизнеописатель св. мучеников, живший во второй половине XI века, заключил свое сказание об них известием только о погребении их и общею им похвалою, не упомянув об открытии мощей их, о причислении их к лику святых, об установлении в честь их праздника, бывшем ок. 1020 года»¹⁹.

Однако внимательное изучение текста приводит нас к выводу, что первоначальная, принадлежащая составителю «Сказания» редакция соответствует самому краткому изводу, без описания чудес. В самом деле: «Сказание» и в кратком изводе

¹⁵ Обзор в книге: Н. К. Никольский. Материалы для современного списка...

¹⁶ И. И. Срезневский. Сказания о святых Борисе и Глебе. СПб., 1860.

¹⁷ «Чтения...», 1870, кн. 1.

¹⁸ В предисловии к изданию в «Чтениях...», 1870, кн. 1.

¹⁹ Макарий. История русской церкви, т. II, стр. 146—147.

имеет вполне законченный характер, и в конце его есть обычное молитвословие: «И тебе славу въсылаемъ отцю и сыну и святому духу, нынѣ и присно и въ вѣки вѣковъ. аминь»²⁰. Кроме того, рассказы о чудесах обычно отделены каждое особым заголовком и следуют за текстом, причем в некоторых списках они объединены особым введением. Введение это составлено под сильным влиянием похвалы Борису и Глебу, находящейся в конце текста «Сказания», о чем свидетельствуют тождественные выражения. Трудно допустить, чтобы один автор мог так повторяться в своем сочинении. В списках же без этого введения чудеса представляют ряд отдельных эпизодов, нередко с отдельными заголовками, напоминая по изложению протокольные записи. Лирические отступления и риторические образы здесь отсутствуют, язык сухой и бесцветный, напоминает «Чтение» Нестора. Гипотеза о ведении особых записей о чудесах при церкви Борису и Глебу в Вышгороде, принадлежащая П. В. Голубовскому²¹ и развитая А. А. Шахматовым²², кажется очень вероятной. Рассказы о чудесах, по-видимому, присоединялись к «Сказанию» постепенно, позднее, может быть, под влиянием «Чтения» Нестора.

К аналогичному заключению пришел в своей работе «Древнерусские литературные сказания о Борисе и Глебе» С. А. Бугославский на основании детального сопоставления 172 списков «Сказания». «Съказание чюдесь святою страстьтрьпцю христову Романа и Давида» (Бориса и Глеба) — памятник самостоятельный и иного происхождения, нежели «Сказание»²³. Поэтому вопрос о времени составления «Сказания» в той плоскости, в которой ставили его А. Ф. Тюрин и И. И. Срезневский, решаться не может. В тексте самого «Сказания» не упоминается ни о первом, ни о втором перенесении мощей братьев-мучеников.

С. А. Бугославский полагает, что «Сказание» было составлено в начале 50-х годов XI в. «Мы вправе, — пишет он, — отнести «Сказание» к началу второй половины XI в., тем более, что цель его прославить «род праведных», особенно — Ярослава; о трудах же по прославлению сыновей Ярослава — Изяслава, Святослова и Всеволода — здесь не говорится. Очень

²⁰ Список XIV в. Московского Чудова монастыря. «Чтения...», 1870, кн. 1.

²¹ П. В. Голубовский. Служба святым мученикам Борису и Глебу в Иваничской минее. «Чтения в Обществе Нестора летописца», кн. XIV. Киев, 1910.

²² А. А. Шахматов. Разыскания..., стр. 40—41.

²³ Диссертация С. А. Бугославского не издана. Переписанный на машинке экземпляр ее хранится в Институте мировой литературы имени А. М. Горького в Москве. См. также: С. Б у г о с л а в с к и й. Пам'ятки XI—XVIII вв. про князів Бориса та Гліба, стр. XII—XV.

вероятно, что «Сказание», написанное при жизни Ярослава, являлось панегириком ему. На это указывают слова: «Оттолѣ преста крамола в руськѣ земли, и Ярослав прѣя вьсю волость русьскую». После смерти Ярослава вряд ли можно говорить о крамолѣ. Во всяком случае «Сказание» написано до 1072 года, до перенесения мощей Бориса и Глеба, так как, изложив факт открытия мощей, автор не мог не упомянуть о таком событии»²⁴. Аргументация С. А. Бугославского представляется спорной. Упоминание о «крамолѣ», как это показывает приведенное выше возражение А. Ф. Тюрина Макарию, подтверждением гипотезы С. А. Бугославского служить не может. В тексте памятника встречаются глухие, правда, указания, что составление его можно приурочить ко времени не ранее второй половины XI в.

Интерес к Борису и Глебу должен был особенно оживиться перед торжественным перенесением их мощей в 1072 г. К этому моменту и в связи с ним, надо полагать, и было составлено «Сказание». Если это верно, тогда понятно умолчание в тексте памятника о торжестве 1072 г. и легко допустить, что в выражении «Родѣ правыхъ благословиться» заключается указание на участвовавших в нем Ярославичей. Но все это пока лишь предположение, нуждающееся в более основательных доказательствах. В таком же состоянии находится и вопрос об авторе «Сказания».

Существует гипотеза, что составителем «Сказания» был Иаков-мних, известный как автор несколько иного по своему характеру памятника древней русской письменности. Гипотеза эта имеет свою историю.

Сахаровская рукопись, с опубликования которой началось изучение «Сказания», содержала всего три памятника со следующими последовательными заголовками:

1. «Мѣсяца Июля въ 15 день. Память и похвала князю русскому Володимеру, како крестися Володимеръ, и дѣти своя крести и всю землю Рускую отъ коньца до коньца, и како крестися баба Володимерова Ольга преже Володимера. Списано Иаковомъ-мнихом. Господи, благослови отче».

2. «Житие блаженаго Володимера».

3. «Мѣсяца Июля въ 24 день. Сказаніе и похвала о убиеніи святую мученику Бориса и Глѣба. Господи, благослови отче».

Почти в самом начале текста «Сказания» находятся следующие слова его составителя: «Сиде убо бысть малымъ преже сихъ лѣтъ сущю самодержцю всея рускыя земля князю Володимеру,

²⁴ С. А. Бугославский. Рукопись диссертации «Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе», ч. 1, стр. 237. См. также: С. А. Бугославский. К литературной истории «Памяти и Похвалы князю Владимиру». «Изв. ОРЯС АН», т. XXIX, Л., 1925.

сыну Святославу, внуку же Игореву, иже святымъ крещени емъ просвѣти всю землю рускую. Прочая же того добродѣтели индѣ скажемъ; нынѣ же нѣсть время». Последнее обещание и выполнено, по-видимому, в «Памяти и Похвале». Здесь автор, ссылаясь на авторитет и пример апостолов Павла и Луки, которые сами писали и учеников своих наставляли описывать встреченные ими в жизни замечательные события и чудеса, прибавляет: «Тако же и азъ, худый мнихъ Иаковъ, слышавъ отъ многихъ о благовѣрнемъ князь Володимери всея рускыя земли, о сыну Святославѣ, и мало събравъ отъ многихъ я добродѣтели его написахъ, и о сыну его реку же святую и славную мученика Бориса и Глѣба — како просвѣти благодать Божіа сердце князю русскому Володимеру...»²⁵ и т. д.

Из сопоставления заголовков памятников и приведенных из них отрывков можно сделать напрашивающееся само собой заключение: автор «Памяти и Похвалы» и автор «Сказания» — одно лицо.

При таком допущении, основываясь на только что цитированном отрывке из «Памяти и Похвалы», можно заключить:

- 1) автором «Сказания» был Иаков-мних;
- 2) составитель его пользовался устными источниками;
- 3) «Память и Похвала» написана после «Сказания».

Значение трех последних заключений условное и зависит от того, насколько прочно установлено тождество автора обоих памятников.

Мнение Макария, которому принадлежит только что указанное сближение, разделяется рядом исследователей, в том числе М. П. Погодиным^{25а}, М. И. Сухомлиновым²⁶, К. Н. Бестужевым-Рюминым²⁷ и В. С. Иконниковым²⁸.

Можно, конечно, не разделять предположения А. А. Шахматова, что названные исследователи имели предшественником себе книжника XVI столетия, по тем же, может быть, соображениям, соединившего оба памятника в своем рукописном сборнике, но все же приходится согласиться, что ближайшим основанием для их сближений в известной степени послужили особенности Сахаровской рукописи, единственной, где «Сказание» соединяется вместе с «Похвалой». Не ограничиваясь приведенным замечанием, А. А. Шахматов категорически отрицает тождество автора «Памяти и Похвалы» и «Сказания». Слова «и о

²⁵ «Христианское чтение», 1849, т. II.

^{25а} «Изв. 2-го отд. Акад. Наук», 1853, т. II, стр. 326.

²⁶ М. И. Сухомлинов. О древней русской летописи, как памятнике литературном. СПб., 1856, стр. 78.

²⁷ К. Н. Бестужев-Рюмин. О составе русских летописей до конца XIV века. СПб., 1868, стр. 16.

²⁸ В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. II, ч. 2. Киев, 1898, стр. 1095.

сыну его реку же святую и славную мученика Бориса и Глѣба, на которые опирается в своем сближении Макарий, по его мнению, — позднейшая вставка в первоначально так читавшийся текст: «и о добродѣтелях его написахъ» (вставка) «како крести» и проч.²⁹ Но и без подобной поправки текста памятника авторские права Иакова на «Сказание» можно бы отрицать, исходя из предположения, что ему, может быть, принадлежало другое, не дошедшее до нас житие Бориса и Глеба. К тому же заключению приходит Н.К. Никольский, подходя к нему с другой стороны. «Сказание, — думает он, — не могло иметь в виду Похвалу (в ссылке «индѣ»), так как автор сказания предполагал говорить о тех добродетелях Владимира, которые обнаружились независимо от крещения Руси»³⁰.

Сторонники мнения Макария указывали на совпадение хронологических данных в обоих памятниках, на которое обратил в свое время внимание М. П. Погодин. В «Памяти и Похвале» сообщается: «По святомъ же крещении поживе блаженный князь Володимер 28 лѣтъ», а в «Сказании»: «Володимеру же минувшим лѣтъ 28 по святомъ крещеніи, впаде Володимер въ недугъ крѣпокъ». Болезнь эта окончилась смертью Владимира. Хронология Иакова и хронология «Сказания» расходятся здесь с летописной. Исходя из года смерти Владимира — 6523 (1015) г. путем вычитания 28-летнего промежутка получаем дату крещения Руси — 6495 (987) г. Ту же дату можно получить из другого расчета, приведенного в «Памяти и Похвале»: «Съде Киевѣ князь Володимеръ... мѣсяца Іюня въ 11 день, в лѣто 6486. Крестижесе князь Володимеръ въ десятое лѣто по убевни брата своего Ярополка». Известно, что убийство Ярополка непосредственно предшествовало вокняжению Владимира, а, следовательно, крещение Владимира относится к 6495 (987) г. (6486 + 9). Летопись же датирует это событие 6496 (988) г. По мнению В. З. Завитневича, «Сказание» и «Похвала» имеют собственную, отличную от летописной, хронологическую сетку. В «Памяти и Похвале» она дана, если не современником, то, во всяком случае, человеком, близким по времени своей жизни к упоминаемым событиям и перечисляющим их по памяти³¹.

«Похвала» сообщает данные, неизвестные летописи: поход к порогам, основание Переяславля и, наконец, такие, о которых не знает никакой другой источник, — день занятия Владими-

²⁹ А. А. Шахматов. Разыскания..., стр. 28, примечание.

³⁰ Н. К. Никольский. Ближайшие задачи изучения древнерусской книжности. «Памятник древней письменности и искусства», СХLVII. СПб., 1902, стр. 30.

³¹ В. З. Завитневич. О месте и времени крещения св. Владимира... «Труды Киевск. Духовной академии», 1888, январь, стр. 131, 134.

ром Киева. Все это свидетельствует о древности памятника. Но А. И. Соболевский³² на ряде примеров показал, что в древности при хронологических расчетах счет лет начинали годом первого события, и, таким образом, год крещения Владимира по данным «Похвалы» совпадает с летописным. Древность «Похвалы» он и Н.К. Никольский³³ отрицают. «Сказание», по мнению Н.К. Никольского, древнее «Похвалы», текст которой восходит к рукописи 1414г. Слог и литературные приемы авторов в обоих памятниках различны. Мы не имеем ни одного списка «Сказания» с указанием имени его автора.

На основе подобных же шатких сближений сторонники гипотезы об авторстве Иакова-мниха пытались собрать некоторые биографические данные об этом писателе.

Ими было выяснено, что существовало три лица, носивших имя Иакова, каждое из которых по своему положению и времени жизни могло быть автором «Сказания».

Об одном из них — Иакове-пресвитере — упоминает летопись под 6682 (1074) г. Феодосий Печерский перед смертью говорил братии: «...Да аще от мене хочете игумена прїяти, то азъ створю вамъ не по своему изволенью, но по божью строенью», «и нарече имъ Иякова презвитера», — добавляет летопись. «Братъи же нелюбо бысть, глаголюще: «яко не здѣсть пострижень», бѣ бо Ияковъ пришелъ съ Летьца съ братомъ своимъ Пауломъ»³⁴.

Отсюда делали три вывода:

1) Иаков-пресвитер жил около 1074 г.; 2) это был человек выдающийся, а, следовательно, он мог быть автором «Сказания»; 3) он жил на Альте, где был убит Борис и стояла церковь Бориса и Глеба, откуда, несомненно, могли исходить предания об их кончине.

Время жизни Иакова-пресвитера как раз совпадает с вероятным временем составления «Сказания».

Второй Иаков — черноризец. О нем говорится в Кормчей: «Иоанна, Митрополита Русского, нареченного пророком Христа, написавшего правило церковное отъ святыхъ книгъ вкратцѣ Иякову черноризьцю». Митрополит Иоанн, упоминаемый здесь, был в этом сане от 1080 до 1088 г.

Третий Иаков — «чрънецъ» — написал послание к великому князю Димитрию. Относительно этого Димитрия существует три предположения: во-первых, это Изяслав Ярославич

³² А. И. Соболевский. Сборник в память 900-летия крещения Руси. «ЖМНП», 1888, июнь, стр. 397—398.

³³ Н. К. Никольский. Материалы для повременного списка..., стр. 231—232.

³⁴ Летопись по Лаврентьевскому списку, стр. 181—182.

(1054—1078), христианское имя которого было Димитрий; во-вторых, это великий князь Всеволод Юрьевич (1176—1212) и, в третьих, Димитрий Александрович (1276—1294). Очевидно, что Иаков-чернец, если только он был составителем «Сказания», не мог жить ни при Всеволоде Юрьевиче, ни при Димитрии Александровиче. Это противоречило бы выводам, к которым пришли исследователи по вопросу о времени составления этого памятника. Наоборот, предположение, что он был современником Изяслава, согласуется с этими выводами.

Возможно также, что упомянутые пресвитер, мних и черноризец были одним лицом, которое в период между 1054 и 1088 гг. было указано в преемники Феодосием, получило правило от Иоанна и написал не только послание Димитрию (Изяславу), но и «Сказание». Если же отрицать это тождество, то предпочтение следует отдать Иакову-пресвитеру, за которого говорит его пребывание на Альте, а впоследствии — близость к тогдашнему литературному центру — Киево-печерской лавре. Слова Иакова: «слышавъ... и мало събравъ отъ многихъ... написахъ» — приобретают особый смысл как указание на то, что Иаков пользовался в своем труде изустными преданиями с берегов Альты³⁵. Что же касается Иакова-чернца, то С. И. Смирнову удалось доказать, что Димитрий, к которому было адресовано его послание, — князь Димитрий Борисович Ростовский, а самое послание было написано в 1281 г.³⁶ Попытка пересмотреть вопрос об авторстве Иакова в целом, предпринятая С. А. Бугославским на основании тех же источников в статье «К литературной истории «Памяти и Похвалы», — новых выводов не дала³⁷. Важнейшим результатом произведенного в его докторской диссертации сравнения текстов всех известных науке списков «Сказания» является вывод: «Оригинал «Сказания» тождественен тексту, лежащему в основе списков Чудовской редакции (без сказания о чудесах); к нему же восходят и списки Успенской редакции»³⁸.

Подводя в свое время итоги этому научному спору, который с начала 50-х годов XIX в. на протяжении полувека то затихал, то разгорался снова, Н. К. Никольский писал: «Нужно, однако, сознаться, что ни одно из высказанных предположе-

³⁵ Н. К. Никольский. Материалы для повременного списка..., стр. 229.

³⁶ С. И. Смирнов. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. «Чтения...», 1912, стр. 242.

³⁷ «Изв. ОРЯС АН», XXIX, 1925.

³⁸ С. А. Бугославский. Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе. Рукопись диссертации, стр. 154. См. его же: Памятки XI—XVIII вв. про князів Бориса та Гліба. У Києві, 1928, стр. IX—XII.

ний... не имеет за собой точно установленных оснований потому, что никому еще не удалось выяснить историю текста этого памятника»³⁹.

Действительно, взаимоотношения текста «Сказания» и летописной статьи 6523 г. оставались невыясненными. Со времен исследований о русской летописи М. И. Сухомлинова и К. Н. Бестужева-Рюмина установился и держался взгляд, что «Сказание о Борисе и Глебе» вошло в состав «Повести временных лет» так же, как Паннонские жития, житие Владимира, сказание Василия об ослеплении Василька и ряд других сказаний, существовавших прежде отдельно. «Стало быть, нельзя не предположить, что эти известия внесены в «Повесть» из письменных источников,—писал Бестужев-Рюмин.—Источник одного из них мы знаем. Это *Иаковлево* «Сказание»: но—скажут нам—не могло ли это известие попасть в Сказание из «Повести», а не наоборот? Едва ли: мы *Иакова* знаем: *Иаков* пришел из *Льтца* в Печерский монастырь»⁴⁰. Только П. Г. Бутков, Д. И. Иловайский и А. И. Соболевский полагали, что «Сказание» в главной своей части есть не что иное, как извлечение из летописи, к которому автор прибавил от себя цитаты из св. писания, молитвы святых князей и сведения о их чудесах и перенесении мощей при Владимире Мономахе; последнее же упоминается летописью (по Лаврентьевскому списку) под 1115 г. после известной приписки Сильвестра, следовательно, не в Несторовой летописи, а в ее продолжении⁴¹.

Спор, как можно видеть, упирался в ту же проблему о времени составления «Сказания».

В таком положении вопрос о «Сказании» стоял вплоть до появления в 1908 г. книги А. А. Шахматова «Разыскания о древнейших летописных сводах», где исследователь предложил свое решение этого вопроса в связи со своей новой концепцией относительно возникновения и развития русского летописания.

«Отвергаю самым решительным образом возможность заимствования летописного сказания из подлежащего нашему исследованию житийного,—писал А. А. Шахматов.—Житийное сказание не содержит в себе ничего существенного, чего бы не было в летописном; оно отличается от летописного сказания одною риторикой; так, в нем вставлены длинные речи и причитания,

³⁹ Н. К. Никольский. Материалы для повременного списка..., стр. 257.

⁴⁰ К. Н. Бестужев-Рюмин. О составе русской летописи до конца XV ст., стр. 16.

⁴¹ А. И. Соболевский. В каком году крестился Владимир. «ЖМНП», 1888, май, стр. 397—398.

сначала Бориса, потом Глеба; длинные размышления приписаны самому Святополку после того, что он убил Глеба. Летописное сказание полно определенных фактов; риторики в нем мало; в сущности, риторика прорвалась только в предсмертном причитании Глеба. Мы знаем ценность сообщаемых нашему летописцу фактов; если летописец умел так или иначе представить длинный ряд событий X и XI веков, то естественно ему же приписать занесение на письмо фактов, относящихся к убийству Бориса и Глеба; факты эти согласованы с другими, сообщенными им раньше и появляющимися у него позже»⁴².

Исходя из этих общих положений, А. А. Шахматов в плане развития основной темы своего труда дал ряд частных соображений по поводу подробностей летописной статьи 6523 г., которые, по его мнению, подтверждали его точку зрения на происхождение житийного сказания. Поставленные в связь с новой оригинальной концепцией А. А. Шахматова о генеалогии летописных сводов, соображения эти представлялись, на первый взгляд, бесспорными. Многим казалось, что вопрос о взаимоотношениях летописного и житийного «Сказания» получил у А. А. Шахматова окончательное решение и пересмотру более не подлежит. «А. А. Шахматовым, — писал в 1915 г. Н. И. Серебрянский, — в его «Разысканиях...» дана совершенно новая постановка вопроса об отношении древних церковных сказаний о Борисе и Глебе к сказаниям летописным. Путем анализа сохранившихся памятников исследователем, так сказать, создан новый материал для сравнительного изучения вопроса — восстановлены утраченные старинною письменностью первоначальные редакции летописных сказаний о Борисе и Глебе. Характеризовать результаты такой работы нет нужды. Мне лично кажется, что в настоящее время легче будет найти новые рукописные материалы о старинных житиях Б. и Г., чем дать другую постановку вопроса о первоначальной литературной истории житий, по сравнению с предложенною Шахматовым»⁴³.

Поскольку наша работа представляет в известной мере опыт проверки основного положения А. А. Шахматова о происхождении летописной статьи 6523 (1015) г. об убийстве Бориса и Глеба, разбору его мнений относительно известий, подтверждающих эти общие положения, будет посвящена особая глава настоящей работы. Здесь же коснемся лишь общих его положений, как они формулированы в приведенной только что цитате из «Разысканий».

⁴² А. А. Шахматов. Разыскания..., стр. 33.

⁴³ Н. И. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития. «Чтения...», 1915, кн. 3, стр. 83.

В общих своих выводах Шахматов исходит из двух посылок, принятых им на основании априорных, так сказать, соображений: 1) составителю «Сказания» принадлежит лишь риторическая и лирическая часть повествования; 2) текст, содержащий факты, восходит к летописи.

Первое из этих мнений было высказано Д. И. Иловайским и А. И. Соболевским. Оценка второго приводит нас к изучению содержания преданий об убийстве Бориса и Глеба, т. е. состава исторических фактов, в них отраженных.

Глава II

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ СКАЗАНИЙ О БОРИСЕ И ГЛЕБЕ

Текст «Сказания» по содержанию можно разделить на три части:

Первая — вступительная — содержит краткие сведения о семье князя Владимира. Вторая — рассказ об умерщвлении Бориса и Глеба — повествует о событиях, начинающихся со смерти Владимира и вокняжения в Киеве Святополка, и заканчивается известием о погребении Глеба в Вышгороде, вместе с Борисом. Третья — похвала Борису и Глебу, составляющая как бы заключение «Сказания».

Летописной статье 6523 (1015) г. соответствует вторая, центральная, часть «Сказания», начиная от слов: «Убо сице многомъ же уже дньмъ минувъшемъ...», до слов: «пришедъше, положиша и Вышгородъ». Отсюда необходимо исключить встречающиеся в списках более поздней редакции описания битвы между Ярославом и Святополком на берегу Днепра, у Любеча, и похода на Русь польского князя Болеслава. Соответствующей частью летописной статьи 6523 (1015) г. является текст от слов: «Володимеру же разболѣвшюся» — в Комиссионном, Толстовском и Академическом списках Новгородской первой летописи; в Лаврентиевском, Хлебниковском, Троицком — до акафиста. Рассказ о битве у реки Альты и гибели Святополка в Лаврентиевском и родственных ему списках помещен под 6527 (1019) г., а в Новгородской первой летописи (за исключением Синодального списка) сокращен и слит с подробностями Любечской битвы под 6524 (1016) г. В уцелевшей части Синодального списка его совсем нет.

При сравнении этих отрывков из летописи и «Сказания» легко заметить, что в той их части, где сообщаются данные фактического характера, в основе их лежит, как правило,

один и тот же текст; наоборот, в лирической части текст в обоих случаях самостоятельный.

Остановимся на изучении текста с фактическим содержанием. Общность его в летописи и «Сказании» выражается в следующем:

1. Состав событий в обоих случаях один и тот же.

2. Та же резко выраженная тенденциозность.

3. Местами текст, как это уже отметил А. А. Шахматов, совпадает дословно, местами — с незначительными отклонениями, характер которых не оставляет сомнений в том, что они не более как варианты какого-то общего текста.

Повествование об убийстве Бориса и Глеба в летописи и «Сказании» в своей фактической части восходит, таким образом, к какому-то общему источнику. Назовем его условно первичной редакцией повествования о Борисе и Глебе, не предвещая пока вопроса, является ли этой первичной редакцией, как думал И. И. Срезневский, древняя редакция «Сказания»¹, или, согласно мнению А. А. Шахматова, — статья не дошедшего до нас Начального Киевского летописного свода², или же был прав С. А. Бугославский, когда утверждал, что «Сказание» — результат переработки статьи 6523 (1015) г. «Повести временных лет»³.

Для восстановления содержания первоисточника летописного рассказа о Борисе и Глебе возьмем из летописной статьи 6523 (1015) г. и «Сказания» общие им фактические данные. Исходным моментом для развертывания изучаемого цикла событий послужила смерть князя Владимира в селе Берестове возле Киева. Событие это некоторое время скрывалось, и освободившийся киевский стол занял находившийся тогда в Киеве Святополк. Чтобы расположить к себе киевлян, новый князь стал раздавать им щедрые подарки. Между тем его единокровный брат Борис, посланный заболевшим отцом с дружиной навстречу печенегам, набег которых ожидался, не найдя врагов, возвращался уже обратно, когда пришло к нему известие о произошедших в Киеве переменах. Дружина тотчас же предложила Борису свою помощь для захвата власти в Киеве, но, когда тот отказался, разошлась. Покинутый княжеской дружиной, Борис остановился со своими отроками на берегу реки Альты, на расстоянии дневного пути до Киева. Святополк, замыслив отделаться от Бориса с помощью убийц, послал к нему послов с изъявлением братской любви и лицемерными

¹ И. И. Срезневский. Древние жизнеописания русских князей X—XI вв. «Изв. ОРЯС АН», 1853, т. II, стр. 125—128.

² А. А. Шахматов. Разыскания..., стр. 36—37, 44.

³ С. А. Бугославский. Диссертация, ч. 1, стр. XIII.

обещаниями, а сам в то же время вел ночью тайные переговоры со своими сторонниками в Вышегороде о выполнении своих планов. Посланные им убийцы застали Бориса в шатре среди ночи за молитвой и пением заутрени и, дав ему закончить службу, ворвались в шатер и умертвили князя и его отроков. Труп одного из них, по имени Георгия, пытавшегося защитить Бориса своим телом, убийцы обезглавили, чтобы снять с его шеи золотую гривну, подарок Бориса. Тело самого Бориса, обернувши в шатер, они повезли в Вышегород, а когда тот в пути «на бору» стал подавать признаки жизни, узнавший об этом Святополк послал двух варягов прикончить свою жертву. Останки убитого были погребены в Вышегороде у церкви св. Василия.

Между тем, Святополк стал готовить такую же участь другому брату, Глебу, князю Муромскому. С этой целью Святополк послал к Глебу от имени больного Владимира (Глеб не знал еще о смерти отца) требование прибыть немедленно в Киев. Глеб повиновался, но в пути на Волге конь его споткнулся, и князь сломал ногу. У Смоленска на Смядине Глеб сел на «кораблець» («насад»). Между тем его брат Ярослав, князь новгородский, извещенный о всем случившемся своей сестрой Предславой, предупреждает Глеба о грозящей ему опасности и дает с посланным совет остановиться. Пока Глеб в горести предавался молитвам, подоспели убийцы и настигли судно, на котором он плыл по реке. Глеба зарезал его собственный повар, по имени Торчин. Тело князя было покинуто убийцами на берегу «межи двѣма колодама». Лишь позднее, когда Ярослав, выйдя победителем из борьбы со Святополком, окончательно взял в свои руки власть над Киевом, по его повелению тело Глеба было торжественно перенесено в Вышегород и погребено вместе с Борисом. Последнее столкновение Ярослава с изгнанным из Киева Святополком произошло на том же Альтском поле, где был убит Борис. Многочисленные полчища печенегов, приведенные Святополком, были разбиты, и сам он бежал в Берестию. Пробежав всю «Лядскую землю», Святополк погиб, как уже говорилось выше, где-то в «пустынь межю Чахы и Ляхы».

В этом стройном, исполненном, на первый взгляд, вполне реальных исторических подробностей повествовании при более внимательном его анализе обнаруживаются моменты иного порядка.

В первую очередь должно отметить, что о кончине Бориса в нем сообщается два раза и притом подряд. Первый раз подробно в рассказе о нападении на него вышегородцев в шатре на берегу Альты, который в «Сказании» заканчивается хронологической справкой: «И абие усьпе, предавъ душу свою въ руцѣ Бога жива; мѣсяца июлия въ 24 днь, преже 9 каландѣ

августа»⁴ (в летописи этой справки нет). Вторично в следующем за тем отрывке:

«Сказание»:

«Блаженааго же Бориса обертѣвше въ шатѣръ, възложивше на кола, повезоша, — и яко быша на бору, начать възскланяти святую главу свою. И се увѣдѣвъ Святоплкъ пославъ два Варяга, и прободоста и мечьмъ въ срьдце и тако съкончыся и въсприять неувядаемый вѣнць. И положиша тѣло его принеьше Вышегороду, у цркви святааго Василия, въ зьмли погребоша»⁵.

Лаврентиевский свод:

«Бориса же убивше оканьнии, увертѣвше в шатѣръ, възложивше на кола, повезоша ѿ, и еще дышюцю ему. Увѣдѣвъ же се оканьный Святополкъ, яко еще дышетъ, посла два Варяга прикончатъ его; онѣма же пришедшема и видѣвшема, яко еще живъ есть, единъ ею извлекъ мечъ, пронъзе и къ сьрдцю. И тако скончыся блаженный Борисъ, вѣнецъ приимъ отъ Христа Бога съ праведными, причетъся съ пророкы и апостолы, с ликы мученичьскими водваряся, Авраму на лонѣ почивая, видя неиздреченьную радость, въспѣвая съ ангелы и веселяся с лики святыхъ. И положиша тѣло его, принеьше отай Вышегороду, у цркви святаго Василья»⁶.

«Итак, — замечает по поводу летописного текста А. А. Шахматов, — оказывается, что убийцы не заметили, что Борис не испустил еще духа; как же мог узнать об этом Святополкъ? Весьма вероятно, что Бориса повезли в Вышегород те самые лица, которые убили его по поручению Святополка, ибо по свидетельству летописи его принесли в Вышегород «отай»... Почему же убийцы, заметив, что Борис дышит, не прикончили его сами, а послали к Святополку, и почему последний, не желавший разглашать своего участия в убийстве, не поручил прикончить Бориса тем же преданным ему вышегородцам, Путыше и его дружине, а послал на это дело еще двух варягов? Вижу объяснение этому недоуменному месту летописного сказания в предположении, что эпизод с нанесением Борису смертельного удара варягами заимствован в летописное сказание из какой-нибудь легенды, сложившейся вокруг того или иного места, признанного благочестивыми почитателями святых мучеников местом

⁴ «Чтения...», 1870, кн. 1, л. 4; Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 37.

⁵ «Чтения...», л. 4 об.; Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 37.

⁶ Летопись по Лаврентиевскому списку. СПб., 1872, стр. 131—132.

кончины Бориса». Бор, о котором здесь идет речь, был, как думает А. А. Шахматов, около Дорогожича, на пути из Киева в Вышегород. Там в XII в. стояла церковь св. Бориса и Глеба.

«Итак,—заключает А. А. Шахматов,—имеем основание предполагать, что составитель летописного сказания, до нас дошедшего, должен был согласовать два предания об убиении Бориса: одно из них говорило об убиении на Альте, а другое на Дорогожиче»⁷.

Подобное же соединение двух самостоятельных легенд Шахматов раскрывает и в рассказе о гибели Глеба. Останавливая внимание на пути Глеба, вызванного обманным образом из своего княжества в Киев и следовавшего от Мурома до Волги верхом, А. А. Шахматов видит здесь несообразность, заключающуюся в том, что Муром находится на Океи, следовательно, перед Глебом открывался речной путь, если он хотел достигнуть истоков Волги, чтобы от них идти по Днепру до Киева. Несообразность эта явилась, по мнению А. А. Шахматова, результатом попытки «соединить два рассказа, два предания: по одному Глеб ехал в кораблеце или в насаде, когда его настигли убийцы, а по другому Глеб ехал на конях». Второе предание, — думает А. А. Шахматов,—ведет свое происхождение от местечка Отмичи на устье реки Тьмы, впадающей в Волгу, где некогда стоял монастырь и при нем церковь «Пресвятой Богородицы да страстотерпцы Борис и Глеб»; первое — смоленское, знавшее об убийстве Глеба в насаде («кораблеце») на реке Смядине, возникло вокруг находившегося там монастыря, при котором еще в 1138 (6646) г. была отстроена каменная церковь во имя Бориса и Глеба, а ранее, вероятно, стояла деревянная⁸.

В самом развитии событий повествования встречается также ряд несообразностей. Например:

1) необъясним отказ Бориса вести дружину против Святополка, последствием чего будто бы явился ее уход;

2) странным кажется его пребывание на берегу Альты: осведомленный о подозрительном образе действий Святополка, Борис не принимает никаких мер для своего спасения, не пытается даже бежать, как бы поджидая убийц;

3) смысл посольства Святополка к Борису не вполне ясен. Имело ли оно целью разведать, что творится вокруг Бориса? Но Святополк об этом был уже осведомлен, поскольку о смерти Владимира во время переговоров трактуется как о факте, известном обеим сторонам, а следовательно, Святополк знал уже, что известие о ней достигло Бориса. Источником осведомленности Святополка могла послужить хотя бы прежняя дру-

⁷ А. А. Шахматов. Разыскания..., стр. 74, 76.

⁸ Там же, стр. 77, 81.

жина Бориса. Предположение, что посольство имело целью обмануть бдительность Бориса и заманить его в западню, представляется мало правдоподобным: по данным летописи, посольство состоялось после ухода дружины от Бориса, когда тот не представлял уже прежней опасности для Святополка. Вообще говоря, эта подробность, не оказавшая сколько-нибудь заметного влияния на развитие дальнейших событий, походит на какой-то излишний вставной эпизод в ходе повествования.

Не менее искусственным кажется и ответ Бориса на предложение дружины: «Не буди мнѣ възнати руки на брата своего старѣйшаго; аще и отец ми умре, то съ ми буди въ отца мѣсто», — объявил Борис дружине, отказываясь вести ее на Святополка⁹. Объяснение это, впрочем, гармонирует с общей характеристикой Бориса. Наряду с общечеловеческими добродетелями: сыновней и братской любовью, послушанием, кротостью и незлобием Бориса, летопись и «Сказание» наделяют его чертами чисто агиографического характера. Вследствие этого перед нами не столько живое историческое лицо, сколько святой и мученик. «Господи Ісусе Христе! иже симъ образомъ явился на земли спасенья ради нашего... тако и мене сподоби прияти страсть; се же не отъ противныхъ приимаю, но отъ брата своего, и не створи ему, господи, въ семь грѣха», — молится он в летописи, поджидая убийц¹⁰. По «Сказанию» он начал готовиться к мученичеству еще ранее, как только узнал о смерти отца. Брат мой, — рассуждает он, — «о биении моемъ помышляеть. Да аще кровь мою пролѣть и на убиство мое потыщиться, мученикъ буду господу моему. Азъ бо не противлюся»¹¹. Как и подобает мученику, Борис непрерывно молится, особенно в «Сказании»: молится и причитает, когда узнает о смерти отца; причитает и молится, когда узнает о грозящей ему самому опасности; молится, когда покидает его дружина; молится при приближении убийц; молится, когда его убивают. Происхождение этих молитвенных речей, как увидим ниже, литературное. В таких же чисто агиографических тонах дан образ и другой жертвы Святополка, юного еще Глеба. Условный тип святого и мученика, выступая на первый план, заслоняет собой в каждом из них черты подлинной исторической личности. Погубивший их Святополк изображен закоренелым злодеем, снедаемым чудовищным властолюбием. Самое появление его на свет было нарушением законов божеских и человеческих: «Сего мати прежде бѣ чърницею, грѣкыни суци и поаяль ю бѣ

⁹ Летопись по Лаврентьевскому списку, стр. 129. Параллельный отрывок «Сказания», «Чтения...», 1870, кн. 1, л. 2.

¹⁰ Там же, стр. 130—131.

¹¹ «Чтения...», 1870, кн. 1, л. 1—2; Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 29.

Яроплькъ, братъ Володимирь, и ростригъ ю красоты дѣля лица ея, и зача отъ нея сего Святоплѣка оканьнааго. Володимиръ же погантъ еще, убивъ Яроплька, и поять жену его, непраздну сущю...»¹². С особенной полнотой его сумрачная психология раскрыта в «Сказании». Как настоящий трагический герой, обреченный роком в силу своего греховного и противоестественного зачатия «отъ дѣвою отцю» на одни преступные деяния, Святополк сам сознает безысходность своего положения: «Приложю къ безаконию убо безаконие, обаче и матери моя грѣхъ да не оцѣстится и съ правдѣнными не напишюся, нѣ да потреблюся отъ книгъ живущихъ», — размышляет он в унынии¹³. К этой психологии отчаяния присоединяется поистине неистовое властолюбие: первой мыслью Святополка после захвата им княжеского стола в Киеве было: «да избить вся наслѣдники отца своего, а самъ принять единъ вьсю власть»¹⁴. Поэтому Святополку чуждо раскаяние, и, наоборот, он всегда готов «горьша съдѣяти и множайша убийства»¹⁵. Святополк неотступно терзаем, но не угрожениями совести, а низменным животным страхом закоренелого злодея за свою безопасность и положение. «Что сътворю?» — рассуждает он, будучи еще киевским князем, — аще бо досѣде оставлю дѣло убийства моего, то дѣвоего имама чаяти: яко аще услышать мя братия моя, си же варивъше, въздадять ми и горьша сихъ; аще ли и не сице, то да ижденуть мя, и буду чужъ престола отца моего, и жалость землѣ моя сънѣсть мя, и поношения поносящихъ нападутъ на мя, и княжение мое приметъ инъ, в вѣ дворѣхъ моихъ не будетъ живушааго...»¹⁶.

Позднее, после Альтской битвы, этот страх обращается в манию преследования. «Оканьный трѣклятый» Святополк, «второй Каинъ», находится в непрерывном общении с отцом всякого зла, дьяволом. Как величайший грешник он принял «горькую и нечеловѣчную смѣрть», обречен на «муку вѣчную», и даже от могилы его исходит «смрадь зълый на показаниечеловѣкомъ»¹⁷. В летописи Святополк говорит меньше, но поступает так же. Искусственность в изображении отрицательных черт Святополка

¹² «Чтения...», 1870, кн. 1, л. 1; Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 27—28.

¹³ «Чтения...», 1870, кн. 1, л. 4; Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 39.

¹⁴ «Чтения...», 1870, кн. 1, л. 2; Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 32.

¹⁵ «Чтения...», 1870, кн. 1, л. 4; Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 38.

¹⁶ «Чтения...», 1870, кн. 1, л. 4; Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 38—39.

¹⁷ «Чтения...», 1870, кн. 1, л. 7; Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 47.

выступает тем резче, что мрачная его личность и деятельность сопоставляются с кротостью и христианским всепрощением убитых братьев. Искусственность этого контраста очевидна. Развертывание событий в повествовании исполнено драматических эффектов. Для выполнения преступных замыслов Святополк ночью тайно отправляется в Вышегород на совещание с убийцами. Прежде чем открыть единомышленникам свои планы, он берет с них торжественную клятву верности. Борис, готовясь принять «ангельский вѣнец», служит ночью в шатре заутреню. Приближение убийц особенно картинно изображено в «Сказании»: тут среди ночи и «блистание оружия», и «мечьюе оцѣщение», и «шпѣть зльѣ окрестъ шатра»¹⁸. Убийцы выжидают, пока Борис кончит петь заутреню, чтобы наброситься на свою жертву. Любимый отрок Борисов — Георгий пытается защитить князя своим телом. Свирепые убийцы перебили всех отроков и ограбили обезглавленный труп Георгия. Убийство Глеба описывается в таких же тонах. Убийцы преследуют корабль Глебов и, настигнув, прыгают в него с обнаженными мечами. Какой-то «Гордѣръ», видимо, предводитель злодеев, отдает приказание убить Глеба. Повар Глебов вынимает нож — и князь зарезан, «агы агня непорочно».

Убийцы бросают его тело тут же на берегу и спешат к своему господину сообщить о выполнении его поручения. Круг преступлений завершен. Наступил момент расплаты за них. Ярослав ополчился на Святополка не ради личных целей: он орудие правосудия божия, долженствующее покарать братоубийцу. Злодеяние Святополка так же, как и его окончательное поражение, свершились на берегах Альты. Ярослав, став на месте «идеже бѣ убиенъ святой Борисъ», с возведенными к небесам руками взывает к правосудию божью «се кровь брата моего вѣшиеть къ Тебѣ, Владыко, яко же и Авелева преже, и ты мѣсти его, яко же и на ономъ положи стенание и трясение на братоубийци Каинѣ. Ей молю тя, Господи, да въсприимуть противу тому». Злая сеча идет от солнечного восхода до вечера. Молитва Ярослава услышана. Святополк разбит, обращен в бегство, и на него положено, как на Каина, «стенание и трясение» и «нападе на нь бѣсъ, и раслабѣша кости его и яко не мощи ни на кони сѣдити и носяхуть его на носилѣхъ». В каком-то мистическом ужасе злодей беспрестанно взывает к спутникам: «побѣгните, о се женуть по насъ»¹⁹. Самой «пустыни», где он сложил свои кости, не найти ни на одной географической карте. «Между Чахы и Ляхы», по разъяснению О. И. Сенковского, не более

¹⁸ «Чтения...», 1870, кн. 1, л. 4; Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 34—35.

¹⁹ «Чтения...», 1870, кн. 1, л. 6; Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 47.

как перевод распространенной в Польше шуточной поговорки: «Między Szeszy i Leshy», что значит: «Бог весть, где и как»²⁰. В первичной повести о судьбе Бориса и Глеба нет тени того равнодушно-беспристрастного тона, каким отмечены летописные статьи, излагающие братоубийственные распри между сыновьями Святослава — Олегом, Ярополком и Владимиром. Повесть об убийстве Бориса и Глеба во всех своих деталях пронизана негодованием на Святополка. Идея божественного возмездия за злодеяния объединяет эти детали в законченное художественное целое. Перед нами не документальное описание исторических событий, передающее факты так, как они происходили, а тенденциозный исторический роман, где реальные события прошлого переплетаются с созданиями художественного вымысла. В приемах изложения событий чувствуется перо опытного писателя с творческим воображением, литературным мастерством и эрудицией в области современной ему агиографии.

В научной литературе только И. П. Еремин подошел вплотную к проблеме об агиографической структуре статьи о Борисе и Глебе, но его анализ, вскрывая подробно агиографические черты образов Бориса и Глеба и только мимоходом — Святополка, не касается вовсе агиографических моментов в развитии самой фабулы об их гибели²¹.

При скудости относящихся к изучаемым событиям исторических источников, к тому же недостаточно изученных со стороны достоверности их показаний, задача выделения в повести о судьбе Бориса и Глеба элементов исторического предания среди подробностей чисто литературного происхождения представляла бы непреодолимые трудности, если бы ключ к ее решению не обнаружился среди текста одного из изучаемых памятников. В «Сказании» среди пространных lamentаций Бориса по поводу ожидающей его участи находится следующая справка: «помышляшеть же мучение и страсть святого мученика Никиты и святого Вячеслава, подобно же сему бывъшую убиению, и како святѣи Варварѣ отецъ свои убоица бысть»²².

Отмеченная здесь аналогия свидетельствует, разумеется, о знакомстве автора «Сказания» с агиографической литературой, греческой и латинской, но не в этом одном заключается ее значение. При сопоставлении русской повести о Борисе и Глебе с легендами об убийстве чешского князя Вячеслава (Václav)

²⁰ О. И. Сенковский. Собр.¹ соч., т. V, СПб., 1858, стр. 499.

²¹ И. П. Еремин. «Повесть временных лет». Проблемы ее историко-литературного изучения. Л., 1946, стр. 62—64.

²² «Чтения...», 1870, кн. 1, л. 3; Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 33.

открывается между ними сходство, которое идет гораздо дальше случайной аналогии.

Ссылка в тексте «Сказания» на жития Вячеслава, Никиты и Варвары обратила на себя внимание С. А. Бугославского, который в своей докторской диссертации «Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе» писал: «Автор «Сказания» о Борисе и Глебе читал жития св. Никиты, Вячеслава и Варвары, о которых Борис упоминает перед смертью. Тексты этих житий не отразились в «Сказании»²³. С этим замечанием в части, относящейся к житию Вячеслава, как увидим ниже, нельзя согласиться. Как типичный исследователь-текстолог, С. А. Бугославский искал в изучаемых памятниках отрывков идентичного или сходного текста. Между тем родство между памятниками в данном случае гораздо глубже: оно не ограничивается простым воспроизведением одним из них заимствованных из другого фрагментов текста, оно обнаруживается и в самом их содержании, в ряде существенных моментов в развитии основной темы повествования обоих.

Легенды о Вячеславе многочисленны. Чешский ученый И. Пекарж (I. Pečář)²⁴ еще в 1906 г. делил их на следующие группы:

1 группа:

1) Так называемая «Востоковская» редакция. Издана А. Х. Востоковым по рукописи Румянцевского музея конца XV в.²⁵ Эта редакция едва ли не древнейшая из дошедших до нас. О. М. Бодянский и И. В. Ягич считают ее автором современника Вячеслава. По мнению А. Х. Востокова, оригинал был составлен на чешском языке вскоре после убийства Вячеслава, прежде так наз. «Христиановой легенды». Она знает только первое чудо св. Вячеслава²⁶. Пекарж, впрочем, склонен несколько уменьшить ее древность.

2) «Минейная» редакция, в основу которой положен тот же текст, что и в «Востоковской», но несколько расширенный. Она дошла до нас в рукописи XVI в.²⁷

3) Латинская легенда Лаврентия²⁸. Оспаривая мнение Герца, будто легенда относится к XI в., Пекарж полагает, что она составлена еще в X в., на основании устных источников.

²³ С. А. Бугославский. Диссертация, ч. 1, стр. 139.

²⁴ I. Pečář. Die Wenzels und Ludmila Legenden und die Echtheit Christians. Prag, 1906.

²⁵ «Московский Вестник», 1827, ч. V.

²⁶ Там же, стр. 84.

²⁷ Архим. Сергей. Полный месяцеслов Востока, т. II, стр. 334.

²⁸ Fontes rerum Bohemicarum, t. I. V Praze, 1873, p. 167—182.

II группа (латинская):

1) «Crescente fide Christiana» — дошла до нас в списках XI и даже X в. ²⁹

2) Гумпольдова легенда. Составлена Гумпольдом, епископом мантуанским (967—983). Вольфенбюттельская ее рукопись относится к XI или XII в. ³⁰

3) «Oporet nos fratres». Сохранилась в рукописях XII в.

4) Славяно-русское переложение Гумпольдовой легенды. Рукопись XVI в. ³¹

III группа:

1) Вторая редакция Христиановой легенды.

IV группа:

1) Латинская легенда «Oriente iam sole» и т. д.

Путем тщательного анализа текстов И. Пекарж установил родство между этими легендами. Наряду с чертами сходства, они обнаруживают некоторые расхождения в фактических данных:

1) Русские жития — Востоковское и Минейное, мало отличаются на воспитании и жизни Вячеслава до момента подготовки его убийства; Христианова легенда — больше, а у Гумпольда подробнее разработана агиографическая характеристика Вячеслава.

2) В то время как латинские жития склонны инициативу заговора против Вячеслава приписать чешским вельможам, некоторые другие (например, «Oporet nos fratres») на первый план выдвигают его брата, чешского князя Болеслава; в тех и других житиях организатором и даже исполнителем убийства всегда является последний.

3) По словам Лаврентия, тело мученика некоторое время лежало непогребенным, пребывая в нетлении, тогда как в славянских житиях оно было немедленно предано земле в присутствии матери Вячеслава — Драгомири.

Важнейшие черты сходства во всех почти легендах заключаются: 1) в совпадении общего плана повествования; 2) в сходстве ряда подробностей описания организации и самого выполнения убийства ³².

Существенные дополнения и коррективы к приведенной группировке И. Пекаржа были сделаны, по преимуществу, в связи с 1000-летием гибели Вячеслава, в 1929 г., когда интерес

²⁹ I. Рекарь. Die Wenzels und Ludmila Legenden... p. 88—125.

³⁰ Н. К. Никольский. Легенда мантуанского епископа Гумпольда о св. Вячеславе чешском. «Памятники славяно-русской письменности», 1909, стр. СХХIV.

³¹ Там же.

³² I. Рекарь. Die Wenzels und Ludmila Legenden...

к его личности значительно оживился. В обширной научной литературе 1929—1939 гг. Вячеслав трактуется, как поборник национального славянского просвещения, восходящего в Чехии непосредственно к Кириллу и Мефодию. Отмечается, что, кроме славянского, он владел также латинским и греческим языками, тогда как император Оттон I едва умел подписать свое имя. Во время княжения Вячеслава богослужение в Чехии совершалось по славянским переводам церковных книг, написанным глаголическими знаками. При преемниках Вячеслава церковная служба в Чехии происходила уже на латинском языке, что не могло не отразиться на развитии национальной чешской культуры³³.

В 1929 г. Чешская академия выпустила в Праге «Sborník staroslovánských literárních památek o sv. Václavu a sv. Ludmile». Uspřádal prof. I. Vajs. Здесь наряду с известными уже науке сказаниями о Вацлаве и Людмиле помещены не напечатанные еще редакции. Непосредственно затем в Праге же был издан «Svatováclavský sborník»³⁴ с источниками и исследованиями чешских ученых о Вячеславе. В сборнике Вайса был опубликован текст хорватско-глаголической редакции начальной легенды о Вячеславе³⁵, менее исправный вариант которого, хранившийся в Любляне, был еще в 1902 г. напечатан и комментирован И. В. Ягичем³⁶.

Тщательный филологический анализ текста сохранившихся вариантов этой редакции дал М. Вейнгарту³⁷ основание заключить, что первоначальный глаголический ее оригинал был составлен в Чехии вскоре после перенесения останков Вячеслава в церковь св. Вита, не позднее 940 г.³⁸ Еще в X в. это сказание в Чехии же было двукратно переписано опять-таки глаголическими знаками. Как оригинал, так и обе эти копии утрачены. Четыре сохранившихся позднейших варианта, образовавшихся при переписке, восходят каждый самостоятельно к той или другой из двух утраченных глаголических копий³⁹. Пределы распространения хорватско-глаголической легенды на славянском юге географически были невелики: в Сербии и Болгарии она не была известна⁴⁰.

³³ V. Chalupecký. Kníže Svatý Václav. Praha, 1947, str. 55—56.

³⁴ «Svatováclavský sborník. Vydáný na památku 1000. výročí smrti, knížete Václava Svatého. Vydal Národní výbor pro oslavu Svatováclavského tisíciletí», t. I, 1934; t. II—1, 1938; t. II—2, 1939. V Praze.

³⁵ «Sborník staroslovánských literárních památek o sv. Václavu a sv. Ludmile». V Praze, 1929, str. 36—43.

³⁶ «Русский филологический вестник». Варшава, 1902, № 3—4.

³⁷ «Svatováclavský sborník», t. I, str. 863—1088.

³⁸ Там же, стр. 960.

³⁹ Там же, стр. 916.

⁴⁰ Там же, стр. 960.

Не дошло до нас как снятой кириллическими знаками с глаголического оригинала копии легенды о Вячеславе чешского происхождения, так и сделанной с нее точной русской копии. Сохранившееся Востоковское житие представляет собой список с последней, неполный и не вполне исправный⁴¹. Поэтому славянская легенда считается теперь уже не переводом с чешского оригинала, как думал раньше А. Х. Востоков⁴², а подлинным произведением чешской литературы на церковнославянском языке⁴³. Сюда же, по мнению И. Пекаржа, относится и «минейная» редакция жития Вячеслава, лучший список которого сохранился в Сборнике Троице-Сергиевой Лавры⁴⁴.

Вместе с тем учеными было установлено, что остальные древнейшие легенды о Вячеславе почти все сформировались к началу XI в.⁴⁵

В Киевской Руси был хорошо известен славянский перевод переложения латинской легенды о Вячеславе, составленной около 980 г. по заданию императора Оттона II мантуанским епископом Гумпольдом⁴⁶. Гумпольд использовал в своем труде как источник легенду «Crescente fide», древнейшую из латинских биографий Вячеслава, составленную около 950 г. и, во всяком случае, не позднее 70-х годов X в. Через короткое время латинский оригинал Гумпольдовой легенды подвергся латинским же переделкам, сокращениям или расширениям данными из других источников⁴⁷. Опубликованный Н. К. Никольским текст, по его мнению, представляет славянский перевод одной из таких переделок. «Сказание Гумпольда в славянском переводе, — пишет Н. К. Никольский, — дошло до нас с изменениями и дополнениями, которые восходят к источнику латинского происхождения. На это указывает совпадение некоторых дополнений и вариантов с известиями «Crescente fide», «Licet plura nobis» и с легендой Христиана»⁴⁸.

В результате сопоставления с славянским текстом переложения родственных латинских сказаний о Вячеславе Н. К. Никольский установил, что варианты славянского текста «восходят к источнику, который принадлежит к древнейшему типу ле-

⁴¹ «Svatováclavský sborník», t. I. str. 1113.

⁴² «Описание русских и словенских рукописей Румянцевского Музеума», М., 1842, стр. 693.

⁴³ А. В. Флоровский. Чехи и восточные славяне, т. I, стр. 128.

⁴⁴ «Sborník staroslovánských literárních památek...», str. 137.

⁴⁵ V. Chaloupecký. Kniže Svatý Václav.

⁴⁶ Н. К. Никольский. Легенда мантуанского епископа Гумпольда..., стр. LXXIV.

⁴⁷ Там же, стр. XXXIX — XL.

⁴⁸ Там же, стр. XXXIX.

генд и следы которого заметны в других сказаниях, хотя в цельном виде он остается нам неизвестным»⁴⁹.

Этот источник ни в коем случае не может быть отождествлен с обычной редакцией «Crescente fide»⁵⁰. Н. К. Никольский⁵¹ и А. И. Соболевский⁵² относят появление славянского перевода легенды Гумпольда к концу X или началу XI столетия. И. Пекарж — только к половине XI в.⁵³ Вашика составление самой переделки относит к 1000 г.⁵⁴

Мнение Н. К. Никольского и И. Пекаржа, будто в основе легенды Гумпольда лежит латинская легенда «Crescente fide Christiana», оспаривает Я. Славик, который путем сопоставления обеих с параллельными местами славянской переделки Гумпольдовой легенды, пытается показать, что легенда «Crescente fide» не что иное, как сокращение какой-то распространенной ее редакции⁵⁵. При настоящем состоянии источников разрешение этого спора вряд ли возможно, что, впрочем, не порождает сомнений в глубокой древности обеих легенд. «До настоящего времени, — писал еще в 1909 г. Н. К. Никольский, — была уверенность, что автор Сказания о св. Борисе и Глебе разумел так называемое Востоковское житие св. Вячеслава. Но с одинаковым правом можно предположить, что сказание о русских мучениках имело в виду и легенду Гумпольда»⁵⁶.

Десять—пятнадцать лет спустя после Гумпольдовой была написана третья латинская легенда о Вячеславе — Лаврентием, монахом Монтекассинского монастыря в южной Италии. Содержание ее не зависит от легенды «Crescente fide» и основано, по преимуществу, на записях устных чешских преданий о Вацлаве, собранных епископом Войтехом⁵⁷.

Отмечено, что культ Вячеслава сопровождался на Руси культом матери его отца, чешской княгини Людмилы⁵⁸. Корни этого идут из Чехии, от связи биографий их обоих. В старых легендах повествованию о Вячеславе нередко предшествуют данные об умерщвлении Людмилы. Церковная традиция сообщает, что по смерти чешского князя Вратислава, за малолетством его сыновей, между их матерью Драгомирью и бабкой Людмилой разгорелась борьба за власть, во время которой последняя была задрана сторонниками своей невестки. Если Людмила была воспитательницей и наставницей Вячеслава,

⁴⁹ Там же, стр. XII.

⁵⁰ Там же, стр. XVI.

⁵¹ Там же, стр. XLV.

⁵² «Изв. ОРЯСАН», 1906, т. XI, кн. 2, стр. 4—8.

⁵³ I. P e k a ř. Die Wenzels und Ludmila Legenden..., p. 8, 50—57.

⁵⁴ «Sborník staroslovánských literárních památek...», str. 75—80.

⁵⁵ «Svatováclavský sborník», t. I, str. 1111—1112.

⁵⁶ Н. К. Н и к о л ь с к и й. Легенда мантуанского епископа Гумпольда..., стр. L.

⁵⁷ «Svatováclavský sborník», t. I, str. 82—83.

⁵⁸ А. В. Ф л о р о в с к и й. Чехи и восточные славяне, т. I, стр. 129.

то этот последний принимал непосредственное участие в прославлении своей бабки. Церковный культ Людмилы начался еще в княжение Вячеслава вскоре после ее смерти. Формирование же религиозной традиции о Вячеславе зародилось в Чехии в княжение виновника его гибели, «братоубийцы» Болеслава. И в том и в другом случае установление культа — дело прежде всего чешского духовенства, ценившего религиозное рвение Людмилы и Вячеслава, деятельность их в интересах церкви. Церковный культ Людмилы, установленный в Чехии Вячеславом, при преемниках последнего временно пришел в упадок и восстановился не ранее второй половины XII в.

Древнейшее известное житие Людмилы начинается словами «Fuit in provincia Voëmogum»⁵⁹. Существует мнение, что это самое первое житие Людмилы, составленное по почину Вячеслава перед ее канонизацией в 925 г., и что первоначально оно было написано на славянском языке, а затем вскоре переведено на латинский⁶⁰. В совпадении плана изложения и ряда агиографических подробностей можно различить следы непосредственного влияния этого первенца чешской агиографии на литературную композицию древнейших легенд о Вячеславе.

Следует заметить, что сведения об умерщвлении Людмилы даются в тексте большинства легенд о Вячеславе.

Таким житием сложного состава является, например, легенда Христиана, составленная по поручению епископа пражского Войтеха в 992—994 гг. на латинском языке. Помимо данных о Вячеславе, она содержит баснословное предание об образовании чешского княжества, о деятельности Мефодия и Кирилла, о крещении чешского князя Боривея, о жизни и умерщвлении Людмилы. Кроме легенд «Crescente fide» и Гумпольдовой, Христиан использовал древние славянские предания о Людмиле и Вячеславе, как устные, так и написанные, искусно компилируя свои источники⁶¹.

Вопрос — каким путем и какие именно из древних легенд о Вячеславе проникли из Чехии в Киевскую Русь, составляет часть общей проблемы о культурных сношениях между ними.

Изучение особенностей языка списков древнейшей славянской легенды о Вячеславе привело М. Вейнгарта к выводу, что она попала на Русь, минуя южных славян и, в частности, Болгарию⁶², за которой традиция признавала как бы монополию на поставку в эту пору к нам церковной литературы.

⁵⁹ «Svatováclavský sborník», t. II—2, str. 459—481.

⁶⁰ Там же, стр. 23—27.

⁶¹ I. P e k a ř. Svatý Václav. «Svatováclavský sborník», t. I, str. 84—85; более подробно: V. C h a l o u p e c k ý. Doba vzniku legendy Kristiánovy. «Svatováclavský sborník», t. II—2, str. 367—400.

⁶² «Svatováclavský sborník», t. I, str. 960—962.

В византийских святцах имени Вячеслава также не встречается. Значит, между Киевом и Прагой существовали тогда какие-то пути непосредственных сношений. Еще в 1868 г. П. А. Лавровский на столбцах славянофильской «Москвы» отметил, что у русской летописи есть более обстоятельное, нежели в западных источниках, представление о древнейших географических границах Чехии, что в той же летописи встречается ряд известий о чехах от конца IX и на протяжении X и XI столетий. Это, по мнению П. А. Лавровского, неопровержимо свидетельствует о непосредственных связях Киевской Руси с Чехией в ту отдаленную эпоху ⁶³.

Позднее эту же мысль развивал ряд ученых, русских и зарубежных. Итоги сильно разросшейся за последние десятилетия литературы на эту тему подвел и обобщил А. В. Флоровский в книге «Чехи и восточные славяне». Он пришел к выводу, что вопрос о непосредственных связях между Чехией и Киевской Русью при Владимире, его сыновьях и внуках можно признать положительно решенным ⁶⁴.

При Владимире эти связи были весьма близкими. В числе «водимых» жен Владимира-язычника летопись называет «чехиню», мать его старшего сына Вышеслава.

Если можно положиться на сведения хрониста XII в. Козьмы Пражского, то Краков перед исходом X столетия принадлежал чехам. В таком случае, после того как Владимир в 981 г. занял «Перемышль, Червень иныя грады» ⁶⁵, Киевская Русь имела даже общую границу с Чехией вплоть до 999 г., когда, по данным Козьмы Пражского, Краков отошел к Польше ⁶⁶.

Под 996 г. «Повесть временных лет» сообщает о Владимире: «И бѣ живя съ князи околними миромь; съ Болеславомъ Лядьскимъ, и съ Стефаномъ Угръскимъ, и съ Андрихомъ Чешьскимъ и бѣ миръ межю ими и любы» ⁶⁷. В отношении Андриха (Ольдриха), который княжил в Чехии в период 1012—1034 гг., в статье 996 г. явный анахронизм, объясняемый, возможно, тем, что она составлялась позднее, по сведениям, почерпнутым от младших современников Владимира, отразившим международную ситуацию последних лет его княжения (1012—1015).

⁶³ «Москва», № 96, 30 июля 1868. Статья без подписи. О принадлежности ее Лавровскому см. Д. Д. Языков. Обзор жизни и трудов покойных русских писателей и писательниц, умерших в 1886 г. СПб., 1890; стр. 80.

⁶⁴ А. В. Флоровский. Чехи и восточные славяне, т. I, стр. 128.

⁶⁵ Летопись по Лаврентьевскому списку, стр. 80.

⁶⁶ А. В. Флоровский. Чехи и восточные славяне, т. I, стр. 26—32.

⁶⁷ Летопись по Лаврентьевскому списку, стр. 124.

Документальным *terminus ante quem* для укрепления на Руси церковного культа Вячеслава можно считать внесение минеи ему в Новгородский сборник 1095 — 1097 гг.⁶⁸ В действительности же культ этот существовал и ранее: один из сыновей Ярослава, родившийся в 1036 г., носил имя Вячеслава, данное ему, несомненно, в честь чешского святого.

Официальному введению культа нового святого в церковной практике предшествовало распространение традиции о нем. Поэтому проникновение на Русь древних легенд о Вячеславе можно отнести к периоду приблизительно с половины X до половины XI столетия и далее⁶⁹.

Летописная статья 6545 (1037) г. — панегирик просветительной деятельности Ярослава, который «собра писцѣ многы, и прекладаша отъ грекъ на словѣнское писмо, и списаша книги многы». Возможно, что по почину Ярослава могли собираться и переводиться не только греческие, но и латинские книги, попадавшие на Русь через Чехию и Польшу. Об этом литературном наследии поостерегся упомянуть в начале XII в. после «разделения церквей» православный киево-печерский инок. Не исключено, что на протяжении всего XI столетия могли еще встречаться на Руси книжные люди, знакомые не только со славянскими, но и с латинскими легендами о Людмиле и Вячеславе.

В позднейшей минейной редакции параллель между Вячеславом и Борисом дополняется параллелью между убийцами их, Болеславом и Святополком: «Неже убо всѣя Болеславу дяволь въ сердце да наустиста и на брата своей (приведенная часть текста восходит к Востоковской редакции; далее позднейшее добавление Минейной. — Н. И.) яко же и оканьнаго Святополка, иже совѣща злое на братию и примѣ власть единѣ в Русей земли, а не вѣдуще отмщенна Божіе, яко слуги Божіа не туне мечь носить, но въ погибель нечестивым: тако же и ти злые совѣтницы діаволи, иже совѣщаша въ сердцихъ своихъ съ Болеславомъ на блаженного князя Вячеслава»⁷⁰.

Возможность влияния русских преданий о Борисе и Глебе на формирование чешских о Вячеславе, разумеется, исключена, так как записанные предания о чешском князе восходят к X в., а убийство Бориса и Глеба — событие XI в.

Устанавливая непосредственное влияние на древнейшую латинскую редакцию легенды о Вячеславе («*Crescente fide*»)

⁶⁸ А. В. Флоровский. Чехи и восточные славяне, т. I, стр. 123—124.

⁶⁹ Там же, стр. 132.

⁷⁰ «Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры», ч. III. М., 1879, стр. 220—222

первичной латинской легенды о Людмиле («Fuit in provincia Boëmogath»), чешский ученый В. Халоупецкий отмечает отдельные отрывки легенды о Вячеславе, представляющие собой перефраз текста легенды о Людмиле. «Но, — замечает далее тот же исследователь, — особенно важна самая литературная структура обеих легенд. Обе легенды начинаются генеалогией Пржемысловичей от Боривоя; обе описывают затем благочестивую жизнь и добродетели своего святого; обе приписывают злой умысел об убийстве, который возник у Драгомири и Болеслава, козням дьявола и злым советникам, добивавшимся, чтобы близкие родные (сноха и брат) загрязнили себе руки кровью. Оба героя легенды, Людмила и Вацлав, духом пророчески предвидели свое мученичество и оба его ждали. И когда действие в обеих легендах подходит к развязке, литературное повествование в них переходит в драматический диалог, в котором полнее раскрывается безвинное умерщвление их обоих. Обе легенды завершают изложение днем, когда оба христианских подвижника перешли на небеса, чтобы получить там прославление за свое мученичество»⁷¹.

В связи с этим должно отметить, что те же самые моменты были нами вскрыты при произведенном выше анализе образов Бориса и Глеба. Сближение здесь может быть проведено и дальше агиографических характеристик.

В преданиях о Вячеславе, равно как и в повествовании об убийстве Бориса и Глеба, находим: и ночное совещание братоубийцы с сообщниками, и коварные его предложения своей жертве, и предостережения, которые получал последний от своих доброжелателей; детали обстановки убийства совпадают: ночь, предсмертная заутреня, избиение и ограбление приближенных князя и даже само убийство не сразу, а как бы в два приема; о гибели убийц Вячеслава сообщается почти в тех же выражениях, как о гибели Святополка; чудесные явления, благодаря которым было обретоено тело Глеба, таковы же, как знамения, которыми обнаружилось тело бабки Вячеслава, Людмилы.

Все эти подробности в русском предании о Борисе и Глебе отразились в измененном виде. Для замены Болеслава Святополком, а Вячеслава Борисом требовалось перенести арену событий в Киев, затем Вышегород и, наконец, на берег Альты, сообразно данным русского предания о месте гибели Бориса. Изменилась и общая обстановка событий, применительно к положению, в котором, по этим данным, оказались Борис и Святополк. Задача эта выполнена блестяще. Вернее сказать, что мы имеем дело не с простым заимствованием, а с мастерской

⁷¹ «Svatováclavský sborník», t. II—2, str. 25—26.

литературной переработкой жития Вячеслава. Созданное русским автором литературное произведение в художественном отношении выше оригинала, которому он подражал.

Проследим подробнее совпадение данных легенд о Вячеславе с текстом «Сказания», отмечая попутно варианты летописи, если они сколько-нибудь существенны.

Начнем со вступительной части «Сказания». Содержащиеся в ней данные известны и летописи, но помещены в ней не под 1015 (6523) г. — в статье об убийстве Бориса и Глеба, а разобщенно, по частям, в записях 980 (6488) и 988 (6496) гг.

Взятые вместе данные эти составляют в «Сказании» как бы вступление, трактующее о семье Владимира Киевского. Сравнение вступления с началом Востоковской и родственных редакций обнаруживает, что автор «Сказания» придерживался в своем повествовании того же плана, что и автор чешского жития.

Востоковская редакция:

«Сказание»:

1. «Сенинѣ сбьсться пророческое слово, еже глаголаша Господь нашъ Исусъ Христосъ ...»⁷² (далее идет цитата).
«Родъ правыхъ благословиться, рече пророкъ, и сѣмя ихъ въ благословении будетъ».
2. «Бѣ же Князь великъ славою въ чехахъ живый, именем Воротилавъ».
«Сице убо бысть малѣмъ преже сихъ, сущю самодръжцю всеи Русьскѣи земли Володимиру, сыну Святославию, внуку же Игореву, иже и святымъ крещениемъ всю просвѣти сию землю Русьску».
3. «и жена его Дорогомиръ. Родиста же сына первенца, и яко крестиста и нарекоша имя ему Вячеславъ...»
(идет перечень по именам жен и сыновей Владимира с младшими Борисом и Глебом в самом конце).
4. «...отсади же Воритиславъ в Будучь, и нача отрокъ учиться...»⁷³
«...и посажа вся по роснамъ землямъ въ княжении...» (далее сообщается о княжениях Святотолка, Ярослава, Бориса и Глеба).

⁷² «Московский Вестник», 1827, ч. V, № XVII, стр. 85.

⁷³ Там же, стр. 86.

Вступительные (к повествованию о самом святом) сведения о его происхождении даны в начале большей части древних житий Вячеслава (Востоковское, Гумпольдова, Христианова и Лаврентиева легенды) и Людмилы («Crescente fide Christiana»). Можно сказать, что данные эти содержатся во всех житиях, в составе которых имеются сведения о Людмиле, так как нисходящее родство между последней и Вячеславом само уже требует пояснений. Что касается генеалогических данных, то состав их не везде одинаков. Иные из житий сообщают лишь о родителях Вячеслава, другие говорят также и о его деде Боривое, муже Людмилы. Родословную Вячеслава, начиная от Боривоя, содержало, вероятно, житие, известное автору «Сказания». Вслед за известием о Боривое и Людмиле, положивших в Чехии начало христианству, в житии давались, как и в Христиановой легенде, сведения об их сыновьях, Слытигневе и Вратиславе, и, наконец, за сообщением о женитьбе второго из них на Драгомири — имена родившихся от этого брака Вячеслава и Болеслава. Сложные, т. е. содержащие в себе данные об умерщвлении Людмилы, жития Вячеслава, подобно «Сказанию», останавливаются и на происхождении княжеских жен. О последующем затем возведении Вячеслава при жизни отца на особый княжеский стол знает, кроме Востоковской редакции, и древняя легенда Лаврентия. Последняя сообщает также о выделении особого удела Болеславу при Вячеславе.

Русский исторический материал, который составителю «Сказания» следовало ввести в рамки этого плана, был громоздким. Можно проследить, как старательно автор удерживается от всякого уклонения в сторону от имеющегося плана. Упомянув о крещении Руси Владимиром, он тотчас оговаривается: «Прочая же его добродѣтели инде съкажемъ, нынѣ же нѣсть время, а о сихъ по ряду сице есть»⁷⁴. Перечислив терпеливо сыновей Владимира, он прибавляет: «И посажа вся по роснамъ землямъ въ княжении, иже ишде съкажемъ. Сихъ же съповѣмы убо, о нихъ же и повѣсть си есть»⁷⁵. И действительно, в «Сказании» указаны княжения лишь четырех, принимающих ближайшее участие в описываемых событиях, сыновей Владимира — Бориса, Глеба, Ярослава и Святополка. Затем идет новая оговорка: «Нъ се остаану много глаголати, да не много писании въ забыть вълѣземъ», и, наконец, переход к главной теме повествования: «Нъ о немъ же начахъ»⁷⁶ и т. д.

В летописной статье о Борисе и Глебе подобного вступления нет: содержащиеся в последнем сведения о женах и сыновьях

⁷⁴ «Чтения...», 1870, кн. 1, л. 1; Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 27.

⁷⁵ Там же, стр. 28.

⁷⁶ Там же.

Владимира летопись сообщает под 980 (6488) г., в тексте характеристики Владимира, как язычника и многоженца.

При переходе к дальнейшему сопоставлению укажем особенность житий Вячеслава сложного состава. Организатором убиения Людмилы чешское предание признает мать Вячеслава Драгомирь. Причем характеристики личности и поведения ее и Болеслава в части житий сходны. Русское предание гибель Бориса и Глеба приписывает одному Святополку, который поэтому объединяет в себе черты обоих своих прототипов. В связи с этим в рассказе о Борисе и Глебе подробности, напоминающие обстоятельства убиения Вячеслава, перемешиваются с подробностями убийства Людмилы.

Для осуществления своих планов Болеслав задерживает собиравшегося уезжать Вячеслава и обращается к нему, «моляся плачевнымъ смысломъ; моля и глаголя: како хошеши отъѣхати; пиво цѣло имѣю». По сообщению летописи, точно так же поступает и Святополк: «Посла же к Борису глаголя: Брате, хочю съ тобою любовь имѣти и къ отню ти придамъ. Лестно, а не истину глаголаше...». Вячеслава предупреждали о грозящей ему опасности: «Тѣмъ же мнимъ, яко повѣдаша ему на дворъ, и рекоша: хочеть тя убити Болеславъ; и не я вѣры тому, на Бога възложи» ⁷⁷.

Присм этот встречаем в подробностях убийства Глеба. Князь, находящийся вдалеке от доброжелателей, был предупрежден ими через гонца: «И въ се время пришьла бяше вѣсть отъ Передъславы къ Ярославу о отъни съмърти. И присла Ярославъ къ Глѣбу, река: не ходи, брате, отецъ ти умърлъ, а братъ ти убиенъ отъ Святопѣлка» ⁷⁸.

В описании совещания с убийцами по Востоконской редакции Болеслав — орудие злых его советников; русское же предание зачинщиком злодеяния считает Святополка. Поэтому, не заговорщики вызывают его к себе, как в житии Вячеслава — «на Гнѣвысынъ дворъ», а сам он едет в Вышегород к Путше и вышегородским боярам. Бледное повествование Востоконской редакции: «В ту же ношь снидошася ратници и на Гнѣвысынъ дворъ и възваша собѣ Болеслава, и сотвориша злый той съвѣтъ непріязненъ; яко же и къ Пилату събрася на Христа мысляще, тако же и онии злии пси тѣмъ ся подобяще съвѣщаша, како быша убили господина своего. Рѣша же поидеть на заутренюю, тогда половимъ его» ⁷⁹, — разворачивается у русского автора в картину, исполненную драматизма. Цити-

⁷⁷ «Московский Вестник», 1827, ч. V, № XVII, стр. 90.

⁷⁸ «Чтения...», 1870, кн. 1, л. 4; Д. И. Абрамович. Жития... стр. 39.

⁷⁹ «Московский Вестник», 1827, ч. V, № XVII, стр. 90.

руем «Сказание», подчеркивая параллельный с летописью текст:

Святополк «пришедь Вышегороду ночь, отай^{а)}» призвав Путьшу и Вышегородскыѣ мужѣ^{б)} и рече имъ: «повѣдите ми по истинѣ, приязньство имѣете ли къ мнѣ?»^{в)}; Путьша рече^{г)}: «всьи мы^{д)} можемъ главы своя^{е)} положити за тя»^{ж)}. Видѣвъ же дияволъ и искони ненавидяй добра челоувѣка, яко вьсю надежу свою на господа положилъ есть святой Борисъ, начатъ подвижнѣи бываати. И обрѣтъ, яко же преже Каина на братоубиство горяща, тако же и Святопѣлкъ, по истинѣ вѣторааго Каина, улови мысль его, яко да избьетъ вся наслѣдники отца своего, а самъ приметь единъ вьсю власть. Тѣгда призвавъ къ себе окаанный трѣклятый Святопѣлкъ свѣтъники всему злу и началники всеи неправдѣ, и отъверзь прескверныя уста, рече^{з)}, испусти злый гласъ Путьшинѣ чади: «аше убо главы своя обѣщастея положити за мя, шедше^{и)} убо, братия моя, отай, кѣде обряцете брата моего Бориса, съмотрыше время, убиете ѱ». И обѣщашася ему тако створити»⁸⁰.

Часто повторяющееся в русском житии сравнение Святополка с Каином («второй Каин») буквально совпадает с эпигетом Болеслава у Христиана «alter Cain»⁸¹.

Мастерски разработана тема о предсмертной заутрене. Вячеслав, находившийся в гостях у Болеслава, был застигнут убийцами возле церкви, куда он, проснувшись рано, спешил к заутрене. Людмила, готовясь к мученической смерти, слушала торжественную мессу, исповедалась и причастилась у пресвитера. Убийцы ворвались в ее жилище только поздно вечером.

В «Сказании» искусно комбинируются оба источника. По русскому преданию, Борис погиб ночью, возвращаясь из похода, на берегу реки Альты, где храмов тогда не было. Поэтому он в предсмертную ночь на воскресенье просит пресвитера отслужить заутреню в шатре и сам поет псалмы. Подоспевшие убийцы, окружив шатер, выжидают, когда кончится служба, подобно тому, как клеветы Болеслава поджидали свою жертву у храма.

Путь заговорщиков к убежищу Людмилы («Vespere vere facto supra notati tyranni domum illius aggressi valvas dirrum-pentes, reliquos sociorum forinsecus armatos frameis clypeisque

⁸⁰ «Чтения...», 1870, кн. 1, л. 4; Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 32. Варианты летописи по Лавр. списку: а) «Святополкъ же приде ночью Вышегороду»; б) вместо «мужѣ» — «болярѣцѣ»; в) «приае ли ми вѣмъ сердцемъ?»; г) прибавлено: «с Вышегородьци»; д) пропущено: «всьи мы»; е) «сложити»; ж) дальнейшего нет; з) «онъ же рече имъ»; и) «не повѣдуче никому же шедше убите брата моего Бориса».

⁸¹ «Христианова легенда». «Fontes rerum Bohemicarum», t. I, p. 248.

statuunt»⁸²) отразился в деталях зловещей картины приближения в ночном мраке убийц к Борису: «Шопот был окрест шатра ... блистание оружия и мечное обнажение».

Молитвенная поза и готовность Бориса встретить мученическую смерть, когда на него напали убийцы, — сколок с последних минут жизни Людмилы:

Христианова легенда:

«Сказание»:

«Quibus illa paulisper inquit, oracioni me incumbere sinite. Quibus hoc concedentibus expansis orauit ad Dominum manibus. Post hoc inquit: Mei interitus causa si aduentastis obsecro, ut mucrone auferatis caput, exemplo martyrum sangwinem fundendo testimonium Christo perhibere gestiens ac palmam martyrii cum ipsis sine fine percipere optans»⁸³.

«Блаженный начать молиться... и глаголя: «братия моя милая и любимая мало ми время отдаите, да понѣ помолюся Богу моему». И възрѣвъ на небо съ слъзми и горѣ въздѣхнувъ начать молиться сидими глаголы: «Господи Боже мой, многомилостивый и милостивый и премилостиве! Слава ти, яко съдобиль мя... труда святыхъ мученикъ...»⁸⁴.

Избиение свиты Вячеслава (Востоковская редакция): «Убиша же въ томъ градѣ съ нимъ Мьстину единого; а иныя мужи идоша въборзѣ. Ови же избиша, а друзи разбѣгошася по землямъ, а младенци избиша его, а Божія рабы разграбиша, изгнаша я изъ града. А жены ихъ за иныя мужи вдаша и всю неприязнену сътвориша похоть»⁸⁵, — соответствует избиению отроков Бориса: «Избиша же и отроки многы». Рассказ о Георгии Угрине восходит к русскому преданию. Впрочем эффектная его подробность о падении Георгия на Бориса с целью защитить его своим телом, может быть, переработка следующей картины из описания умерщвления Вячеслава. Раненный Болеславом Вячеслав «охавив и повръже и паде надъ ним». Легенда Лаврен-

⁸² Ibid., p. 208. Перевод: «С наступлением вечера указанные выше тираны напали на дом ее и, разрушив двери, поставили у входа остальных пособников своих, вооруженных копьями и щитами».

⁸³ «Fontes rerum Bohemicarum», t. I, p. 208.

Перевод: «Дайте мне немного помолиться», — сказала она им. Когда же те согласились, она, простирая руки, помолилась Господу и затем сказала: «Если вы пришли меня убить, заклиная, отрубите мне голову мечом. Пролывая кровь по примеру мучеников, я рада выполнить заветы Христа и желаю принять венец мученичества».

⁸⁴ «Чтения...», 1870, кн. 1, л. 3—4; Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 35.

⁸⁵ «Московский Вестник», 1827, ч. V, № XVII, стр. 91.

тия также знает эту подробность⁸⁶. Рассказ об ограблении трупа Георгия, оттеняющий чудовищную алчность убийц, заменяет неподходящую здесь деталь о насилии над женщинами.

Повествование «Сказания» об убийстве Глеба развивается по тому же плану, что и рассказ об убиении Бориса: братоубийственный замысел Святополка, попытка его заманить Глеба обманом, якобы от имени больного отца, предупреждения Глебу со стороны Ярослава. Смерть от руки убийц застигла Глеба в пути, когда он плыл на «кораблеце» по реке около Смоленска. Совершив злое дело, убийцы возвращаются к Святополку, как задушившие Людмилу сторонники Драгомири возвращались к своей госпоже.

Христианова легенда:

«Cruentissimi vero carnifices spoliis direptis, dominam ad propriam regressi, gaudium illi per maximum intulerunt innocentis de nece estimantes se in eternum locupletari atque in ewm victuros, quibus atrocitas et inextinguibilia gehenne ignis supplicia parata mox inerant. Prefata autem perfida domina perfidorum usurpans suppellectilem socrus sue cunctam cum ante fatis tyrannis regnare cepit»⁸⁷.

«Сказание»:

«Оканънии же они убийцъ възвративъшеся къ пославъшюуму я, яко же рече Давидъ: «възвратятъся грѣшници въ адъ и вси забывающе Бога», и пакы: «оружие извлекоша грѣшници, напругоша лукъ свой заклати правыя сръдцьмъ и оружие ихъ внидетъ въ сръдца, и луци съкрушатъся, яко грѣшници погыбнутъ». И яко съказаша Святошлукъ, яко сътворихомъ повеленое тобою: и си слышавъ възнесеса сръдцьмъ»⁸⁸.

Брошенное убийцами на берегу тело Глеба, как и тело Людмилы, обнаружило себя чудесными знаменаниями.

Христианова легенда:

«Iisdem uero diebus ad tumulum beatissime et sepe memorate venerabilis matrone et martyris Ludmille diuina

⁸⁶ «Fontes rerum Bohemicarum», t. I, p. 77.

⁸⁷ «Fontes rerum Bohemicarum», t. I, p. 208. Перевод: «Обагрённые же кровью мучители, вернувшись с награбленной добычей к своей госпоже, доставили ей великую радость убиением невинной, в уверенности, что они до старости будут жить в богатстве. Но уготованные им вечные муки гиенны огненной вскоре начались. Упомянутая же выше повелительница нечестивых, присвоив целиком все владения своей свекрови, начала властвовать вместе с названными тиранами».

⁸⁸ «Чтения...», 1870, кн. 1, л. 6; Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 43.

cooperante clemencia virtutum miracula preclara patuerunt...
Quam plures eciam cereos lampadesque lumine flagrantem
diuino intempeste noctis silencio terque quaterque oculo-
rum hauserunt acie»⁸⁹.

«Проложное житие Людмилы»:

«Бог бо показа отъ нея знаменіа и чудеса на мѣстѣ,
иде же бѣ погребена, не бѣ бо въ церкви, но подѣ стѣною
града, иде же являхуся по вси ноци свѣща горяща,
и некіа слѣпецъ прозрѣ, прикоснувься перьсти, идеже
Людмила лежаще»⁹⁰.

«Сказание»:

«Сему убо святууму лежащю дълго время, не остави
въ невѣдѣнии и небрежении, отинудъ пребыти невре-
жену, нѣ показа: овогда бо видѣша стѣлпъ огньнъ,
овогда свѣщѣ горущѣ, и паки пѣнія ангельская слы-
шаху мимоходящи же путьмъ гостие, ини же ловы
дѣюще и пасуще...»⁹¹.

Особый интерес представляет инспирированный, несомненно,
легендой «*Oriente jam sole*» отрывок «Сказания», которого в ле-
тописи вовсе нет:

«*Oriente jam sole*»:

«Сказание»:

« <i>Post pauca vere tempora pri- mus Otto, Romanorum imperator, audiens tum iniustam necem tante sanctitatis tanteque demencie ac pietatis principis nefasque frat- ricidii perhorrescens zelo iusticie accensus cum magno exercitu inva- sit. Supra dictum Boleslaum fra-</i>	«Ярославъ, не тѣряя сего зѣлаго убиства, движе- ся на братоубица оного, оканьнааго Святошѣлка, и брани мѣногы съ нимъ съ- тавивъ, и всегда, посо- биемъ Божиимъ и поспѣ- шениемъ святою, побѣ-
---	---

⁸⁹ «*Fontes rerum Bohemicarum*», t. I, p. 209. Перевод: «В те дни у гроб-
ницы блаженной и приснопамятной честной жены и мученицы Людми-
лы по соизволенію и милости господней открылись знаки святительскихъ
добродетелей ея... В тиши глубокой ночи многие видели там свѣчи и лам-
пады, горящие дивнымъ светомъ».

⁹⁰ «Великие Четьи-Миней», 16 сентября. «Памятники славяно-ру-
ской письменности». М., 1901.

⁹¹ «Чтения...», 1870, кн. 1, л. 6; Д. И. Абрамович. Житія...,
стр. 45—44. Встрѣчается с незначительными вариантами в Комис. и др.
списках Новг. 1-й летописи; в Лаврентьевской же этого отрывка нет.

trucidam et tam dure eum perse-
puebatur, quod fere totam terram
Bohemie devastavit».⁹².

дивъ. Елико брани съста-
ви, оканьный посрамленъ
и побѣженъ, възвращаа-
шеся»⁹³.

В легенде Гумпольда описана участь клеветов Болеслава. Одержимые демонами они лаяли, как псы, и скрежетали зубами; все тело у них высохло, и они погибли мучительной смертью⁹⁴. Не менее тяжкая кара постигла и Святополка.

«Сказание»:

Слав.-русское переложение Гумпольдовой легенды:

«Но и сам братъ его, яко же повѣдають мнози прежнии, часто нападающимъ нанъ бѣсом и руками держимъ свои мужъ и слугъ своихъ и помянувъ ся глаголаше: «то вы мне сътвориште, еже васъ слушаа по злату главу я, и се на мнѣ ся являеть, но обаче они вси яко ж рекохом прежѣ князя своего животник свое зле скончаша»⁹⁵.

«...а съ оканьный Святопѣлкъ побѣже, и нападе на нь бѣсъ и раслабѣша кости его, яко не мощи ни на кони сѣдѣти, и несяхуть его на носилѣх. И прибѣгоша Берестию съ нимъ, он же рече: «побѣгнѣте, о се женуть по насъ». И посылахуть противу, и не бѣ ни гонящааго, ни женущааго въ слѣдъ его, и лежа въ немощи възсхонивъся, глаголаше: «побѣгнѣмы, еще женуть, охъ мнѣ!» И не можааше тѣрпѣти на единомъ мѣстѣ, и пробѣже Лядську землю, гонимъ гнѣвъмъ Божиимъ, и прибѣже въ пустыню межю Чехы и Ляхы, и ту испровръже животь свой зълѣ»⁹⁶.

⁹² I. P e k a ř. Die Wenzels und Ludmila Legenden..., p. 394. Перевод: «Спустя некоторое время, услышав о столь неслыханном убийстве, император Оттон I, содрогаясь при мысли о преступлении безумного братоубийцы, воспаленный ревностью к правосудию, выступил с большим войском против Болеслава и столь упорно преследовал его, что опустошил почти всю Богемию».

⁹³ «Чтения...», 1870, кн. 1, л. 9; Д. И. А б р а м о в и ч. Жития..., стр. 44.

⁹⁴ Н. К. Н и к о л ь с к и й. Легенда мантуанского епископа Гумпольда... стр. 58—59.

⁹⁵ Н. К. Н и к о л ь с к и й. Легенда мантуанского епископа Гумпольда..., стр. 58—59. Текст латинского оригинала этого отрывка сохранился в «Prologium de St. Venceslav»: «Sed et ipse fateri eus sicut narrant multi antiquiores, saepe a demonibus oppressus et manibus virorum suorum et familiarum suorum detensus cum animam recepisset ait: Hec vos mihi fecistis, quia vobis obsequens aureum caput eius apprehendi et non in me apparere. Attamen priores, quam princeps eorum vitam suam male finierunt» («Sborník staroslovánských literárních památek...», str. 132).

⁹⁶ «Чтения...», 1870, кн. 1, л. 6; Д. И. А б р а м о в и ч. Жития..., стр. 47.

В Христиановой легенде рассказано, как Вячеслав, взяв в свои руки управление в Чехии, решил совместно с духовенством торжественно перенести в Прагу тело Людмилы, погребенное до того в Тетине возле ограды. В «Сказании», подобно этому, читаем: «Ярослав прея всю волость Русьскую. И начать въпрашати о тѣлесьхъ святою, како или кде положена оста»⁹⁷. Обнаружившее себя чудесными знаменьями тело Глеба с пением молитв было перенесено в Вышегород и погребено рядом с Борисом.

Христианова легенда:

«Occurrunt autem et illi et fideles geruli, vehentes sepe memoratam glebam sanctae Ludmille. Quam statim sacerdotes et leuite alacriter suis imponentes humeris benedicentes deum cum psalmis ac laudibus intulerunt urbi ecclesiamque ingressi altari coram in pavimento statuere strepitumque sonitu ingentem personauere»⁹⁸.

«Сказание»:

«И ипшдѣше съ крѣсты, и съ свѣщами мѣнозѣми, и съ кандилы, и съ чѣстїю многою, и вѣложише въ корабль, и пришедше, положиша и Вышегородѣ, идеже лежить и тѣло преблагенааго Бориса. И раскопавше землю, и тако же положиша ѿ, недоумѣюще, яко же бѣ лепо, пречѣстьнѣ»⁹⁹.

Новгор. 1-я летопись:

«...послаша искать телесе святого съ честными крѣсты, и налѣзоша его, идѣже бяху видѣли. И привезше ѿ, и положиша его в Вышегородѣ, идеже лежит тѣло блаженаго Бориса, раскопавше землю, и тако положиша блаженое и святое тѣло, якоже бѣ лѣпо и честно»¹⁰⁰.

⁹⁷ «Чтения...», 1870, кн. 1, л. 6; Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 48.

⁹⁸ «Fontes rerum Bohemicarum», t. I, p. 212. Перевод: «Встретились они и верные, везущие прах приснопамятной святой Людмилы. Тотчас же священники и дьяконы бодро возложили его на плечи и, вознося благодарение господу, с псалмами и хвалебными песнопениями торжественно внесли в град и, вступив в храм, поставили его перед алтарем на землю. Громкое их пение заглушало шум».

⁹⁹ «Чтения...», 1870, кн. 1, л. 7; Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 48.

¹⁰⁰ «Новгородская первая летопись...», стр. 174. В Лаврент. летописи только: «... посемь же вземше, везоша ѿ, положиша у брата своего Бориса...».

Встречающееся в рукописях вслед за легендой Гумпольда латинское «Слово» на перенесение останков Вячеслава — «Licet plura nobis»¹⁰¹, составленное, по мнению И. Пекаржа, во второй половине X в., оказало заметное влияние на текст описания тела Бориса, где говорится о том, как могила его была разрыта во время погребения Глеба.

«Licet plura nobis»:

«Quid enim mirabilius quam corpus sub terra positum quasi aromatum condimento per aliquot curriculum annorum incorruptum conservare? Nec solum ut plus adhuc visi miraculi supersites referunt testes, incorruptum, sed quod magis meritum et a iure stupendum preconium idem meruisse beatum Wenceslavum»¹⁰².

«Сказание»:

«Се же предчюдно бысть и дивно, и памяти достоино, како и колико лѣтъ лежавъ тѣло святого, то же не врежено пребысть ни отъ коего же плъто-ядьца, ни бѣаше почърнѣло, яко же обычаи имуть телеса мъртвыхъ,—нѣ свѣтло и красьно, и цѣло, и благу вою имущо: тако Богу съхранивъшю своего стратотърпыца тѣло»¹⁰³.

В Лаврентиевской летописи это характерное описание тела Борисова вовсе отсутствует; в Новгородской первой о нем сказано кратко: «яко же бѣ лѣпо и честно»¹⁰⁴.

Должно отметить, что в «Сказании», вообще говоря, точнее и полнее, нежели в летописи, отражены подробности преданий о Людмиле и Вячеславе.

По смыслу последних Болеслав пошел на братоубийство под влиянием непокорных Вячеславу чешских вельмож. В «Сказании» в отношении к Святополку аналогичная мысль высказана полупамеком среди горестной речи Бориса по случаю вести о смерти отца: «Вѣдѣ брата моего зълу ради челоуѣци понудяти и на убиство мое, и погубить мя»¹⁰⁵. В летописи

¹⁰¹ См. «Svatováclavský sborník», t. II—2, str. 312—313.

¹⁰² Н. К. Никольский. Легенда мантуанского епископа Гумпольда..., стр. 62. Перевод: «Ибо что может быть более дивным, когда тело, находившееся под землей, как бы под действием ароматических веществ на протяжении стольких лет оставалось неповрежденным. Не только, как сообщают многие присутствующие при этом посторонние свидетели чуда, неповрежденным, но какое поистине удивительное и замечательное прославление заслужил блаженный Вячеслав».

¹⁰³ «Чтения...», 1870, кн. 1, л. 7; Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 48.

¹⁰⁴ «Новгородская первая летопись...», стр. 174.

¹⁰⁵ «Чтения...», 1870, кн. 1, л. 2; Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 31.

вместе с обширной речью Бориса эта деталь окончательно выпала, и инициатива братоубийства принадлежит Святополку.

Выше было показано, что в чешских житиях упоминается о двух совещаниях Болеслава с враждебными Вячеславу феодалами: в первый раз те внушили ему самую мысль о братоубийстве; вторично речь шла о способе осуществления их замысла. Равно и в «Сказании» по поводу умерщвления Бориса: сначала Святополк в ночном совещании берет с вышегородцев клятву в верности; второй раз, ссылаясь на нее, посылает убийц. В летописи, благодаря пропуску текста, содержащего размышления Бориса по поводу предстоящей смерти, оба эпизода соединились в один.

В описании предсмертной ночи Бориса в «Сказании» так же, как в житии Людмилы («Fuit in provincia Воёмогум»), заутреню служит пресвитер; в летописи это место сокращено, о пресвитере не упоминается, и Борис сам поет псалмы и канун.

В чешских легендах раненный Болеславом на пороге храма Вячеслав, оттолкнув убийц, вбежал в храм и только там умер под их ударами. В «Сказании» также убийцы ворвались в шатер и раненный ими Борис выскочил наружу и здесь же, произнеся предсмертную речь, испустил дух. В летописи этот рассказ как бы скомкан: Борис «возлеже на одре», когда вышегородцы ворвались в шатер и «насунуша копыи и прободоша Бориса»; затем идет предание о Георгии Угрине и сообщается, что убитый Борис, обернутый в шатер, был увезен убийцами. Выпущенной оказалась не только предсмертная речь Бориса, но и та, которую он произнес ранее в момент нападения на него убийц.

Не совпадая в показаниях о времени убийства Вячеслава, древнейшие (X и начала XI в.) латинские легенды о нем разнятся со славянскими в самом способе обозначения даты события. Славянские указывают месяц и число: «Убьень же биси Вещеслав князь... мисеца септемьбрь 8 и о 3 дань»¹⁰⁶; латинские («Crescente fide», Христианова и Гумпольдова) легенды пользуются здесь терминами римского календаря: «Migravit ad dominum IV Kal. Octobris»¹⁰⁷.

Следуя непосредственно своему литературному образцу, «Сказание» сообщает о Борисе: «Успе мѣсяца иуля въ 24 днь, преже 9 каландъ августа». Обозначение дат событий по календарам в церковной практике русской древности не применялось. Поэтому в тексте летописной статьи 6523 (1015) г. дата смерти Бориса оказалась опущенной.

¹⁰⁶ «Sborník staroslovánských literárních památek...», str. 43; «Московский Вестник», 1827, ч. V, № XVII, стр. 93.

¹⁰⁷ «Fontes rerum Bohemicarum», t. I, p. 29, 187; Н. К. Никольский и й. Легенда мантуанского епископа Гумпольда..., стр. 56.

Результаты сравнения русских легенд о Борисе и Глебе с чешскими о Вячеславе и Людмиле могут быть сведены к следующим положениям:

1. Для составителя первоначального повествования о Борисе и Глебе чешские легенды служили литературным образцом и источником, откуда им черпались темы драматических эпизодов для восполнения пробелов в скудных и противоречивых местных русских преданиях о судьбе Бориса и Глеба.

2. Редакция жития Вячеслава, использованная как образец при составлении первоначальной повести о Борисе и Глебе, вероятно, стояла к последней ближе известных нам житий Вячеслава как по составу фактов, так и композиционно.

3. Заимствуя из чешского источника темы для эпизодов своего повествования, русский автор разрабатывал их самостоятельно, применительно к имевшимся в его распоряжении элементам местного русского предания об описываемых событиях.

Таким путем создавались имеющие видимость реальных подробности организации и выполнения убийства Бориса и Глеба.

4. Эти искусственные эпизодические подробности, будучи сгруппированы по заимствованному из того же источника плану, образовали на основе местных преданий то стройное и законченное подобие исторического романа, которое выше мы назвали условно первоначальным рассказом о Борисе и Глебе.

5. Допущение, будто легенды о Вячеславе и Людмиле оказали свое влияние на формирование устных преданий о Борисе и Глебе еще до литературной обработки последних, исключается характером переработки, которой подвергались заимствованные из чешских источников данные.

6. Возможность использования житий Вячеслава порознь и самостоятельно автором «Сказания» и составителем летописной статьи о Борисе и Глебе исключена, так как в основе их изложения лежит один общий текст, восходящий к первоначальному повествованию о Борисе и Глебе.

7. «Сказание» ближе и полнее, нежели летопись, отражает на себе влияние жития Вячеслава.

8. В совпадении плана повествования и в ссылке на житие Вячеслава «Сказание» обнаруживает следы непосредственного влияния последнего.

Из всех указанных положений вытекает общий вывод, что «Сказание» (а не летопись) представляет собой первую литературную обработку преданий о Борисе и Глебе.

Переходим к изучению лирической части «Сказания».

Лирический элемент представлен там в виде:

- 1) обширных отрывков, перемешанных в центральной части памятника с мелкими данными фактического характера;
- 2) особой «похвалы» Борису и Глебу в конце его.

Лирические отрывки центральной части «Сказания» можно подразделить на две категории:

1) отступления, выражающие общечеловеческие и христианские чувства автора по поводу поведения действующих лиц и описываемых событий;

2) речи Бориса и Глеба.

Отрывки первой категории представляют собой смесь лирики и риторики, сгруппированную вокруг какого-нибудь мелкого факта. У автора необычайная склонность живописать. Незначительная подробность разрастается у него в целую картину, окрашенную горячими переживаниями.

Таково, например, описание скорбного пути Бориса, узнавшего о грозящей ему опасности: «Идый же путемъ помышляаше о красотѣ и о добротѣ телесе своего и слъзами разливаашесе весь, и хотя удрыжати — и не можаше. И вси, зряще его тако, плакаашесе о добродѣиѣмъ тѣлѣ и чьстѣиѣмъ разумѣ възраста его, и къждо въ души своеи стонааше горестию сьрдьчною, вси сьмущахуся о печали. Къто бо не възплачеться сьмрьти тоѣ пагубноѣ, приводя предъ очи сьрдьца своего, образъ бо бяше уныльи его, възоръ и скрушение сьрдьца его святого?»¹⁰⁸.

В летописи параллели этому отрывку нет.

Или картина приближения убийц, настигнувших Глеба в устье Смядины: «И яко узрьѣ я святый, възрадовася душею, а они, узрьѣвъше ѣ, омрачахуся и гребяхуся къ нему. А сь цѣлования чаяше отъ нихъ пряти. И яко быша равню плоуща, начаша скакати зълии они въ лодию его, обнажены меча имуще въ рукахъ своихъ, бльщащася акы вода, — и абие весьѣмъ весла отъ руку испадоша, и вси отъ страха оьмьртвѣша»¹⁰⁹.

Умение облекать аффекты в яркие драматические образы — основная особенность художественного творчества составителя «Сказания». Поэтому литературные приемы на всем протяжении его произведения обнаруживают внутреннее сходство, свидетельствующее, что все части последнего составлены одним и тем же лицом. Приведенное выше мнение А. А. Шахматова, будто автор «Сказания» «разбавил риторикой и лирикой готовый текст летописи», вовсе не подтверждается при более внимательном анализе изучаемого памятника, представляющего, с точки зрения древнерусского читателя, единое художественное целое.

Обратимся к речам Бориса и Глеба. Занимая почти две трети текста «Сказания» и составляя его особенность как про-

¹⁰⁸ «Чтения...», 1870, кн. 1, л. 2—3; Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 31.

¹⁰⁹ «Чтения...», 1870, кн. 1, л. 5; Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 40.

изведения агиографического характера, в столь развитом виде эти речи не находят своего прототипа ни в одной из известных редакций жития Вячеслава. При изучении их обнаруживается, что автор «Сказания» подражал не одному только житию Вячеслава, но и некоторым другим известным ему памятникам агиографической литературы. Ссылка его на «страсть» великомученицы Варвары¹¹⁰ также не случайна. Предсмертная молитва Варвары по форме и содержанию несколько напоминает одну из молитвенных речей Бориса¹¹¹.

Образ святого, в своем предсмертном обращении к богу выражающего готовность принять мученическую смерть, дан в обоих житиях в сходных тонах.

Что же касается содержания молитвенных речей Бориса и Глеба, то они представляют образец нашей древней духовной лирики, мало вообще связанной с шаблоном. О высоком ее развитии в Киевской Руси свидетельствуют две древние службы Борису и Глебу — Иоаннова и Иванической Минси, изобилующие прекрасными лирическими местами. Лирика, составляющая отличительную особенность «Сказания» по сравнению с позднейшими житиями, в глазах древнего читателя была, вероятно, главным достоинством памятника, о чем свидетельствует распространенность его списков. Нам же эта лирика кажется несколько однообразной, утомительной и чересчур уж насыщенной риторикой.

В лирической части «Сказания» автор широко пользуется Библией, цитируя ее, видимо, на память. Мозаика из отрывков библейских изречений настолько срослась с текстом лирических отступлений и молитвенных речей, что выделить ее не всегда легко. Обширные цитаты вводятся иногда ссылкой: «О таковыхъ бо рече Приточникъ», «Тѣмъ и Соломонъ... рече», «О таковыхъ бо рече пророкъъ... апостоль рече», «Зане пишеться» и т. п.

Укажем некоторые из таких цитат: Прит. 43, 116; Еккл. 1, 2; Пс. 21—17, 22—12, 189—10; Иоанн. 4—20, 4—18; Иак. 4, 6; Матф. 10—89; Марк 8—35; Лука 9—24; Коринф 13—57 и т. д.

Переходя, наконец, к похвале Борису и Глебу в конце «Сказания», отметим национальный патриотический дух, которым она проникнута. Тема похвалы — общерусское значение Бориса и Глеба. «Вы бо тѣмъ и намъ оружие», — обращается к ним составитель «Сказания», — ...Земля Русьскыя забрала и утверждение, и меча обоюду остра, има же дързость погань-

¹¹⁰ «Великие Четьи-Минеи» за октябрь. «Памятники славяно-русской письменности», стр. 103, 104.

¹¹¹ «Чтения ...», 1870, кн. 1, л. 4; Д. И. А б р а м о в и ч. Жития..., стр. 35—40.

скую низлагаемъ, и дияволя шатанія въ земли попираемъ»¹¹².
Мощи мучеников — национальное сокровище всей великой
земли русской: «Си святая постави свѣтити въ мирѣ премно-
гими чудесы, сяти въ Русьскѣ сторонѣ велицѣи...»¹¹³.

Характерным в этом отношении представляется сравнение
Бориса и Глеба с Димитрием Солунским.

«Сказание»:

«Яко же и великий Ди-
митрий по своемъ отъчествѣ
рекъ: «аще убо, и веселя-
щемся имъ, съ ними бѣхъ,
такъ же и погыбающимъ
имъ съ ними умьру». Нъ
обаче сий великий мильсь-
рдый Димитрий о единомъ
градѣ сице извѣща, а вы
ни о единомъ бо градѣ,
ни о дъву, ни о вьси
попечение и молитву възда-
ета, нъ о всен змли Русь-
скѣи»¹¹⁴.

Demetrii martyris acta.

Πῶς οὖν δύναμαι καταλιπεῖν αὐτοὺς
ἐν τηλικαύτῃ ἀνάγκῃ, καὶ ἀναχωρῆσαι;
ἢ ποίῳ προσώπῳ θεάσομαι τὴν
ἀνάλωσιν τῆς πατρίδος μου; Ποῦτά
δέ μοι ζῶν τῶν πολιτῶν μου ἀπολλυμένων;
¹ Ἀλλὰ μᾶλλον ὥσπερ εὐωχομένον
αὐτῶν πνευματικῶς συνήμην αὐτοῖς,
οὕτω καὶ κινδυνεύοντων αὐτῶν οὐκ
ἀπολειφθήσομαι αὐτῶν. ² Ἀλλ' ἢ σωζομένων
αὐτῶν συσσωζομαι ἢ φθειρομένων
αὐτῶν συναποθνήσκω αὐτοῖς...¹¹⁵

Намек, цитата и оговорка «Сказания» не случайны: греческие
жития видят в Димитрии защитника его родной Солуни. Ссылка
на Димитрия приведена из того жития, где рассказано о чу-
десной помощи, оказанной им согражданам, когда «пришед-
шимъ поганымъ на Селуньскій градъ, и брань створиша со
гражаны».

Молитвенное обращение к погибшим князьям в конце по-
хвалы напоминает обращение к Димитрию в конце цитиро-
ванного составителем «Сказания» жития покровителя Солуни.

Вопрос о влиянии на стиль «Сказания» переводной визан-
тийской агиографии мимоходом поднял в своей диссертации
«Древнерусские литературные сказания о Борисе и Глебе»

¹¹² «Чтения...», 1870, кн. 1, л. 4, Д. И. Абрамович. Жития...,
стр. 49.

¹¹³ Там же, стр. 48.

¹¹⁴ «Чтения...», 1870, кн. 1, л. 8; Д. И. Абрамович. Жития...,
стр. 50.

¹¹⁵ M i g n e. Patrologiae cursus completus. Series graeca, t. CXVI,
p. 1320.

Минейный перевод: «...возрю пагубу града моего, како же ли
мой животъ, да будетъ гражданиомъ моимъ погыбающимъ, не отступлю
от них...или спасаемымъ имъ, съ ними спасенъ буду.....о градѣ же на-
шемъ и всякомъ градѣ благовѣрнымъ житии христианьствомъ яко.....».
(«Памятники славяно-русской письменности». СПб., 1880, стр.
1893—1896.)

С. А. Бугославский. Он высказал по этому поводу следующее мнение: «Анонимное «Сказание о Борисе и Глебе» стилистически сближается с целым рядом византийских переводных житий (Георгия Амастридского, Алексея — человека Божия, Евдокима — праведного, Саввы-освященного, Николая Мирликийского, Никиты, Вячеслава, Варвары, Димитрия Солунского)».

Для иллюстрации своего положения С. А. Бугославский приводит параллельные тексты:

I. Ж и т и е Г е о р г и я А м а с т р и д с к о г о ¹¹⁷: «По истине, если бы мы вздумали перечислить чудеса, мы предприняли бы малым сосудом измерить море или подчинить исчислению количества песка морского». С к а з а н и е: «По истине на весь мир можем понести, яже деются предивная чудеса и паче песка морского».

II. Ж и т и е С а в в ы-о с в я щ е н н о г о ¹¹⁸: «Да небъх-ма в забыть възлезуть». «С к а з а н и е»: «Да не в многописании в забыть влезем».

III. Ж и т и е Н и к о л а я М и р л и к и й с к о г о ¹¹⁹: «Блаженный во истине град Бареский и церкы его освещена». «Сказание»: «Блажень по истинѣ и высокъ паче всехъ градъ русьскихъ и Выший градъ».

Поскольку вопрос поставлен исследователем в плоскость только «стилистического» сближения, родство текста в этих отрывках представляется отдаленным и может быть признано случайным.

Гибель Святополка сопоставляется в «Сказании» со смертью Юлиана-Отступника. В связи с этим С. А. Бугославский дает справку: «Автор «Сказания» безусловно знаком с легендой об Юлиане-Отступнике, убитом Меркурием Кессарийским, но он не знал, что Юлиан убит Меркурием, как это сообщается в хронике Иоанна Малалы».

Справка С. А. Бугославского расширяет круг сведений о «Сказании» только тем, что его автор не знал хроники Малалы.

Следов влияния житий Вячеслава, Варвары и Никиты на изучаемый памятник С. А. Бугославский, по его собственным словам, не обнаружил.

Исходя от посылки, обосновать которую ему не удалось, С. А. Бугославский пришел к заключению, с которым нельзя не согласиться: «Использував стилистику византийских житий, автор «Сказания» под влиянием своего основного источника —

¹¹⁷ В. Васильевский. Русские и византийские исследования, вып. II, стр. 64.

¹¹⁸ «Памятн. древн. письм.». Изд. Помяловского., ХСVII, 1890, стр. 6.

¹¹⁹ «Памятн. древн. письм.». Изд. И. А. Шляпкина, 1881.

летописи отстывает от традиционной трехчастной формы византийских житий. Он преодолевает и форму и основные установки византийской агиографии, что и сам сознает, назвав свое произведение сказанием, а не житием».

Если исключить отсюда ссылку «на стилистику византийской агиографии», традиционную форму которой автор «Сказания» будто бы «сумел преодолеть», и на летопись как его основной источник, то характеристику изучаемого памятника, сделанную С. А. Бугославским, следует признать правильной. «Сказание» действительно не представляет собой строго канонического жития, составленного по византийским шаблонам. Оно было иного рода попыткой объединить и закрепить в литературной форме разрозненные и противоречивые обрывки устных преданий о гибели Бориса и Глеба, обстоятельства которой завуалировались религиозной дымкой, образовавшейся вокруг их вышегородских гробниц. Приняв за основной литературный образец житие чешского князя X в., изобилующее конкретными историческими подробностями, русский автор широко использовал данные этого образца для описания в своем произведении подробностей убийства Бориса и Глеба, которых в местных устных преданиях он не встретил. В меньшей степени отразилось в «Сказании» влияние некоторых других известных его автору источников житийного характера, обзор которых мы только что произвели. Следующей очередной нашей задачей является изучение элементов исторического предания, положенных автором в основу его религиозно-исторической повести, процесса образования вокруг них религиозной легенды и выяснения целей, которые преследовало составление этой повести.

Глава III

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ О БОРИСЕ И ГЛЕБЕ

При изучении устных преданий об убийстве Бориса и Глеба, положенных в основу «Сказания», могут быть использованы данные некоторых исторических источников, повествующих о русских событиях того же времени.

Источники эти следующие:

I. Русская летопись (в ее независимой от «Сказания» части).

II. Хроника Титмара, епископа Мерзебургского.

III. Польские хроники.

IV. Эймундова сага.

V. «Сказание чудесь святою стратотършьцю Христову Романа и Давида».

VI. Церковная служба Борису и Глебу митрополита Иоанна.

VII. «Чтение о житии и погублении блаженую стратотърпца Бориса и Глѣба» Нестора.

I. Летописные известия, сюда относящиеся, разделяются на две категории: 1) не вошедшие ни в один из изводов «Сказания», 2) вошедшие целиком в некоторые его изводы.

Вот важнейшие для нас летописные записи первой категории: Запись 6525 (1017) г. Новгородской первой летописи (списки Синодальный и др.), содержащая известие о закладке собора св. Софии в Киеве и походе Ярослава к Берестюю. В Лаврентиевском и родственных ему списках последнее известие, как можно предполагать, перенесено под 6530 (1022) г. и как бы заменено сообщением о вступлении Ярослава в Киев; а вместо сообщения о закладке св. Софии сообщается о пожаре церковей. Других известий под 6525 (1017) г. оба свода не дают.

Под тем же 6525 (1017) г. в летописях Софийской первой, Воскресенской, Тверской и Львовской сообщается об осаде

Киева печенегами. В Новгородской третьей известие это дополняется сообщением о постройке Ярославом новых укреплений в Киеве и закладке там собора св. Софии. Последнее известие встречается под тем же годом в летописях Новгородской второй, Супрасльской и Русском Временнике. Никоновский сборник соединяет под 6525 (1017) г. известия о вступлении Ярослава в Киев, осаде Киева печенегами, возобновлении киевских укреплений и церковью и культурной деятельности Ярослава. За исключением сообщения о печенежской осаде, эти известия с присоединением характеристики мирной деятельности Ярослава помещены в Лаврентьевской (и родственных ей списках) летописи под 6544 (1036) г.

Отличительная черта этой группы летописных известий — крайняя запутанность хронологии. Одни и те же данные помещены в большинстве списков под разными годами, а иногда отсутствуют вовсе. Вследствие этого в некоторых сводах под одним годом соединены известия, которые в других разделены значительным промежутком времени. Более определенны известия той же категории, относящиеся к борьбе Ярослава с Мстиславом, под 6531 (1023), 6532 (1024) и 6534 (1026) гг. Известия эти, по мнению К. Н. Бестужева-Рюмина, южного происхождения и в новгородских летописях не упоминаются вовсе¹. Лишь в Новгородской третьей — под 6532(1024)г.находим краткое сообщение о выступлении Ярослава «с воинством» под Чернигов (для борьбы с Мстиславом). Дополнения, вносимые другими сводами в известия о борьбе Ярослава с Брячиславом, помещенные в Лаврентьевском под 6529 (1021) г., значения для нас не имеют.

Известие о ссоре Ярослава с Владимиром под 6522 (1014) г. есть как в Новгородских первой и третьей, так и в Лаврентьевской летописях. Непосредственное продолжение его, как это отметил еще К. Н. Бестужев-Рюмин, представляет рассказ о ссоре Ярослава с новгородцами, который помещен в Лаврентьевском своде под 6523 (1015), а в Новгородском — под 6524 (1016) г. Он, впрочем, относится уже к известиям, включенным в некоторые изводы «Сказания».

Летописные известия этой последней категории немногочисленны, но по объему относительно обширны. Это, во-первых, описание победы Ярослава над Святополком на Днепре, помещенное в обоих сводах под 6524 (1016) г., но в разных вариантах; во-вторых, описание похода польского князя Болеслава Храброго на Русь в 6526 (1018) г., известное только Лаврентьевскому и родственным ему сводам. Сюда же следует

¹ К. Н. Бестужев-Рюмин. О составе русской летописи до конца XV ст., стр. 53.

отнести сообщение о новом выступлении Ярослава против Святополка, находящееся в конце той же статьи 6526 (1018) г. Ниже оба эти известия будут подвергнуты детальному разбору; теперь же укажем лишь основания, позволяющие считать их независимыми от «Сказания».

1. Они включены только в некоторые, более поздние, списки «Сказания» (например, Сахаровский и Сильвестровский); в большинстве списков и, в том числе, в наиболее древних и близких к оригиналу «Сказания» (Успенского собора и Чудова монастыря) их не встречается.

2. Слог и общий тон повествования в них отличны от «Сказания». Так, в описании битвы у Днепра встречается, например, следующее место: «И воевода нача Святополчъ, ѣзди възлѣ берега, укаряти Новгородцѣ, глаголя: «что придосте съ хромьцемъ симъ, о вы плотницѣ суще? а поставимъ вы хоромъ рубити нашимъ». Или подобно этому в рассказе о походе Болеслава Храброго читаем: «И бѣ у Ярослава кормилецъ и воевода, именемъ Будый, нача укаряти Болеслава, глаголя: «да то ти прободемъ трѣскою черево твое тольстое». Грубоватое остроумие соответствует духу времени, но отнюдь не свойственно всегда серьезному и несколько приподнятому тону повествования в «Сказании». В рассказе о походе Болеслава затолько что приведенным отрывком находим следующую характеристику: «Бѣ бо Болеславъ великъ и тяжекъ, яко и на кони не могли сѣдѣти, но бяше смысленъ, и рече Болеславъ к дружинѣ своей: «аще вы сего укора не жаль, азъ единъ погыну». Всѣдъ на конь, вбрече в рѣку и по немъ вои его». Панегирик уму и доблести союзника Святополка, разумеется, был невозможен для автора «Сказания». Отметим также, что к самому Святополку отношение в обоих рассказах сдержанное.

II. Русские известия Титмара² немногочисленны и относятся преимущественно к борьбе Киевской Руси с Польшей, отголоском которой являются события, составляющие историческое содержание летописной статьи о Борисе и Глебе.

Исследователи, изучающие «Хронику» Титмара, сходятся в высокой оценке ее как источника русской истории. Еще в 1866 г. Ян Карлович в латинской своей диссертации «De Boleslai primi bello kioviensi», сравнивая «Хронику» Титмара с русской летописью и анонимной «Chronica Polonorum», приписываемой ранее Мартину Галлу, писал: «Титмар из всех трех писателей наиболее заслуживает доверия не только как современник событий, но и вследствие того, что он всегда усердно

² Thietmari Chronicon. «Monumenta Germaniae historica. Scriptorum», t. III, p. 723—871.

следовал истине, имел резиденцию недалеко от главного города Польши и внимательно следил за всеми намерениями и действиями Болеслава, к которому относился враждебно, считая его противником империи»³.

Подобную же оценку русских известий Титмара находим в диссертациях Ф. Я. Фортинского «Титмар Мерзебургский и его хроника» и И. А. Линниченко «Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV ст. Расходясь с Я. Карловичем в интерпретации отдельных мест «Хроники», Ф. Я. Фортинский отмечает осведомленность Титмара и его добросовестное отношение к источникам сообщаемых сведений. «Сравнение известий Титмара о современных ему событиях с летописными и документальными свидетельствами того же времени» привело Ф. Я. Фортинского к заключению, что Титмар «не искажал намеренно фактов, хотя и выставлял иногда их в слишком благоприятном свете для своих благодетелей и родных»⁴. Справедливое замечание Ф. Я. Фортинского вряд ли, однако, может распространяться на известия о русских событиях, в тенденциозном освещении которых автор «Хроники» мало был заинтересован.

И. А. Линниченко считает отрицательной стороной авторской деятельности Титмара, в части, касающейся русско-польских дел, то обстоятельство, что сведения о них «записаны в «Хронику» с чужих слов»⁵. Действительно, Титмар не участвовал лично, например, в походе Болеслава на Киев в 1018 г., но подробности этого похода были внесены в «Хронику» со слов его соотечественников, участвовавших в нем, притом немедленно после возвращения их на родину.

Стержнем, вокруг которого группируются в «Хронике» Титмара русские известия, являются войны Польши с Германской империей при Болеславе I Храбром, в 1025 г.: принявшем королевский титул.

Титмар с тревожным вниманием следил за успехами Болеслава, считая его врагом империи («*noster persecutor*»). Благодаря соседству с театром военных действий в Германии Мерзебург сделался центром важных политических событий: здесь происходили имперские совещания и съезды, здесь в конце 1011 г. было заключено пятилетнее перемирие между Генрихом II и Болеславом. Спустя год с небольшим, во время заключения мира в 1013 г., епископ Титмар был очевидцем пребывания в Мерзебурге «епископа льва» и его сына Мешко и

³ Ioh. K a r l o w i c z. De Boleslai primi bello kioviensi. Dissertatio. Berolini, 1866, p. 35.

⁴ Ф. Я. Ф о р т и н с к и й. Титмар Мерзебургский и его хроника. СПб., 1872, стр. 143.

⁵ И. Л и н н и ч е н к о. Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV ст. Киев. 1884, стр. 2.

мог тогда следить за дипломатическими переговорами. В сентябре 1017 г. в Мерзбурге велись переговоры императора с послами Болеслава о возвращении заложников.

Варясь в горниле современной ему европейской международной политики, Титмар был обо многом осведомлен, но факты русской истории отражались в его «Хронике» только постольку, поскольку стояли в связи с волновавшими автора военными событиями. Теснимая Болеславом империя стремилась вовлечь Киевскую Русь в войну со своим опасным врагом, то в качестве прямого союзника, то для отвлечения от себя внимания польского князя. Сама по себе Киевская Русь и ее история, видимо, мало интересовали Титмара. Единственный сделанный им мимоходом экскурс в совсем недавнее для него русское прошлое грешит рядом неточностей, сообщающих ему привкус фантастики: «*Amplius progrediar disputando regisque Ruscorum Wlademiri accionem unquam perstringendo. Nunc a Graecia ducens uxorem, Helenam nomine, tercio Ottoni desponsatam, sed ei fraudulentem calliditate subtractam, Christianitatis sanctae fidem eius ortatu suscepit, quam iustis operibus non ornavit. Erat enim fornicator immensus et crudelis magnamque vim Danais mollibus ingessit*»⁶.

Оттон III, будучи сыном Теофано, старшей сестры Анны⁷, едва ли мог быть женихом своей тетки. Ошибка саксонцев, видевших в 1018 г. в Десятинной церкви в Киеве княжеские гробницы Владимира, его жены Анны и бабки его княгини Ольги, в крещении Елены, легко объяснима. Путаница Титмара, возможно, могла быть отголоском другой брачной комбинации, связанной с той же Анной.

В 987 г. ее в возрасте 26 лет сватал для своего сына Роберта французский король Гуго Капет. Сохранился текст его послания об этом к Василию II, заготовленный воспитателем Оттона III, монахом Гербертом. Остается, однако, неясным, пошло ли послание по адресу⁸. Возможно, слышавшему в свое время толки об этом Титмару через тридцать почти лет память могла изменить. Самая фабула об обманутом женихе действительно отражает обстоятельство женитьбы современного Титмару русского князя, но не Владимира, а Ярослава. Дочь норвежского

⁶ Thietmari Chronicon. L. VII, c. 52. Перевод: «Переходя к дальнейшему, коснусь случая с русским князем Владимиром. Взяв из Греции жену, по имени Елена, обрученную ранее за Оттона III, от которой последний был затем обманным образом отстранен, он по настоянию жены принял христианскую веру, которой, однако, праведными делами не украсил. Это был величайший сластолюбец, человек жестокий, чинивший насилие слабым грекам».

⁷ Ich. Ph. K r u g. Kritischer Versuch der Aufklärung der Byzantinischen Chronologie. СПб., 1810, p. 318, 328.

⁸ «Византийский Временник», 1898, т. III, стр. 505—506.

короля Олафа была помолвлена за шведского конунга Олафа святого, но отец, не терпевший этого жениха, принудил дочь выйти за русского князя Ярослава, когда тот посватался⁹.

Другое дело данные о столкновениях с Польшей и с Киевской Русью: сведения о них у Титмара всегда точны, но отрывочны и не полны, что затрудняет их понимание. Это отчасти связано с тем, что Титмар начал писать «Хронику» только в 1013 г., следовательно, до исхода русско-польского конфликта, а в 1018 г. он умер.

Сообщение летописи, будто Червенские города были отняты Владимиром в 981 г. у поляков, оспаривается. Если Краковская область, как свидетельствует Козьма Пражский, до 999 г. действительно принадлежала чехам, то Червенские города были тогда географически в полном отрыве от остальных владений Мешко I и, следовательно, не могли принадлежать Польше.

В 981 и 992 гг. Владимир занял Перемышль и Червенгородские центры славянских племенных княжений дулебов и хорватов, не утративших до того независимости. Поэтому в X в. никаких польско-русских столкновений не было. Что же касается текста статьи 981 г., то она дошла в измененной уже редакции, отражающей представления «сега дне» о событиях XI в., когда Червенские города действительно стали ареной польско-русского конфликта¹⁰.

В значительной доле вероятия приведенным только что соображениям отказать нельзя. Для нас важно, однако, подчеркнуть большое значение, которое имели Червенские города для экономической жизни Руси и Польши. С одной стороны, они были ключом к Кракову, узловому пункту торгового пути от Киева до Праги и далее в европейские страны. С другой стороны, через них, что особенно здесь важно, производился тогда с северо-запада постоянный подвоз в Киевскую Русь необходимой для ее населения соли, тогда как снабжение черноморской солью, в результате набегов печенегов, по временам совсем обрывалось¹¹.

Для понимания значения известий Титмара о русско-польских делах начала XI в. необходимо восстановить, по возможности, общий исторический фон, на котором разыгралось каждое из передаваемых в них событий.

⁹ «Кр. сообщ. о докладах и полевых исследованиях Ин-та материальной культуры» («Кр. сообщ. ИИМК»), т. VIII, М.—Л., 1940.

¹⁰ В. Д. К о р о л ю к. К вопросу об отношении Руси к Польше. «Кр. сообщ. Ин-та славяноведения АН СССР», вып. 9, 1952, стр. 43—50.

¹¹ А. С п и ц ы н. Торговые пути Киевской Руси. «Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели». СПб., 1911, стр. 235—243. См. также St. Z a k r z e w s k i. Boleslaw Chrobry. Warszawa — Krakow, 1925, str. 360.

В 999 г. Краков перешел к Польше. «Со времени завоевания Кракова, — замечает Е. М. Крыжановский, — Болеслав стал непосредственным соседом Руси в верховьях Вислы, занятие Червенской страны и владение ею географически стало возможным для Польши»¹². Однако Болеслав в это время подготавливал большую политическую игру, и его внимание было устремлено на запад.

В марте 1000 г. Болеслав устроил у себя в Гнезно торжественный съезд, на котором присутствовал император Оттон III. Было официально объявлено об основании особого Гнезненского архиепископства. Описывая несколько напыщенным стилем это торжество, так называемый Галл Аноним сообщает: «Et tanta sunt illa die dilectione conniti, quod imperator eum fratrem et cooperatorem constituit et populi Romani amicum et socium appellavit. Insuper etiam in ecclesiasticis honoribus quidquid ad imperium pertinebat in regno Polonorum, vel in aliis superatis ab eo vel superandis regionibus barbarorum. Suae suorumque potestati concessit, cuius pactionis decretum papa Silvester Sanctae Romanae ecclesiae privilegio confirmavit»¹³.

В составе Гнезненского архиепископства были образованы три епископии: Краковская, Вроцлавская и Колобжегская. В распоряжении Болеслава оказалось такое могущественное орудие, как церковная организация, полностью послушная ему в это время¹⁴. Как это было в остальных странах Европы, христианская церковь в Польше оказалась вскоре крупным феодалом, а ее служители всеми доступными им средствами способствовали упрочению феодального строя.

В 1002 г. умер Оттон III. В том же году Болеслав завладел чешским тронem. Империя рассматривала Чехию как свой лен, но Болеслав отказался выполнять обязанности имперского вассала.

В 1003 г. началась первая война Болеслава с будущим германским императором, королем саксонским Генрихом II. Генрих, используя восстание в Чехии против польских войск, вытеснил Болеслава из Чехии и, вступив при поддержке лютичей в пределы Польши, дошел до Познани, где

¹² Е. М. Крыжановский. Забужная Русь. Собр. соч., т. II. Киев, 1890, стр. 328.

¹³ «Monumenta Germaniae historica, Scriptores», t. IX, p. 429. Перевод: «И такая в этот день была взаимная приязнь, что император признал его (Болеслава) собратом и пособником империи и назвал другом и союзником Римского народа. Сверх того, император по своей и своих преемников власти облек его полномочиями по церковным делам в королевстве польском и в других странах варварских, покоренных или имеющих быть покоренными; папа Сильвестр, по привилегии Римской церкви, подтвердил постановление этого договора».

¹⁴ Z. Wojciechowski. Boleslaw Chrobry i rok 1000. Poznań, 1948, str. 4.

в 1005 г. был заключен мир. Война возобновилась вторично в 1007 г. и закончилась в 1013 г. миром в Мерзебурге; третья война началась в 1015 г., а в 1018 г. был заключен мир в Бу-дишине.

В то же время на протяжении этих полутора десятков лет между Польшей и Киевской Русью трижды происходили военные столкновения. Эти столкновения начинаются или когда борьба на западе затихает (в 1013 и 1018 гг.), или когда она достигает наибольшего напряжения. Болеслав вел войну против Руси поддерживаемый и поощряемый немецкими феодалами; в 1017 г. против Польши, по соглашению с Генрихом II, выступил киевский князь Ярослав.

Немецкой дипломатии Болеслав противопоставлял свою собственную. Мир, заключенный в 1005 г. в Познани после первой войны, был явно непрочен. Болеслав отнюдь не чувствовал себя сложенным, и обе стороны спешно готовились к новой борьбе¹⁵. Генрих II возобновил военный союз с язычниками-лютичами, которые шли в бой под предводительством своих жрецов, с языческими реликвиями вместо знамен¹⁶.

Военные действия открылись весной 1007 г. В конце этого же года через Киев проезжал, следуя из Польши в страну печенегов для проповеди там христианства, глава миссии *in partibus infidelium* Бруно, позднее канонизованный под именем Бонифация¹⁷. Через шесть месяцев Бруно вернулся в Польшу и в конце 1008 или начале 1009 г., по соглашению с Болеславом¹⁸, отправил к Генриху II свое известное послание¹⁹, отражающее тогдашнюю дипломатическую игру польского князя. Убедая Генриха примириться с Болеславом, Бруно выступает не только от имени церкви, с точки зрения которой союз Генриха с лютичами — «*conventio Christi cum Belial, comparatio lucis ad tenebras*», но и как бы от имени Болеслава, с обещанием: «*Nic Boleslavus vos securum facit quia in eternum non debet dimittere cum in expugnandis paganis semper debet vos diligentissime adiuvarе et in omnibus libenter servire*»²⁰.

Болеслав, по словам Бруно, готов принять на себя расходы по организации новой миссии в страну пруссов, где погиб Вой-

¹⁵ St. Z a k r z e w s k i. Boleslaw Chrobry, str. 260.

¹⁶ Ф. Успенский. Первые славянские монархии на северо-западе. СПб., 1842, стр. 294.

¹⁷ St. Z a k r z e w s k i. Boleslaw Chrobry, str. 260—261.

¹⁸ Ibid. str. 222, 261.

¹⁹ Оно было опубликовано А. Ф. Гильфердингом в «Русской беседе» за 1856 г., кн. 1, вместе с переводом на русский язык. См также: В i e l o w s k i. Monumenta Poloniae historica, t. I, p. 224—226.

²⁰ «Русская Беседа», 1856, кн. 1, стр. 20, 28—29. Перевод: «Этот Болеслав удостоверяет вас, что он в век вас не оставит, так как его обязанность помогать вам всегда со всей ревностью в покорении язычников».

тех, но не в состоянии этого сделать, так как его ресурсы поглощает война с Генрихом.

Щедрость Болеслава по отношению к церкви отмечает и Титмар, рассказывая о жизни Бонифация²¹. Немалые средства поступали из Польши в распоряжение Рима и через Познанского епископа, находившегося в непосредственном подчинении папе²².

«Когда король (т. е. Генрих), — напоминает Бруно Генриху исход первой войны, — всеми силами своего государства вторгся в землю эту (hanc terram, т. е. Польшу, откуда писал Бруно послание), святой Петр, должником которого признавал себя («cuius tributarium se asserit») Болеслав, и святой Адальберт защитили ее»²³.

Бруно указывает Генриху на трудности, которые связаны с войной сразу на три фронта («in tribus partibus»),²⁴ т. е. с Польшей, Балдуином Фландрским и бодричами, и на преимущества, которые сулит союз с Болеславом²⁵.

Польский историк А. Закшевский считает, что послание Бруно не носило конфиденциального характера, а предназначалось для оглашения среди польских и немецких прелатов: это де внутрицерковный спор, касающийся отношений самой церкви к текущим событиям²⁶. Если это так, то открытое выступление в пользу Болеслава имело несравненно больше значения, нежели попытка личного воздействия на Генриха. Тот же А. Закшевский допускает, что Бруно мог написать свое послание не по указанию Болеслава, а по личной инициативе²⁷. Тем более подобного рода инициатива дает основание признать Бруно активным проводником интересов Болеслава.

Мысль о миссии в страну печенгов возникла у Бруно, по мнению А. Закшевского, в связи с неудачной его поездкой в Венгрию, где он мог ознакомиться с их языком. Перед отъездом в новую миссию он более шести недель пробыл в Польше²⁸.

Осуществлением своего плана Бруно явно был обязан Болеславу, который имел тогда возможность снабдить миссию «средствами материальными и духовными» и не преминул, конечно, использовать преданного ему проповедника для устройства также «мирских дел».

Печенеги в международных отношениях IX—X вв., военных и дипломатических, играли иногда заметную роль. «Россы, —

²¹ Thietmari Chronicon. L. VI, c. 58.

²² Z. Wojciechowski. Bolesław Chrobry i rok 1000, str. 9—10.

²³ «Русская Беседа», 1856, кн. 1, стр. 23.

²⁴ Там же, стр. 24.

²⁵ Там же, стр. 21.

²⁶ St. Zakrzewski. Bolesław Chrobry, str. 261.

²⁷ Ibid., p. 222.

²⁸ St. Zakrzewski. Bolesław Chrobry, str. 220.

писал еще Константин II Багрянородный, — не могут вовсе отправляться на войну в чужую землю, если не находятся в мире с печенегами, так как те могут во время их отсутствия с родины сделать нападение, ограбить и опустошить ее». Константин советует пользоваться помощью печенегов, так как они ничего не ищут, кроме наживы, а следовательно, дружбу их и поддержку можно купить²⁹.

В военных столкновениях с киевским князем в 1013, 1017 и 1018 гг. Болеслав, как мы увидим ниже, неизменно опирался на поддержку печенегов — в виде ли особых отрядов в составе своего войска или в форме диверсии в сторону Киева.

Подготовляя почву для перехода к основной теме своего послания, Бруно начинает последнюю попыткой смягчить скептическое отношение к нему Генриха, вызванное деятельностью его в Венгрии, и, видимо, преувеличивает почет, оказанный ему киевским князем, во дворце которого он задержался проездом на целый месяц. Владимир, после безуспешных попыток удержать Бруно от опасной миссии к диким и свирепым язычникам, лично проводил миссионеров до линии укреплений на южной границе русской оседлости и вернулся обратно, предупредив Бруно и его товарищей, что им не пережить следующего дня.

Действительно, почти у самой границы их захватили кочевники, жестоко избili и повлекли в глубь страны к старейшинам. Но те не только оставили миссионеров живыми, но разрешили проповедывать. Бруно, по его словам, за пять месяцев сумел обратить в христианство 30 печенегов, учредил для них особую епархию и, кроме того, склонил печенегов к миру с Владимиром. На обратном пути через Киев Бруно уговорил Владимира, чтобы тот отпустил к печенегам в обеспечение мира в качестве заложника одного из своих сыновей³⁰.

В рассказе Бруно о миссии в страну печенегов, которым начато им послание Генриху, много недосказанного, наводящего на мысль, что дело обстоит не совсем так, как намеревался показать Бруно.

Прежде всего, только тем, что Бруно прибыл к печенегам из Польши от Болеслава, можно объяснить, почему Владимир неохотно пропустил миссионеров к печенегам и почему последние, вопреки предсказаниям русского князя, не только не убили или не захватили их в плен, но разрешили заниматься проповедью и даже вели с ними какие-то переговоры о мире и, в конце концов, выпустили обратно в Польшу.

²⁹ Константин Багрянородный. О народах. «Чтения...», 1899, кн. 1, стр. 66—67.

³⁰ «Русская Беседа», 1856, кн. 1, стр. 11—15.

Затем, даже самые достижения миссии не были, в сущности, велики: 30 обращенных за пять месяцев пребывания у печенегов — жатва далеко не обильная. О дальнейшей судьбе учрежденной Бруно там новой епархии ничего не известно. Мир с печенегами, казалось, обеспечивал Владимиру возможность помогать Генриху в случае войны его с Болеславом. Но соглашение с кочевниками, хотя бы и обеспеченное заложниками, дело весьма непрочное.

Такого рода возможность, как сообщает Бруно, предусматривалась сторонами при выработке условий договора: «*Si ille senior Ruzorum in fide titubaverit, debemus tantum intendere bello non de Christianitate*»³¹. Нарушение мира Владимиром, таким образом, могло не отразиться на соглашении, которое заключил Бруно с печенегами как глава миссии, уполномоченный Болеславом.

Высказывалось предположение, что в качестве заложника к печенегам был послан Святополк, которого Владимир не любил и от которого хотел отделаться³². Косвенное подтверждение эта гипотеза встречает в дальнейшем развитии событий, в которых участвовал Святополк.

Замалчивая по причинам, которые будут выяснены ниже, о близости Святополка к Болеславу, «Сказание» связывает его с печенегами: в битве с Ярославом на Альте Святополк сражался во главе печенежских полчищ; летопись, кроме того, знает, что в битве на Днепре у Любича печенеги составляли резерв Святополка. В таком случае, начало сближения Святополка, с одной стороны, с печенегами, а с другой — с Болеславом, мог положить еще в 1008 г. Бруно, втягивая постепенно старшего из живых сыновей Владимира в орбиту политики Болеслава.

Предприимчивому дипломату в сутане суждено было вскоре сложить голову в стране пруссов, но образованная его усилиями связь между Святополком и Болеславом закрепилась затем семейными узами. О браке между Святополком и дочерью Болеслава Титмар упоминает несколько раз.

Сообщив сведения о первых двух женах Болеслава, «Хроника» продолжает: «*Tercia fuit Emnildis (Erminildis), edita a venerabili seniore Dobremiro, quae Christo fidelis ad omne bonum instabilem coniugis sui mentem declinavit et immensa elemosinarum largitate et abstinentia utriusque maculis abluere*

³¹ «Русская Беседа», 1856, кн. 1, стр. 15. Перевод: «Если же государь Руси станет колебаться в верности, то мы просто будем воевать с ним, без ущерба христианству».

³² Л я с к о р о н с к и й. Титмарови повидомлення про русько справи з початку XI сторичча». «Ювілейний Збірник по дошану академ. М. С. Грушевського», т. I. У Києві, 1928.

non destitit. Peperit hanc duos filios, Misconem et alium, quem dilecti senioris sui nomine pater vocavit, filias quoque tres, quarum una est abbatissa, secunda nupsit Herimanno comiti, tertia filio regis Wlodemiri sicut dicturus sum»³³.

Сведения эти даны в «Хронике» под 999 г., но внесены в нее не ранее 1018 г., так как содержат в своем тексте отсылку («Sicut dicturus sum») к тому месту «Хроники», которое Титмар записал незадолго до смерти, а именно: к приведенному выше полуфантастическому рассказу о женитьбе Владимира на сестре греческого императора, с добавлением в конце: «Hic tres habens filios. Uni eorum Bolizlavi ducis nostrique persecutoris filiam in matrimonium duxit»³⁴.

А. Закшевский считает, что брак Святополка был заключен не позднее 1012 г., так как в следующем 1013 г. Болеслав был уже с Русью в состоянии войны³⁵. Думается, что брак заключен был и незадолго до 1013 г., так как младшая дочь Болеслава от третьего брака, едва достигла тогда брачного возраста³⁶. Святополку было тогда приблизительно 30 с небольшим лет. Возвратившись, надо думать, к тому времени от печенегов, он сидел на княжении своем в Пинске. Династический брачный союз не способствовал прочному миру между Польшей и Киевом. Выдавая свою дочь за Святополка, Болеслав преследовал другие политические цели.

В свите польской княжны, как ее капеллан, по свидетельству Титмара, «missus est a Polenis Rheinbernus, presul salsae Choldebergensis. Ille in pago Hassegun dicto natus liberalique sciencia a prudentibus magistris educatus gradum episcopalem ascendit, ut spero, dignus. Quantum autem in cura sibi commissa laboraverit idem, non meae sufficit scienciae, nec etiam facultiae. Tana idolorum destruens incendit et mare demonibus cultum inmissa quatuor lapidibus sacro crismate perunctis, et aqua purgens benedicta novam Domino omnipotenti propaginem in infructuosa arbore id est in populo nimis insulso sanctae predicationis plantacionem eduxit. Vigiliarum et abstinenciae ac silencii assiduitate corpus suum affligens cor ad speculum

³³ Thietmari Chronicon. L. IV, c. 58. Перевод: «Третья была Эмнильда, дочь уважаемого старейшины Добремира. Верная раба Христова, она склонилась к богу колеблющегося своего супруга и подвигами строгого поста и воздержания непрестанно искупала свои с ним прегрешения. Она родила двух сыновей, Мешко и другого, которого отец назвал именем уважаемого сеньора своего, а также трех дочерей, из которых одна была аббатисой, другая вышла замуж за Геримана, а третья — за сына Владимира, о чем я намереваюсь рассказать».

³⁴ Ibid., t. VII, p. 62. Перевод: «Имея трех сыновей, одному из них он взял в жены дочь нашего гонителя Болеслава».

³⁵ St Z a k r z e w s k i. Bolesław Chrobry, str. 260.

³⁶ O. B a l z e r. Genealogia Piastów. Kraków, 1895, str. 4.

divinae contemplacionis infixit. Quem predictus rex, audiens filium suimet ortatu Bolizlavi tacito reluctaturum sibi cepit cum eodem et uxore et in singulari custodia claudit. In qua pater venerabilis, quod in aperto fieri non potuit, in secreto studiosus in divina laude peregit. Hic cum se lacrimis assiduaeque oracionis ex corde contrito prolatae hostia summo sacerdoti reconciliaret, ex arto corporis carcere solutus ad libertatem perennis gloriae gaudens transiit... In coelesti securitate sedens episcopus ille ridet viri minas iniusti et castitate gemina potitus ac fornicatoris illius ultrices flammis speculatur, quia nostro doctore Paulo teste adulteros iudicat Deus. Bolizlavus autem haec omnia comperiens in quantum potuit vindicare non destitit»³⁷.

О том, что Святополк по проискам агента Болеслава готовился к восстанию против Владимира, не знает ни летопись, ни какой-нибудь другой источник, исключая Титмара. По происхождению, видимо, немец, Рейберн прибыл на Русь из Польши уже в сане епископа. Описанная Титмаром миссионерская деятельность среди язычников относится ко времени его пребывания в Колобжеге. Повествуя подробно и с пафосом о подвигах Рейберна в Колобжеге, Титмар становится сдержанным и кратким, как только переходит к его деятельности на Руси в роли креатуры Болеслава, и сообщает о ней во всяком случае меньше, нежели знает. Лишь стойкость, которую проявил «достопочтенный отец» в заточении, вдохновляет его биографа. Поэтому подробности неудавшегося заговора против

³⁷ Thietmari Chronicon. L. VII, c. 72—73.

Перевод: «Послан был из Польши Рейберн, настоятель колобжегский. Родом из местности Гассегун, получив от мудрых наставников образование в свободных науках, он достиг епископского сана, как я полагаю, по заслугам. Насколько он потрудился для дела, ему порученного, у меня не достаёт ни сведений, ни даже возможности судить. Он разрушил идольские капища и, сбросив четыре камня, смазанные священным елеем, в море, почитаемое за демонов, взрастил всемогущему богу новый росток на бесплодном дереве, т. е. насадил святое благовествование в народе, слишком грубом.

Изнауряя тело свое непрестанным постом и бдением, он устремил сердце свое к созерцанию божественного зрелища. Упомянутый выше князь, услышав, что его собственный сын, по тайному наущению Болеслава, готовится к восстанию против него, посадил его с женой и Рейберном в одиночное заключение. В темнице достопочтенный отец тайно трудился над тем, чего он не мог совершать открыто. Когда благодаря непрерывным слезным мольбам, исходившим от сокрушенного сердца, жертва примирила его с верховным священником, освобожденный от тесной темницы тела он с радостью перешел к свободе вечной славы...

Пребывая в небесном блаженстве, епископ с улыбкой встречает угрозы нечестивого мужа и, уверенный в своей правоте, бесстрастно взирает на мстительный гнев сластолюбца, ибо, по свидетельству нашего учителя Павла, господь осуждает прелюбодеев. Болеслав, же, узнав обо всем этом, не переставал, сколько мог, мстить».

Владимира, организованного по тайному наущению Болеслава его агентом, остаются для нас скрытыми.

Какого рода противодействие по секретным инструкциям Болеслава («ortatu Bolizlavi tacito reluctaturum») намеревался оказать своему могущественному отцу слабый пинский князь? Это не была, конечно, попытка борьбы за обладание Киевом, хотя поблизости от него, в Вышегороду, у Святополка, по преданию, имелись сторонники. Святополк, владения которого вместе с Червенскими городами составляли западную окраину Киевской Руси, мог перейти на сторону тестя в момент его вторжения в ее пределы.

В связь с заговором Святополка ставится обычно поход Болеслава в русские области, о котором Титмар непосредственно за рассказом о заключении мира весной 1013 г. в Мерзбурге сообщает следующие краткие данные: «Post haec Ruciam nostris ad hoc auxiliantibus petiit et magna regionis illius parte vastata cum commotus inter suos et hospites Pezineigos fieret, eosdem quamvis suimet fautores iussit interfici omnes...»³⁸

Исследователи по-разному толкуют эту связь. А. Закшевский считает, что вторжение в 1013 г. Болеслава в русские области было осуществлением с его стороны мести за заточение дочери, зятя и Рэйнберна («quantum potuit vindicare non destitit»)³⁹, Л. Карлович видит во вторжении неудавшуюся попытку их выручить⁴⁰. Личные мотивы, конечно, могли тут быть, но все же поход 1013 г. был осуществлением заранее задуманного плана. Намерение Болеслава обратить свои силы на восток встретило, разумеется, поддержку в Мерзбурге. Но, несмотря на участие в нем немцев («nostris auxiliantibus»), поход не удался, и дело ограничилось опустошением пограничной с Польшей области. Столкновение с печенежскими отрядами, находившимися в войске Болеслава, произошло, скорее всего, на почве дележа военной добычи, до которой польские рыцари были падки не менее степняков.

В разгар третьей войны с Болеславом в июле 1017 г., Генрих II с силами всей империи и союзниками вступил в пределы Польши. Болеслав держался оборонительной тактики. Избегая открытого боя, он упорно отсиживался за стенами укрепленных городов, пока противники не снимали осады. Так продолжалось два месяца. Попытки вступить с Болеславом в переговоры были безуспешны. С негодованием рассказывая о пре-

³⁸ Thietmari Chronicon. L. VII, c. 55. Перевод: «Затем, при нашей в том поддержке, устремился на Русь и опустошил значительную часть этой страны; когда же произошло в его лагере столкновение с союзниками — печенегами, он приказал всех их, не исключая преданных ему, перебить».

³⁹ St. Zakrzewski. Boleslaw Chrobry, str. 260.

⁴⁰ I. Karłowicz. De Boleslai primi bello kioviensi, p. 12.

тензиях польских послов при переговорах с Генрихом осенью 1017 г. относительно возвращения заложников, Титмар вскользь добавляет: «Assiduo principum suimet interventu cesar hiis omnibus assensum prebuit et tunc primum conperit. Ruszorum regem, ut sibi per internuncium promisit suum Bolizlavum percisse nilque ibi ad urbem possessam proficisse. Huius regnum prefatus dux postea cum exercitu invadens generum suum et fratrem eius diu expulsum intronizavit et hilaris rediit»⁴¹.

Смысл первой фразы этого отрывка не вполне ясен. По мнению Л. Карловича, из общего хода повествования Титмара ясно, что автор имел в виду рассказать здесь о вторжении русского князя в Польшу и осаду им какого-то польского города⁴². Мнение Л. Карловича, разделяемое Ф. Н. Фортинским⁴³ и И. Линниченко⁴⁴, находит себе подтверждение в сообщении Новгородской первой летописи: «В лето 6525. Ярославъ иде къ Берестю, и заложена бысть святая София Киевѣ»⁴⁵.

Берестия не принадлежала тогда Польше, поэтому речь идет о выступлении Ярослава в поход по направлению к западной границе: Если это так, то данные Новгородского свода можно сблизить с сообщением Титмара. Из слов последнего видно, что империя предварительно вела с Ярославом переговоры о военном союзе против Болеслава, причем русский князь должен был начать операции в тылу у Польши.

Второй абзац этого сообщения относится уже к походу Болеслава на Киев в 1019 г., о котором речь будет ниже.

III. Польские хроники, в качестве источника сведений об изучаемых нами исторических событиях, стоят, как это можно считать окончательно установленным, гораздо ниже летописи и Титмара.

Важнейшая из них «Chronica Polonorum»⁴⁶, называемая иногда на основании надписи на одном из ее списков «Хроникой Мартина Галла». Имя и национальность автора, состоявшего, видимо, каноником польского короля Болеслава Кривоустого, — неизвестны. Русские известия о походе Болеслава

⁴¹ Thietmari Chronicon. L. VII, c. 48. Перевод: «Князей, непрерывно спорящих друг с другом, Цезарь всех сумел примирить, и только тогда он впервые узнал, что властелин (гех) русских, как обещал ему через своего посланца, напал на Болеслава, но ничего не предпринял для овладения городом. Напав затем с войском на его владения, названный князь (dux) посадил на престол несвоего зятя, а его брата, долго находившегося в изгнании, и с торжеством вернулся обратно».

⁴² I. Karłowicz. De Boleslai primi bello kioviensi, p. 29—30.

⁴³ Ф. Н. Фортинский. Титмар Мерзебургский и его хроника. СПб., 1872., стр. 194.

⁴⁴ И. Линниченко. Взаимные отношения Руси и Польши...

⁴⁵ «Новгородская первая летопись...», стр. 15.

⁴⁶ «Monumenta Germaniae historica. Scriptores», t. IX.

Храброго на Русь, основанные главным образом на устных преданиях, переданы Галлом в таком преувеличенно тенденциозном виде, что различить зерно истины в оболочке вымысла трудно: историческая перспектива искривлена, об одном и том же событии сообщается дважды с различными подробностями, как о самостоятельных эпизодах. Автор склонен сильно превозносить победы Болеслава Храброго, проявляя пренебрежение к его противникам. Поэтому опираться на «Хронику» Галла как на исторический источник следует весьма осмотрительно. Однако ее данные могут быть, в отдельных случаях, использованы для подтверждения или разъяснения известий нашей летописи и Титмара, поскольку все сведения Галла восходят к независимым от последних источникам.

Если «Хроника» Галла относится к началу XII в., то составление «Истории Польши» Длугоша падает на 1455—1480 гг. Записки Длугоша при спутанности хронологии (поход Болеслава 1018 г. помещен у него под 1009 г.) и компилятивном своем характере обнаруживают те же недостатки, что и известия Галла, и, что особенно важно, находятся в зависимости от соответствующих статей русской летописи. Приводя целиком в переводе на латинский язык отрывки летописных статей, Длугош дополняет их сведениями из других источников и своими собственными соображениями, иногда, впрочем, удачными.

IV. «Эймундова сага» («Eymundar-Saga») была издана впервые в 1833 г. в Копенгагене датским «Королевским Обществом Северных Антиквариев» («Société de Antiquaires du Nord») с пергаментной рукописи XIV столетия всего в 70 экземплярах под заглавием «Eymundi et Ragnaris norvegiorum principum tandem Polteske vel Polocie in Russia dynastum vitae et gesta»⁴⁷. Вместе с исландским текстом подлинника издатели дали его латинский перевод и краткую вступительную статью, также на латинском языке.

Единственный русский перевод Эймундовой саги, сделанный с исландского текста этого издания еще в 1834 г. О. И. Сенковским⁴⁸, в настоящее время устарел. Новый перевод готовился к печати в «Ученых записках» Московского университета в начале 1900-х годов, но опубликован, кажется, не был⁴⁹.

⁴⁷ Перевод: «Жизнь и деяния Эймунда и Рагнара, предводителей норвежских, впоследствии наследственных владетелей Полтеска, или Полоцка, на Руси».

⁴⁸ «Библиотека для чтения», 1834, т. I. Перевод дан с исландским текстом подлинника и снабжен примечаниями и введением под заглавием «Скандинавские саги». Введение и перевод см. О. И. Сенковский. Собр. соч., т. V. СПб., 1858, стр. 541—573.

⁴⁹ В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. II, кн. 1, стр. 136, где автор отсылает к этому переводу. Однако в «Ученых записках» Московского университета обнаружить его не удалось.

Название сага получила от имени ее главного героя, норвежского конунга Эймунда, лишенного своих небольших родовых владений в Норвегии королем Олафом Святым. Решив искать удачи на чужбине, Эймунд прибыл вместе с конунгом Рагнармом в Гольмгард (Новгород), вступил в наемную варяжскую дружину Ярислейфа (Ярослава) и во главе отряда 600 своих соотечественников принял участие в войне последнего с его братом Бурислейфом (Святополком). Поссорившись затем с расчетливым Ярислейфом из-за жалования, Эймунд с товарищами перешел служить к его брату и тогдашнему противнику — Вартилафу (Брячиславу), князю полоцкому, который, захватив Гардарик (Киев), поручил герою саги управление Полоцком. Почетное положение командующего войсками осталось за Эймундом и тогда, когда Ярислейфу удалось взять верх над противниками. Эймунд умер от тяжелой болезни, и смерть его вызвала общую скорбь.

Повествование саги разделено на одиннадцать последовательных глав, каждая с особым заглавием. Приводим эти заглавия по переводу О. И. Сенковского: I. Здесь начинается Сказание об Эймунде и конунге Олафе. II. Об Эймунде и Рагнаре. III. Эймунд приезжает в Гардарик. IV. Договор Эймунда с Ярислейфом. V. Эймунд одерживает победу в Гардарике. VI. Эймундов совет. VII. Сражение с братом. VIII. Об Эймунде. IX. Эймунд умерщвляет конунга Бурислейфа. X. Эймунд от Ярислейфа уехал к его брату. XI. Мир между Ярислейфом и Вартилафом.

Как источник русской истории Эймундова сага почти не изучалась.

В своем «Введении» к исландскому ее тексту издатели писали: «Сага повествует о действительных событиях из истории русского государства 1016 и нескольких следующих лет. Она представляет песню, сложенную вскоре после самых событий по рассказам участвовавших в них варягов по возвращении их домой и распевавшуюся, по обычаю того века, скальдами. Записанная сравнительно поздно, сага, в настоящем своем виде, вследствие поэтических преувеличений, отстает от истины. Этому не следует удивляться, хотя мы без колебаний можем отнести ее запись к XIII еще веку»⁵⁰.

В том же «Введении» находим краткий обзор русских событий, отраженных сагой, в котором отмечено, что она обходит молчанием поражение, нанесенное Ярославу Болеславом Храбрым в 1018 г. Обстоятельство это объяснено тем, что с весны этого года Эймунд и Рагнар были в отъезде на родину, воспользовавшись временным отсутствием там Олафа Святого, и не принимали участия в сражении на реке Буге.

⁵⁰ «Eymundar-Saga». Hafniae, 1833. Introductio.

Оценке значения Эймундовой саги как источника русской истории посвящена напечатанная одновременно с ее переводом статья О. И. Сенковского «Скандинавские саги»⁵¹.

Не разделяя мнения, что Эймундова сага была «положена на письмена» в XIII в. в том виде, как она исполнялась скальдами, О. И. Сенковский считает, что запись ее была произведена еще в XI в. со слов пяти соратников Эймунда, имена которых упоминаются в ее тексте. Поэтому в саге нет ни «поэтических неверностей», ни «следов поэтического воображения». Как исторический источник сага, по мнению О. И. Сенковского, выше летописи, на которую он смотрел с точки зрения так называемой «скептической школы» историков, возглавлявшейся тогда профессором Т. М. Каченовским. Сопоставляя «разные места» Эймундовой саги с «повестью Нестора о времени, объятom этой сагой», О. И. Сенковский приходит к заключению, что «все эти события совершенно подходят под беглые, недосказанные, большею частью поверхностные показания Нестора». Отсутствие в саге сведений о походе Болеслава О. И. Сенковский объясняет тем, что в дошедшую до нас рукопись XIII в. она вошла в сокращенном виде подобно тому, как исландец Снорри Стурлсон и другие собиратели скандинавских саг давали их в то время в сокращенном и переработанном виде. «Мы можем однакож, — продолжает О. И. Сенковский, — поздравить себя с тем, что сокращатель поленился переделать ее в целости на свой лад и, чтоб уменьшить ее объем, прибегнул к самому легкому средству: он попросту выкинул всю ее средину и оставил только начало, несколько измененное им в первой главе, и конец». О. И. Сенковский настолько был уверен в справедливости своего домысла, что отметил в своем переводе многоточиями места, где он предполагал пропуск в тексте⁵².

Преувеличения О. И. Сенковского вызвали резкую отповедь С. М. Строева, выступившего под псевдонимом С. Скромненко с громовым «Критическим взглядом на статью под заглавием «Скандинавские саги»»⁵³. Как представитель скептической школы С. М. Строев полностью разделяет оценку ею произведений подобного рода. Значение Эймундовой саги как источника русской истории он, в противоположность О. И. Сенковскому, совсем отрицает. Сопоставляя известия саги с летописными, С. М. Строев находит в саге сплошное нагромождение вымыслов, не имеющих ничего общего с фактами русского прошлого, и заключает свой разбор следующей ссылкой на мнение Шлецера: «Показав происхождение саг вообще и Эймундовой в особенности, сличив

⁵¹ «Библиотека для чтения», 1834, т. I. Перепечатано в кн.: О. И. Сенковский. Собр. соч., т. V, СПб., 1858, стр. 420—510.

⁵² Там же, стр. 476—477, 537 и 557—558.

⁵³ Издана в Москве в 1834 г.

последнюю с рассказом наших летописей, я имею, кажется, полное право закончить словами ученого геттингенского критика: «Итак выбросим исландские бредни из русской древнейшей истории».

Методы исторической критики, применявшиеся скептической школой, давно отошли в область преданий, и аргументацию С.М. Строева можно было бы воспроизвести лишь как образец их несостоятельности. Последнюю миссию немедленно же взял на себя заядлый враг скептиков М. П. Погодин, выступивший против С.М. Строева со всем арсеналом своей тяжеловесной учености и с присущим ему темпераментом⁵⁴. Полемические приемы М.П. Погодина хорошо всем известны. Поэтому полемике эту свободно можно было бы обойти здесь молча, если бы в ходе ее не было бы высказано несколько ценных замечаний по поводу самого предмета их спора.

В своем отзыве о статье О.И. Сенковского М.П. Погодин писал: «Сенковский, переводя Эймундову сагу на русский язык с исландского подлинника, в прекрасном рассуждении своем показал ее важность и вместе важность саг для первого периода нашей истории...». Статья О.И. Сенковского, по мнению М.П. Погодина, «умная, исполненная глубоких и верных замечаний, дельная и полезная, но обезображенная крайностями». Разгромив противника и совершив попутно обширный экскурс в область вопроса о возникновении скандинавских саг, М. П. Погодин писал, подводя итоги отдельным своим наблюдениям:

«Итак, нечего искать в сагах подробностей, обстоятельности сообщаемых событий. Частности хронологические, географические, — и даже биографические, должны быть подвергнуты строгому разбору и проверке, — но общие черты, характер, нравы, обычаи, вообще краски — всегда драгоценны. Изданная Копенгагенским Обществом Северных Антиквариов Эймундова сага служит ясным доказательством: частности большею частью неверны, но общие черты (сношения, переговоры, условия, занятия, военные дела и пр.) имеют величайшую важность для русской истории, дополняют, объясняют и оживляют наши сведения об этом периоде, например, о найме варягов киевским князем, как подтверждает Эймундова сага Нестора и греческих летописцев»⁵⁵.

В несколько спутанной и неясной форме М.П. Погодин высказывает здесь мысль, что в передаче саги верно изображены отдельные черты быта, нравов, юридических и социальных отношений среды, в которой оказались ее герои, но основные контуры событий, в которых эти герои участвовали («частности биографи-

⁵⁴ М. П. П о г о д и н. О северных сагах. Статья вошла в его «Исследования, заметки и лекции», т. I. М., 1846, стр. 275—316.

⁵⁵ М. П. П о г о д и н. Исследования, заметки и лекции, т. I, стр. 287.

ческие»), и историческая их перспектива («частности хронологические»), как они отражены сагой, — нуждаются в критической проверке.

Со времени полемики М. П. Погодина со С. М. Строевым в продолжение почти 100 лет в русской исторической науке не выходило работ об Эймундовой саге. Попытка использовать ее как источник истории Польши была не совсем удачной. Ст. Закшевский в книге «Bolesław Chrobry» утверждал, что Эймунд прибыл в Новгород после изгнания его брата в Исландию, т. е. «самое раннее в начале 1019 г.», до брака Ярослава с Ингигердой. Поэтому пребывание и подвиги Эймунда на Руси связываются им главным образом с событиями последующих 1020—1022 гг., а именно с борьбой Ярослава с Брячиславом Полоцким и — без всякого на то основания — с Мстиславом, князем Тмутараканским⁵⁶.

Только в 1926 г. в «Известиях Академии наук» вышла статья А. И. Лященко под заглавием «Eymundar-Saga и русские летописи»⁵⁷. После краткого историографического обзора автор статьи подверг научному анализу содержание саги, стремясь установить степень достоверности ее исторических известий. Результаты этого анализа А. И. Лященко суммировал в конце статьи в таких выражениях:

«Рассмотрев известия Эймундовой саги о времени Ярослава, я пришел к следующим выводам:

1. Хронология саги, идущая по годам договоров Эймунда с Ярославом, соответствует хронологии летописи, начиная с 1016 г. — года появления отрядов Эймунда и Рагнара на Руси.

2. Главные факты из истории борьбы Ярослава со Святополком и Брячиславом представлены в саге в общем верно, за исключением нескольких недостоверных свидетельств, объясняемых желанием рассказчика саги возвеличить роль Эймунда и его соратников (особенно недостоверен и страдает внутренними противоречиями рассказ саги о договоре Ярослава с Брячиславом).

3. Правильно освещены переговоры Эймунда о найме на службу к Ярославу.

4. Свидетельство о гибели Святополка от рук норманнов правдоподобно.

5. Сага не дает фактических материалов о событиях на Руси после мирного договора Ярослава с Брячиславом, ибо тогда Эймунд и его отряд потеряли свое значение на Руси. Соратники Эймунда и Рагнара разошлись, большей частью верну-

⁵⁶ St. Zakrzewski. Bolesław Chrobry, str. 309.

⁵⁷ «Известия Академии наук», 1926, т. 20, № 12.

лись на родину, куда занесли рассказ о своих подвигах, разукрашенных преувеличениями и вымыслами.

6. Сага передает колорит и дух взаимных отношений Руси и Скандинавии в XI в.».

В докладе «Ярослав Мудрый в древнесеверной литературе», прочитанном 3 июня 1940 г., Е. А. Рыдзевская утверждает, что в работе А. И. Лящэнко, «при всех ее недостатках общая оценка значения саги об Эймунде для русской истории дана довольно верно». С отзывом Е. А. Рыдзевской нельзя не согласиться⁵⁸. Однако некоторые частные выводы А. И. Лящэнко, с нашей точки зрения, нуждаются в существенных коррективах.

Не решаясь перегружать свою работу материалами, непосредственной связи с ее темой не имеющими, мы должны отказаться от рассмотрения тех выводов А. И. Лящэнко, которые относятся к событиям из биографии Эймунда до прибытия героя к Ярислейфу, а равно после отъезда его к Брячиславу. По аналогичным соображениям мы обойдем вопросы о сношениях Руси со Скандинавией, о данных бытового, юридического и социального порядка, рассеянных в саге. В отношении этих вопросов выводы А. И. Лящэнко подтверждают и дополняют мнения П. М. Погодина и О. И. Сенковского. Что же касается наиболее важных для нас выводов его исследования, то мы затронем их при изучении соответствующих известий саги в общем плане своей работы.

Прежде чем приступить к этому изучению, остановимся на одной особенности Эймундовой саги, благодаря которой со стороны методов предстоящая задача значительно упрощается.

Средискептических рассуждений С. М. Строева встречается верная мысль, на значение которой он, кажется, вовсе не обратил внимания. Процесс формирования саги С. М. Строев представляет себе в виде двух последовательных этапов. Первый — когда вернувшиеся на родину норвежцы поочередно развлекали своих соотечественников рассказами о наиболее примечательных эпизодах военных событий, в которых они участвовали. Красочные подробности каждого такого эпизода постепенно складывались при этом в особый небольшой рассказ или эпическую песню. На втором этапе скальды разукрасили эти рассказы поэтическим вымыслом и объединили их в общий эпический цикл вокруг имени и подвигов главного героя саги Эймунда. Схема эта, на первый взгляд, представляется упрощением. Но намеченные Строевым две стадии в процессе возникновения саги наблюдаются в ряде других произведений народного эпоса, объединяющих по каким-то, иногда случайным, ассоциациям в единый цикл даже такие самостоятельные сюжеты, которые

⁵⁸ «Кр. сообщ. ИИМК», т. VII, 1940, стр. 69.

ничего общего друг с другом не имеют. В делении саги на главы, — каждая с особым заголовком, а некоторые и с законченным содержанием, — можно видеть попытку восстановить отдельные рассказы или песни, из которых сложилась эпопея об Эймунде. Попытка эта далеко не всегда была умелой. Разрывая нить повествования, заголовок иногда не вполне соответствует содержанию отрывка, который он объединяет. Отсюда можно заключить, что деление саги на главы восходит если не к рунам, то к ее рукописному тексту.

Таким образом, положение, выдвинутое скептиком С. М. Строевым с целью доказать, что сага — конгломерат одних небылиц, на деле облегчает объективную оценку степени достоверности отраженных в ней исторических событий. Из него можно сделать три предварительных вывода, которыми следует руководиться при изучении этого вопроса:

1. Подробности событий, составляющих предмет каждого из эпизодов саги, восходят к рассказам очевидцев и участников самых событий.

2. Взаимная связь между отдельными эпизодами саги, прагматическая и хронологическая, — искусственного происхождения и могла быть установлена скальдами, объединившими их в общую эпопею о подвигах Эймунда.

3. Древние руны саги были созданы спустя непродолжительное время после образования этой эпопеи, когда вошедшие в нее отдельные песни о подвигах Эймунда не успели еще утратить следов своего прежнего самостоятельного существования.

Из этих предварительных и частных замечаний можно сделать один общий вывод, относящийся к повествованию саги в целом, а именно: очертания отдельных событий и их подробности, восходящие к рассказам непосредственных участников и очевидцев, могли быть сохранены сагой в неискаженном виде, несмотря на налет эпических украшений, столь, как увидим, наивных, что различить их не представляет труда; зато прагматическая и хронологическая связь основных эпизодов саги — искусственного происхождения — установлена позднее скальдами и поэтому не всегда отвечает действительности.

Из этих основных положений можно вывести оценку исторического значения русских известий Эймундовой саги. Сага содержит много сырого исторического материала. Связь ее повествования с русскими событиями 1015—1021 гг. можно проследить на всем протяжении текста саги. Сага не всегда точно передает события и часто неверно их освещает. Как и другие, подобные ей, произведения эпоса, она сплетает вместе деятельность разных исторических лиц, собирает в одном оптическом фокусе различные исторические события, искажает

их реальную перспективу. Всегда склонная преувеличить храбрость, находчивость, ум и другие подобные качества своих героев, сага разукрашивает их деятельность наивными фантастическими подробностями, долженствующими, по понятиям среды, в которой она слагалась, оттенить их военные доблести. Но основной материал, своеобразно ею переработанный, Эймундова сага черпала из подлинной русской истории, и извлеч в ней зерно исторической истины из оболочки вымысла и посторонних наслоений обычно нетрудно.

Рассказ о прибытии скандинавов к Ярославу вскрывает положительные и отрицательные свойства саги. Эймунд узнал, что после кончины конунга Вальдемара власть в Гардарике перешла к трем его сыновьям. Старший, Бурислейф, получил большую часть владений с Кенугардом (Киев-город), второй Ярислейф, — Гольмгард (Новгород), а третий, Вратислав — Палтеск (Полоцк). Между ними нет согласия: «Не довольствуется своим добром тот, который держит самую большую и лучшую часть раздела, думая, что у него мало государства, потому что менее нежели, как было у отца, и от того считая себя ниже своих предков». Норманны едут с предложением своих услуг к Ярислейфу, который был женат на Ингигерде, дочери шведского конунга Олафа. Договор с Ярислейфом заключен, и Эймунд с товарищами остается в Гольмгарде. «Но когда они прожили уже недолгое время в добром почитании, — продолжает сага, — пришли письма от конунга Бурислейфа к конунгу Ярислейфу, в которых было сказано так, что он требует от конунга несколько деревень и торгов, примыкающих к его владениям, изъясняя, что они удобны ему для сбора доходов». Ярислейф не соглашается и по совету Эймунда начинает готовиться к обороне против врага, нападение которого не заставило себя ожидать.

Летопись дважды сообщает о прибытии варягов к Ярославу. Первый раз в 1015 г., незадолго до смерти Владимира, когда Ярослав, княживший в Новгороде, отказался платить урочную дань своему отцу, и тот готовился выступить против него в поход: «В лѣто 6523. Хотящю Володимеру ити на Ярослава, Ярославъ же пославъ за море, приведе Варягы, бояся отца своего».

Во второй раз о прибытии варягов летопись сообщает под 6526 (1018) г.: за ними посылают новгородцы, после возвращения разбитого Болеславом Ярослава, когда тот в отчаянии собирался «бѣжати за море».

«Начаща скоть събирати отъ мужа по 4 куны, а отъ старость по 10 гривенъ, а отъ боярь по 18 гривенъ; и приведоша Варягы вдаша имъ скоть».

Обстоятельства, вызвавшие прибытие варягов в Новгород в 1015 г., ничего общего с тем, что рассказывает сага, не имеют.

С другой стороны, в саге находим подробное описание, как Эймунд и его соратники помогли отбить от Киева печенегов, которых привел Бурислейф. Осада Киева печенегами — событие 6525 (1017) г., следовательно, эймундовские варяги поступили на службу к Ярославу ранее 1018 г. А.И.Лященко относит прибытие Эймунда в Новгород к летним месяцам 1016 г. К сожалению, Сага Олафа Святого, в которой исследователь ищет подтверждения своей гипотезы, — источник не вполне надежный. Поэтому принимаем предлагаемую им дату только условно как правдоподобную.

Подобным же образом лишь предположительно можно установить время, когда окончилась служба Эймунда у Ярислейфа. Сага знает о борьбе Ярослава с Брячиславом, которую летопись относит к 6529 (1021) г. Поссорившись с Ярислейфом, Эймунд уехал в Полоцк к его противнику. Таким образом, отряд Эймунда входил в состав дружины Ярослава и участвовал в войнах последнего, по-видимому, начиная от 1016 или 1017 г. и до начала 20-х годов. Но в рамках этого периода произошло одно крупное военное событие, в котором участвовала дружина Ярослава и о котором в саге, однако, не упомянуто ни одного слова. Это событие — поход Болеслава на Русь в 1018 г., дата которого точно известна. Молчание о нем саги копенгагенские ее комментаторы пытались объяснить поездкой Эймунда в это время на родину, а О.И.Сенковский — редакционными сокращениями первых собирателей саг, исключавших из их текста материалы, для своих соотечественников неинтересные. Оба домысла искусственны и произвольны, поскольку каждый из них опирается на гипотезы, специально для этой цели выдвинутые и ничем решительно не подтверждаемые. Дело можно объяснить иначе. Известно, что в сражении на Буге Болеслав разбил дружину Ярослава, не исключая ее варяжских отрядов. Бегство с поля боя не могло, конечно, послужить сюжетом для эпопеи, прославляющей подвиги начальника одного из этих отрядов. Поэтому повествование саги не знает о битве на Буге, но оно хорошо запомнило самое имя победителя и роль, которую он играл в событиях, отраженных эпопеей. Бурислейф саги — это Болеслав. Нападения Болеслава в Киеве ожидали начиная с 1016 г. Для борьбы с Болеславом Ярослав нанял и содержал Эймундовских варягов: именно Болеслав «требовал от конунга нескольких деревень и торгов, примыкающих к его владениям» (очевидно, Червенские города); Болеслав же в 1017 г. двинул на Киев полчища своих старых союзников — печенегов, которых отбили Эймунд и его соратники; в 1018 г. Болеслав занял, наконец, Киев и на место Ярослава посадил Святополка. Не с этим слабым его ставленником, дважды изгонявшимся из Киева, а с луч-

шим полководцем своего времени, наносившим тяжкие удары империи, победоносно сражался, по саге, Эймунд, совершая чудеса храбрости. В таком аспекте эпизоды борьбы Ярослава со Святополком могли, конечно, служить сюжетом эпопеи о подвигах Эймунда. Слабый и мало заметный Святополк поглощен в саге Болеславом, утратив в образе Бурислейфа свое самостоятельное существование. Его отличительные признаки обратились в добавочные атрибуты Бурислейфа, который стал сыном Владимира, братом Ярислейфа, и вступил с последним в ожесточенную, но неудачную, благодаря Эймунду, борьбу.

Если Бурислейф саги—какое-то собирательное имя, то Ярислейф имеет в ней черты конкретной исторической личности. При простоте тогдашних отношений наемная дружина довольно близко стояла к князю, находилась с ним в непосредственных сношениях и знала княжеский быт. Сведения о личности Ярослава и некоторых чертах его семейных отношений и быта, отраженные в саге, имеют значительный исторический интерес, подтверждая и дополняя скудные известия летописи. Все эти моменты достаточно полно освещены А. И. Лященко. Мы коснемся лишь некоторых вопросов, имеющих значение для настоящей работы. Эймундовские варяги часто ссорились с Ярославом, и характеристика, которую дает ему сага, отличается сдержанностью. «Конунг же Ярислейф, хотя отнюдь не славился мягкостью: своей на пенязь, но был князь способный к правлению и знатновидный»⁵⁹. Характеристика выдержана до конца: все столкновения Эймунда с Ярислейфом были вызваны отсутствием у последнего «мягкости на пенязь».

Расчетливость князя сильно раздражала норманнов и, как увидим ниже, дала саге повод обвинить его в двуличности. О столкновении Ярослава с отцом на почве денежных расчетов рассказывает летопись под 6522 (1014) г. Сага объясняет происхождение хромоты Ярослава, о которой также знает летопись. Представляют интерес сведения саги о жене Ярослава Ингигерде, ее властном характере и вмешательстве в политические дела мужа и т. д.

V. «Сказание чюдесь святою страстотърпцью Христову Романа и Давида», встречаемое в конце большинства списков «Сказания об убийствии Бориса и Глеба», как это указано выше, представляет собой самостоятельный памятник. Высказанное еще П. В. Голубовским⁶⁰ предположение, что описание чудес братьев восходит

⁵⁹ О. И. Сенковский. Собр. соч., т. V, стр. 521.

⁶⁰ П. В. Голубовский. Служба св. мученикам Борису и Глебу в Иваницкой минее 1547—79 гг. «Чтения в Общ. Нестора Летописца», кн. XIV, вып. III.

к записям, которые велись по этому поводу в Вышегороде, в храме, где находились их мощи, было поддержано А. А. Шахматовым. Кроме описания чудес, вышегородские записи содержали сведения о местных церковных событиях, связанных с культом Бориса и Глеба: о построении и освящении, взамен сгоревшего, нового храма, о перенесении туда их мощей и т. д. Подробностям вышегородского культа братьев посвящена недавно вышедшая посмертная работа В. Лесючевского «Вышегородский культ Бориса и Глеба в памятниках искусства»⁶¹.

Подойдя к изучению «Сказания чудесь» со стороны языка, С. А. Бугославский различает в тексте памятника следы четырех авторов, производивших записи последовательно друг за другом и отразивших каждый в своей работе индивидуальные особенности своего языка (лексикон и стиль) и агиографического кругозора⁶².

Представляя, видимо, весьма близкое к оригиналу воспроизведение вышегородских записей, «Сказание чудесь» вошло в списки «Сказания об убиении» позднее как приложение, составляющее по своему содержанию продолжение этого последнего. «Сказание чудесь» начинается кратким общим рассуждением о мощах христианских мучеников, присущей им чудотворной силе и почитании их церковью и верующими. Автор ссылается на Екклезиаста, псалмы Давида и творения Иоанна Дамаскина, приводит из них цитаты. Затем он переходит к первым чудесам мощей Бориса и Глеба.

За статьей, озаглавленной «О изнесении святою», следует описание чудес: «Чудо 1-е о хромъмь», «Чудо 2-е о слъпцьѣ», «Чудо 3-е о хромъмь». После этого идет описание перенесения мощей Бориса и Глеба при Изяславе, которое летопись относит к 1072 г., а за ним—чудо 4-е, 5-е и т. д. Описания чудес, начиная с 4-го, напоминают подробные протокольные записи, содержат иногда собственные имена, географические названия и хронологические термины, отличаясь тем от всего предыдущего изложения, похожего на суммарный пересказ минувших, более или менее отдаленных событий. Это приводит к заключению, что регулярные записи в Вышегороде начались лишь с 1072 г.: тогда же были внесены сразу данные за истекшее время — по памяти, частью на основании устной традиции. Поэтому в конце описания «Чюда 3-го о хромъмь» для заполнения хронологического пробела между ним и последующими событиями добавлены сообщение о смерти Ярослава, сведения о продолжительности его княжения, распределении княжений

⁶¹ В. Л е с ю ч е в с к и й. Культ Бориса и Глеба в памятниках искусства. «Искусство», 1946.

⁶² С. Б у г о с л а в с к и й. Пам'ятки XI-XVIII вв. про князів Бориса та Гліба, стр. XII—XV.

между его сыновьями и о том, как спустя еще 20 лет старший сын Изяслав замыслил построить новую церковь братьям Борису и Глебу, что является как бы введением к следующей статье: «О перенесении святою мученику» в 1072 г.

VI. Церковная служба Борису и Глебу составлена впервые в первой половине XI в. киевским митрополитом Иоанном. Древнейший и самый близкий к первоначальному текст ее дошел до нас в рукописи XII в. Московской Типографской библиотеки № 122 (235—1259) под заглавием: «Мѣсяца того же в 24. Творение Иоана, митрополита Русьскаго, святыма мученикома Бориса и Глѣба». Варианты этого текста с дополнениями более позднего, видимо, происхождения встречаются в рукописи XII в. той же библиотеки № 121 (234); XIII в. — в рукописи Московской Синодальной библиотеки № 895; в рукописи XIII—XIV вв. — Московского Никольского Единоверческого монастыря (Хлудовский список); XIV в. — Новгородской Софийской библиотеки № 208 и Московской Типографской библиотеки № 124 (239) и рукописи XIV—XV вв. — Софийской библиотеки № 386. Текст службы был впервые опубликован Е. Е. Голубинским в 1-м томе его «Истории Русской церкви» по списку Московской Типографской библиотеки № 121⁶³ и позднее Д. А. Абрамовичем по рукописи XII в. в Московской Типографской библиотеке № 122 в книге: «Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им»⁶⁴. В примечаниях даны варианты других списков. Д. А. Абрамович считает, что эта служба была составлена в первой половине XI в. Иоанном I, митрополитом Киевским. Действительно, еще П. В. Голубовский заметил, что в тексте ее находится указание только на те чудеса Бориса и Глеба, которые «Сказание чудесь» относит еще ко временам Ярослава: на опаление огнем варяга, ступившего ногой на могилу братьев, когда они лежали еще вне храма, и на исцеление хромых («Чюдо 1-е о хромьмь» и «Чюдо 3-е о хромьмь»); между тем как более поздняя служба Иваницкой миссии отразила, вместе с этими чудесами, другие, внесенные в вышегородские записи после 1072 г. (исцеление слепых, недужных вообще, изгнание бесов, заступление печальных, освобождение из темницы и т. д.)⁶⁵.

VII. «Чтение о житии и погублении блаженую страсотерца Бориса и Глѣба»; составленное автором жития Феодосия Печерского Нестором, иноком Киево-печерской Лавры, представляет собой житие по типу византийских агиографических

⁶³ Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. I (2-я половина). М., 1901, стр. 429—434.

⁶⁴ Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 136—167.

⁶⁵ П. В. Голубовский. Служба св. мученикам Борису и Глебу..., стр. 127—128.

произведений. Н. К. Никольский насчитывает более 20 списков «Чтения»⁶⁶, из которых древнейший из Сильвестровского сборника XIV в. был издан впервые в 1859 г. Бодянским в «Чтениях Общества истории и древностей Российских»⁶⁷ и переиздавался затем еще три раза. Давно известный науке памятник этот вызвал ряд сложных вопросов. Из них основной и не получившей еще окончательного решения являлась проблема взаимоотношений текстов «Чтения» и летописи, обнаруживающих местами значительную близость и родство. Обстоятельство это одни исследователи объясняли влиянием «Чтения» на летопись, другие — летописи на «Чтение», а третьи тем, что «Чтение» и летопись отразили какой-то третий общий источник. Если в вопросе о происхождении летописной статьи 6523 (1015) г. мы стали на верный путь и первоисточником летописи здесь действительно послужило «Сказание», то указанная только что проблема теряет свою остроту, и вопрос, объясняются ли отдельные сходные места текста у Нестора с летописью влиянием на него последней или непосредственным влиянием «Сказания», должен послужить предметом особого исследования вне рамок настоящей работы. Наша задача сводится к изучению главнейших особенностей «Чтения» как памятника русской агиографической литературы, с целью установить его роль и место в процессе развития легенды о Борисе и Глебе.

Рассматривая «Чтение» в этой плоскости, мы можем опереться на некоторые результаты работ предшествующих исследователей. Правда, существенный вопрос о времени составления памятника не получил еще определенного решения: одни из исследователей относят его к 80-м годам XI, другие — к началу XII в. Сложность и запутанность вопроса, лишающие возможности точнее установить эту дату без специального изучения, заставляют нас в дальнейших выводах исходить из только что указанных пределов.

В конце «Чтения» автор открывает свое имя: «Се же азъ, Нестеръ грѣшнѣишій, о жити и о погублении и о чудесѣхъ святою и блажнѣююю страстотерпцю сею, опаснѣ вѣдущихъ исписавъ я, другая самъ свѣды — отъ многихъ мало въписахъ, да почитающе славятъ Бога». Нестор подчеркивает здесь назидательную цель своего труда и поясняет, что пользовался для него письменными и устными источниками, данные которых дополнил собственными разысканиями. О том, что Нестор знал «Сказание», свидетельствуют заимствованные из последнего сходные отрывки текста обоих памятников. Находим в «Чте-

⁶⁶ Н. К. Никольский. Материалы для повременного списка..., стр. 399—402.

⁶⁷ И. И. Срезневский. Сказания о святых Борисе и Глебе. СПб., 1860.

нии» также и неизвестные «Сказанию» подробности из биографии братьев: об их воспитании, о женитьбе Бориса, о том, что Глеб находился при отце и по смерти его пытался скрыться от Святополка «в полунощные страны».

Описание чудес у Нестора, как и в «Сказании чудес», восходит к вышегородским записям, но дается в значительно переработанном виде. Ниже представится случай подробнее остановиться на характере этих изменений и мотивах, которыми руководился при этом писатель.

Влияние византийских агиографических шаблонов, которым следовал Нестор, сказалось на литературном языке «Чтения» в манере заменять конкретные собственные имена условными обозначениями и эпитетами: вместо «печенегов» «Сказания», против которых выступил с дружиной Борис, в «Чтении» появляются «ратнии»; взамен «Вышегородские мужы» — «мужи нестовые»; вместо «Горясьбра» — «нечестивый» и т. д. В иных случаях личные имена и географические названия исчезают совсем. Так в «Чтении» не встречаются вовсе названия рек Альты и Смядины, имена убийц и даже имя Георгия Угрина. В отличие от яркого и насыщенного эмоциональностью стиля «Сказания», изложение Нестора бледно, отвлеченно и сухо, образы погибших схематичны и безжизненны.

* *

*

Литературная переработка эпизодов, перенесенных в «Сказание» из жития Вячеслава, не свелась, как мы видели выше, к простой замене собственных имен и географических названий русскими: она связывала заимствованный материал с какими-то местными данными, составлявшими костяк описываемых событий.

Выделив обратно из цикла событий, составляющих содержание «Сказания», привнесенный извне литературный материал, получим в остатке элементы устного предания, вокруг которых последний сгруппирован автором.

Элементы предания об убийстве Бориса и Глеба, отрывочные, разрозненные и противоречивые, автор искусно объединил в следующие тематические комплексы:

1. Смерть Владимира в Берестове и положение в этот момент в Киеве (из сыновей Владимира в Киеве находился только Святополк; Борис во главе отцовской дружины был в походе против печенегов, остальные — в своих княжениях). Перенесение останков Владимира в Киев в церковь Богородицы.

2. Захват киевского престола Святополком (раздача им подарков населению. Имена его сторонников среди вышегородских бояр).

3. Гибель Бориса на обратном пути из похода (уход от Бориса дружины. Следы двух самостоятельных версий насильственной смерти Бориса: первая — во время нападения на его становище на берегу реки Альты преданных Святополку вышегородцев, с эпизодом о Георгии Угрине; вторая — «на бору», по дороге в Киев от меча двух варягов, посланных Святополком. Погребение тела Бориса в Вышегороде около церкви св. Василия).

4. Гибель Глеба, настигнутого клеветами Святополка в пути (по одной версии у Волги, когда он ехал от Мурома «на конях»; по другой — «на водном пути, на кораблице», в устье реки Смядины у Смоленска). Тело Глеба, оставленное без погребения тут же на берегу, около четырех лет лежало, всеми забытое.

5. Гибель Святополка после поражений, нанесенных ему Ярославом (заключительный эпизод из борьбы — битва на берегу Альты, поражение, бегство и смерть Святополка).

6. Перенесение мощей Глеба в Вышегород для погребения их рядом с Борисом.

Задачей дальнейшего изучения является выяснение связи, которую устанавливает автор «Сказания» между этими событиями, затем критическая оценка этой связи и, наконец, насколько возможно, проверка самых фактов.

Приступая к ее выполнению, заметим, в первую очередь, что поражение и гибель Святополка рассматриваются в «Сказании» как следствие его предшествующей преступной деятельности: Святополк совершил братоубийство и понес поэтому заслуженную кару — такова общая идея, связующая отдельные части «Сказания». Эта концепция вытекает из характерной для феодального общества того времени философии истории, по законам которой исторические события направляются божеским правосудием: «Взлюбилъ еси злыбу паче благостынѣ, на правду, неже глаголаати правду, възлюбилъ еси вся глаголы потопныя и языкъ лъстивъ. Сего ради раздрушитъ тя Богъ до коньца, въстергнетъ тя и преселитъ тя отъ села твоего, и корень твой отъ земля живущихъ»⁶⁸. И действительно, Ярослав, готовясь к Альтской битве, призывает на Святополка божественное возмездие в следующих библейских образах: «Се кровь брата моего въпиеть къ тебе, владыко, якоже и Авелева преже, и ты мѣсти его, яко же и на ономъ положи стонание и трясение на братоубиинци Каинѣ. Ей, молю Тя, Господи, да възприимуть противу тому» и к вечеру одолел Святополка, а последний бежал «гонимъ гнѣвъмъ Божиимъ» и

⁶⁸ Д. И. А б р а м о в и ч. Жития..., стр. 43.

«испровьрже животь свой зълѣ. И приять възмздие от Господа»⁶⁹.

Направление деятельности Святополка автор «Сказания» выводит, во-первых, из особенностей его личности и, во-вторых, из его положения. Характерно, что на первый план в этом вопросе выдвигается личность Святополка. Романтизм и тенденциозная односторонность его изображения, контраст с образами Бориса и Глеба — типичный агиографический прием. Не говоря уже об отроке — Глебе, Борис не собирався оспаривать у Святополка отцовский престол, — и самый акт братоубийства не находит поэтому логического себе оправдания. Историки не раз останавливались на этом внимание, стремясь найти объяснение поведению Святополка, как оно изображено в летописи и «Сказании».

С. М. Соловьев, например, высказал мнение, что у Святополка, не любимого отцом («не любяще его Володимерь») и не пользовавшегося расположением киевлян, были основания остерегаться Бориса потому, что тот был любим отцом и пользовался расположением отцовской дружины и киевлян. Опираясь на известие В. Н. Татищева, будто мать Бориса и Глеба была если не родная, то двоюродная сестра византийских императоров Константина и Василия, С. М. Соловьев высказывает предположение, что Владимир собирався оставить Борису престол, минуя нелюбимого старшего сына — Святополка.

«Давняя ненависть Святополка к Борису как сопернику, которому отец хотел оставить старейшинство мимо его, явное расположение дружины и войска к Борису, который мог воспользоваться им при первом случае, хотя теперь и отказался от старинства; наконец, что, может быть, важнее всего, пример соседних государей, с одним из которых Святополк находился в тесной связи, объясняет, как нельзя лучше, поведение Святополка», — заключает С. М. Соловьев⁷⁰.

Попытка С. М. Соловьева присвоить Борису «старшинство», т. е. права на киевский престол, который будто бы предназначал ему Владимир, опирается на известия В. Н. Татищева, противоречащие друг другу и нигде не находящие себе подтверждения. Указание на предпочтение, которое оказывал Владимир Борису, основано, по-видимому, на объяснении в летописи признаков глубокой скорби князя, когда он получил известие о смерти отца; «вельми бо любимъ бѣ отцемъ, паче вѣхъ». Но слова эти, заменяющие собой пространную жалобную речь Бориса, которая дана в «Сказании», представляет лишь домысел свод-

⁶⁹ Там же, стр. 46—47.

⁷⁰ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, т. I. М., 1874, стр. 194—195.

чика, сокращавшего текст последнего при внесении его в летопись.

Вторая попытка объяснения образа действий Святополка принадлежит историку М. С. Грушевскому, который отмечает, что возвращавшийся из похода Борис, в ответ на миролюбивые предложения Святополка, не воспользовался его предложением прибыть в Киев и не поехал также к себе в Ростов, а в продолжение нескольких дней оставался вместе с дружиной у Переяславля на реке Альте, в однодневном пути от Киева, что представляло собой явную угрозу для Святополка. Поэтому тот, узнав, что Борис покинут дружиной, поспешил отделаться от него с помощью подосланных убийц. Борис, имевший в руках дружину, по мнению М. С. Грушевского, не хотел примириться с фактом вокняжения Святополка, но вместе с тем не отважился двинуться на Киев. Тем временем войско, либо изверившись в способностях своего предводителя, либо под влиянием обещаний Святополка, покинуло Бориса, и последний остался один с своею свитой⁷¹. Такое объяснение хода событий не противоречит, конечно, здравому смыслу и представляется поэтому возможным, но не более.

При объяснении поведения Святополка приходится исходить пока из положения, которое ни разу не было отчетливо сформулировано в «Сказании», но вытекает из его содержания. Положение это следующее: Святополк захватил в момент смерти отца престол случайно, благодаря отсутствию в Киеве других сыновей Владимира, и, чувствуя непрочность своего положения, спешил отделаться от них с помощью убийц.

Основной причиной неуверенности Святополка было отсутствие у него опоры среди населения. Небольшая, по-видимому, группа его приверженцев, как утверждает «Сказание», состоит из таких же злодеев, как и он сам: это «свѣтники всему злу и начальники всеи неправдѣ, злыя его слугы, немилостивые крѣвопицы, свирѣпа звери душу имуще» и т. п. Великокняжеская дружина не на стороне Святополка: «Поиди сяди Киевѣ на столѣ отъни, се бо вси вои въ руку твоею суть», — предлагает она свои услуги Борису. Чтобы снискать себе расположение, Святополк раздает народу подарки: «Святополкъ же сѣдѣ Киевѣ по отци, призвавъ Къяны, многы дары им давѣ, отпусти» («Сказание»); «они же приимаху», — добавляет летопись, — «и не бѣ сердце ихъ с нимъ, яко братья ихъ бѣша с Борисомъ». Однако в действительности было вовсе иное: та же самая дружина, оставив Бориса, перешла, по-видимому, к Святополку, а киевляне не только признали последнего

⁷¹ Грушевський. Історія України-Руси, т. II. У Львові, 1899, стр. 7 и след.

своим князем, но оказали ему вооруженную поддержку в борьбе с Ярославом. В дружине Ярослава перед битвой на Днепре было «вой 4000: Варягъ бѣшетъ тысяща, а Новгородцовъ 3000»; киевляне же были на стороне Святополка. Даже «воевода Святопольчъ, именем Волчий Хвостъ» (так в Новгородском своде; в Лаврентиевском — собственного имени нет), осыпавший перед битвой насмешками новгородцев, — не тот ли Волчий Хвост, воевода Владимира, которым «Русь корятся Радимичемъ, глаголюще: Пищанъци вольчьѣ хвоста бѣгають»⁷²? Наконец, о популярности Святополка свидетельствует и Титмар Мерзбургский, который прямо утверждает, что она была одной из причин успеха союзника Святополка Болеслава, когда тот во время похода 1018 г. занимал на пути к Киеву русские города. Не менее тенденциозно обрисовано в «Сказании» отношение остальных членов семьи Владимира к факту захвата киевского престола Святополком. Не говоря уже о Борисе, который категорически отказался от претензий на него, даже Ярослав в борьбе со Святополком чужд личных целей, являясь лишь орудием божественного возмездия за братоубийство. Однако, не говоря уже об очевидной идеализации побуждений Ярослава, мы знаем, что у последнего был другой соперник — его брат Мстислав, князь Тмутараканский.

Летописная статья 6532(1024) г. свидетельствует об ожесточенной борьбе между ними. Несколько ранее, в 6529(1021) г., племянник Ярослава, Брячислав Полоцкий, захватил Новгород, результатом чего была опять-таки его борьба с Ярославом. Почва для междоусобий в семье Владимира подготавливалась еще при его жизни. Незадолго до смерти он сам, как мы видели, собирался в карательную экспедицию против Ярослава, а тот, в свою очередь, намеревался оказать ему вооруженный отпор. «Сказание» обходит молчанием эти события.

В Киеве в момент смерти Владимира из его сыновей был, по-видимому, один Святополк, который и принимал участие в погребении отца. «Святополк потаи смерть отца своего, и ночью проймавъ помость на Берестовѣмъ и въ коверъ обертѣвши свѣсиша ужи на землю, везше и на санехъ, поставиша и в церкви святѣя Богородица» («Сказание»). Вынос покойника через нарочно для того сделанное отверстие в полу относится к древнему славянскому обычаю, основанному на стремлении скрыть от смерти обычный ход, которым пользуются друзья и родные⁷³. Передвижение спеленутого тела, независимо от времени года, «на санехъ» — также древний русский обычай.

⁷² Летопись по Лаврентиевскому списку, стр. 82.

⁷³ А. А. Котляревский. О погребальных обычаях языческих славян. М., 1868, стр. 124—125.

В 6562 (1054) г. подобным образом хоронили Ярослава: «Всеволодъ же спрята тѣло отца своего, възложше на сани везоша ѿ Кыеву, попове поюще обычныя пѣсни, плакашася по немь людье; принесше положиша ѿ в рацѣ мороморяиѣ в церкви святое Собыѣ»⁷⁴. Таким образом, сообщение в начале отрывка «Сказания», будто Святополк скрыл тело умершего, с содержанием остальной его части внутренней связи не имеет. О погребении Владимира рассказывает и Титмар: «Nis cum iam decrepitate aetatis esset regnumque diu haberet predictum obiit, sepultus in Ciewa civitate magna et in ecclesia Christi et papae Clementis iuxta praedictam coniugem suam sarcophagis eorundem in medio templi palam stantibus. Cuius potestas inter filios dividitur»⁷⁵.

Известие это свидетельствует об осведомленности Титмара, так как современные русские источники не знают о существовании в Десятинной церкви придела св. Климента. Однако последний факт находит подтверждение в сообщении Ипатьевской летописи о том, что Владимир сам привез мощи Климента из Корсуни... «По свидетельству нашей летописи, — думает Е.Е.Голубинский, — св. Владимир погребен в Десятинной церкви, а по свидетельству Титмара — в церкви св. Климента: это должно понимать так, что он погребен в паперти Десятинной церкви, в которой был устроен придел св. Климента»⁷⁶.

Известие «Сказания», будто Святополк занял тогда в Киеве княжеский стол: «Стопѣлкъ же сѣдѣ кысѣѣ по отци», — расходится с данными Титмара, который сообщает: «Rex ille (Владимир) plenus dierum obiit integritatem hereditatis suae duobus relinquens filiis, tercio (по связи с предыдущим — Святополк) adhuc in carcere posito, qui postea elapsus conjuge ibidem relicta ad socerum (к Болеславу) fugit»⁷⁷. «Сказание» не знает, что перед смертью Владимира Святополк находился в заключении. Титмар же, вопреки «Сказанию», утверждает, что после смерти Владимира: 1) наследовал Владимиру не Святополк, а какие-то два другие сына умершего, 2) Святополк,

⁷⁴ Летопись по Лаврентиевскому списку, стр. 158.

⁷⁵ Thietmari Chronicon. L. VII, c. 52.

Перевод: «Будучи уже на склоне дней, после долгих лет княжения, он умер и был погребен в главном городе Киеве в церкви Христа и папы Климента возле своей супруги. Гробницы их стояли открыто среди храма. Власть его была поделена между сыновьями».

⁷⁶ Е. Е. Г о л у б и н с к и й. История русской церкви, т. I (1-я половина), стр. 186. См. также стр. 223.

⁷⁷ Thietmari Chronicon. L. VII, c. 52. Перевод: «Князь под бременем дней умер, оставив наследство свое целиком двум сыновьям; третий находился до того в темнице, из которой затем вырвался и, оставив там жену, бежал к тестю».

вырвавшись из заточения, тогда же бежал в Польшу к Болеславу. По первому пункту сообщения Титмара попытаемся выяснить, кого именно из сыновей Владимира он мог считать преемниками власти умершего.

Из летописных записей после 6523 (1015) г. исчезают имена всех сыновей Владимира, исключая Святополка, Ярослава, Мстислава и Судислава. Судислав, младший сын Владимира, в 6544 (1036) г. был посажен Ярославом «в прорубь, оклеветанъ къ нему», откуда был выпущен в 6567 (1059) г., за четыре года до смерти. Несчастный князь этот не сыграл, видимо, в истории никакой роли, равно как и его братья Станислав и Позвизд, о смерти которых в летописи не сообщается, а самые имена их встречаются лишь в перечне потомства Владимира.

Всеволода упоминает сага об умерщвлении гренландского короля Гаральда вдовой умершего в 993 г. Эрика Шведского, за свою зверскую расправу с наскучившими ей женихами прозванной *storrada* (убийца). Вместе с Гаральдом «*rex nomine Visivaldus (Vsevolod) ab oriente e regno Gardorum nuptias eius petiturus*» был заживо сожжен во время пира в гостях у Сигриды⁷⁸. О смерти же остальных летопись говорит: об Изяславе (Новгородская первая летопись) под 6510 (1002) г., о Вышеславе (Лаврентиевский свод) под 6496 (988) г., о Борисе, Глебе и Святославе под 6523 (1015) г. Наоборот, о Ярославе и Мстиславе под 6534 (1026) г. мы узнаем, что они «раздѣлиста по Днѣпръ Русьскую землю». В 6532 (1024) г. Мстислав сделал попытку овладеть Киевом в отсутствие Ярослава, «и не прияша его Къяне». Ярослав, подоспевший из Новгорода с наемной варяжской дружиной, был разбит Мстиславом. Тем не менее последний, завладев Черниговом, сам предложил мир: «И посла Мстиславъ по Ярославѣ глаголя: «сяди въ своемъ Киевѣ, ти еси старѣйшей братъ, а мнѣ буди си сторона». И начаста жити мирно и въ братолюбствѣ». Такое положение продолжалось до смерти Мстислава в 6544 (1036) г. Судя по ходу самых событий 6531 (1023), 6532 (1024) и 6533 (1025) гг., нет оснований полагать, чтобы упомянутый договор нарушал значительно *status quo*, а следовательно, и до этих событий наследие Владимира принадлежало, действительно, двум его сыновьям — Ярославу и Мстиславу. Заметим, что «Хроника» могла зафиксировать лишь те политические отношения на Руси, которые существовали до 1018 г.: в августе этого года киевским князем сделался Святополк, а в конце этого года Титмар умер.

⁷⁸ R a f n. *Antiquitates russes après les monuments historiques des Islandais*, t.I. Copenhague, 1850, p. 285. Перевод: «Король по имени Визивальд (Всеволод), прибывший свататься за нее с Востока из страны городов (Русь)».

К вопросу о достоверности показания Титмара относительно бегства Святополка в Польшу немедленно после смерти Владимира мы вернемся ниже и рассмотрим его подробнее. Здесь же отметим, что это показание — не результат обмолвки. Автор «Хроники» имел на этот счет определенное представление. Описывая вступление Болеслава в Киев 4 августа 1018 г., Титмар сообщает: «Urbs autem Kitawa.... Bolizlavum et quem diu amiserat Zentopulcum senioreм suum.... suscepit».⁷⁹ Несколько выше в другом контексте Титмар писал то же самое: «Huius (т. е. Ярослава) regnum prefatus dux (Болеслав) postea cum exercitu invadens generum suum et fratrem eius diu expulsuм intronizavit»⁸⁰. Со дня смерти Владимира 15 июля 1015 г. до 4 августа 1018 г. прошло три года, промежуток едва достаточный, чтобы его назвать продолжительным.

Развитие событий, последовавших за смертью Владимира, до гибели Святополка, основные летописные редакции передают в следующих двух вариантах:

Новгородский свод:	Лаврентиевский свод:
6523 (1015). Смерть Владимира. Вокняжение в Киеве Святополка. Убиение Бориса и Глеба.	
Ссора и примирение Ярослава с Новгородцами.	Ссора и примирение Ярослава с Новгородцами.
6524 (1016)	
Битва на Днепре .	
Бегство Святополка «в Печенѣгы» (в позднейших сводах — гибель Святополка).	Бегство Святополка «в Ляхы».
Начало княжения Ярослава в Киеве.	
6525 (1017). «Ярослав иде к Берестю и заложена бысть святая София в Киевѣ»	«Ярослав иде [в Киев], и погорѣша церкви».
6526 (1018).	Поход Болеслава (битва на Буге, занятие Киева). Вокняжение в Киеве Святополка.

⁷⁹ Thietmari Chronicon. L. VIII, с. 16. Перевод: «Город же Киев... принял Болеслава и сеньора своего Святополка, который долгое время находился в отлучке».

⁸⁰ Thietmari Chronicon. L. VII, с. 48. Перевод см. примеч. 41.

Бегство Ярослава в Новгород.

Выступление Ярослава против Святополка.

Бегство Святополка «в Печенѣгы».

6527 (1019) Альтская битва.

Гибель Святополка.

В «Сказании» дано описание одной битвы на Альте. Об остальных же перипетиях борьбы Ярослава со Святополком сообщается только: «Ярославъ, не терпя сего зѣлааго убиства, движесе на братоубица оного оканьнааго Святоплька, и брани многы съ нимъ съставивъ, и въсегда пособиемъ божиемъ и послѣшениемъ святою побѣдивъ, елико брани състави, оканьный посрамленъ и побѣженъ възращаешесе»⁸¹.

Содержащиеся здесь сведения о борьбе Ярослава со Святополком расходятся с данными Лаврентиевской летописи, которая знает о поражении Ярослава на Буге, составляющем существенный момент этой борьбы, поскольку результатом его было вокняжение в Киеве Святополка.

Приводим текст статьи 6526 (1018) г. Лаврентиевского свода о походе Болеслава параллельно с известиями об этом походе, имеющимися в «Хронике» Титмара, разделив его соответственно содержанию, на отдельные отрывки.

Лаврентиевский свод:

«Хроника» Титмара:

1. «Въ лѣто 6526. Приде Болеславъ съ Святополкомъ на Ярослава с Ляхы; Ярославъ же совокупивъ Русь, и Варягы и Словѣнѣ, поиде противу Болеславу и Святополку, приде Волыню, и сташа оба поль рѣкы Буга. И бѣ у Ярослава кормилецъ и воевода именовъ Буды, начаукарати Болеслава, глаголя: «да то ти прободемъ трѣскою черево твое тольстое». Бѣ бо Болеславъ великъ и тяжекъ, яко и на кони не могы сѣдѣти, но

«Mense etenim Iulio et Kalendaris Augusti predictus dux (Болеслав) ad quandam fluvium veniens ibidem exercitum suimet castramentari pontesque necessarios parare iubet. Iuxta quem rex Ruscorum cum suis sedens futurum duelli invicem conducti eventum expectabat. Interim Poleniorum provocatione hostis presens ad bellum excitatur et ab amne quem tue-

⁸¹ «Чтения...» 1870. кн. 1, л. 6; Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 44.

баше смыслень; и рече Болеславъ къ дружинѣ своей: «аще вы сего укора не жалъ, азъ единъ погыну». Всѣдъ на конь, въбрѣде в рѣку и по немъ вои его, Ярославъ же не утягну исполчтися, и побѣди Болеславъ Ярослава».

batur exinopinata prosperitate fugatur. Ex hoc rumore Bolislavus extollitur et consocios parari et accelerare rogans fluvium et si laboriose velociter transcendit. Inimica autem acies contra turmatim ordinata, patriam defendere suam frustra nititur. Namque in primo conflictu cedit ac nunquam postea fortiter resistit. Ibi tum cesa est innumera multitudo fugientium et parva victorum»⁸².

2. «Ярославъ же убѣжа с 4-ми мужи Новугороду, Болеславъ же вниде въ Киевъ съ Святополкомъ».

«Bolizlavus optata prosperitate inimicos palantes insequitur... (Kitawa). Defensa est ab suis habitatoribus, sed celeriter patuit extraneis viribus, namque a rege suo in fugam verso relicta, 19 Kalendas Septembris Bolizlavum et quem diu amiserat Zentepulcum seniores suum, cuius gratia et nostrorum timore omnis hec regio conversa est, suscepit»⁸³.

3. «И тогда Болеславъ положи себе на ложеПред-

«Ibi fuit noverca predicti regis uxor et 9 sorores eiusdem, quorum unam

⁸² Thietmari Chronicon. L. VIII, c. 36.

Перевод: «22 июля упомянутый полководец, подступив к какой-то реке, распорядился, чтобы войско его раскинулось лагерем и приготовило необходимые для переправы мосты. Князь русских, сидя со своими невядалеке на другом берегу, ожидал исхода объявленного сражения. Между тем вызываемый поляками противник открыл бой и внезапно отбежал от реки, которую оборонял. При известии об этом Болеслав снялся с места и, распорядившись, чтобы союзники спешно подготовились к бою, быстро, хотя и с трудом, переправился через реку. Вражеский же строй, распавшись на небольшие отряды, тщетно пытался защищать свое отечество. Действительно, уступив первому натиску, он не смог уже в дальнейшем оказать сильного сопротивления. Было тогда убито бесчисленное множество бегущих и лишь немногие из победителей».

⁸³ Thietmari Chronicon. L. VIII, c. 36. Перевод: «Болеслав с подобающей поспешностью преследует блуждающих по одиночке неприятелей. Защищаемый своими жителями, Киев вскоре сдался иноземным силам. Покинутый своим князем, он 4 августа принял Болеслава и долго находившегося в изгнании Святополка, благодаря популярности которого и страху перед ним вся эта область и покорилась».

славу, дочь Володимирову, сестру Ярославлю» (добавлено из Соф. 1-й, Воскр., Ник.).

prius ab eo desideratam antiquus fornicator Bolezlavus oblita contestali sua iniuste duxerat»⁸⁴.

4. «И рече Болеславъ: «разведѣте дружину мою по городомъ на покоръмъ и бысть тако».
5. «Ярославу же прѣбѣгшю Новгороду, и хотяше бѣжати за море, и посадникъ Коснятинъ, сынъ Добрынь, с Новгородци расѣкоша лодѣ Ярославлѣ, рече: «хощемъ ся и еще бити съ Болеславомъ и съ Святополкомъ». Начаша скоть събирати отъ мужа по 4 куны, а отъ старость по 10 гривенъ, а отъ боярь по 18 гривенъ; и приведоша Варягы, вдаша имъ скоть и совокуши Ярославъ воя многы».
6. Болеславъ же бѣ Киевѣ, сѣдя, оканный же Святополкъ рече: «елико же Ляховъ по городомъ, избивайте я; и избиша Ляхы. Болеславъ же побѣже ис Киева».
7. (Прибавлено из Соф. 1-й, Воскр., Ник.: «поволочи Предславу») «...възма имѣнье и бояры Ярославлѣ и сестрѣ его».
8. «и Настаса пристави Десятиннаго ко имѣнью, бѣ бо ся ему ввѣрилъ лестью,

«Ineffabilis ibi pecunia ei ostenditur, cuius magna pars hospitibus suis ac fautoribus distribuitur quedam vero ad patriam mittitur»⁸⁵.

⁸⁴ Ibidem. Перевод: «Там была мачеха названного князя, жена и 9 его сестер. Из них одну старый сластолюбец Болеслав, добывавшийся ранее ее руки, сделал своей наложницей».

⁸⁵ Thietmari Chronicon. L. VIII, c. 36. Перевод: «Там ему достались неисчислимые сокровища, большую часть которых он разделил между союзниками и соратниками; некоторую же часть отправил к себе на родину».

9. и людей множество веде с собою, и города Червеньскыя зая собѣ, и приде в свою землю.
10. Святополкъ же нача княжити Кыевѣ,
11. и поиде Ярославъ на Святополка, и бѣжа Святополкъ в Печенѣгы⁸⁶.

Данные статьи 6526 (1018) г. можно разделить на две категории: 1) неизвестные «Хронике» Титмара и 2) ею подтвержденные.

К первой относятся данные отрывков 4, 5, 6, 7, 9 и 11. Отрывок 5 составлен, видимо, на основании новгородских данных. Посадник «Коснятишъ, сынъ Добрынь», упоминается в перечне: «А се князи великого Новагорода», находящемся перед текстом Комиссионного списка Новгородской первой летописи: «А се в Новѣгородѣ: первый князь по крещении Вышеславъ, сынъ Володимерь. По немъ братъ его Ярославъ, и володяше землею, и идя Кисву, и посади в Новѣгородѣ Коснятина Добрыничя. И родися у Ярослава сынъ Илия, и посади в Новѣгородѣ, и умре. И потом разгнѣвася Ярославъ на Коснятина и заточи и, а сына своего Володимера посади в Новѣгородѣ»⁸⁷. Те же данные о Константине Добрыниче есть в статье 6497(989) г. списков Толстовского и Академическаго. В тексте их есть другой перечень: «А се посадницѣ Новгородскыя», упоминающий Константина на втором месте после Остромира. К содержанию этих известий придется вернуться ниже, при изучении летописной статьи 6524 (1016) г.

Отрывок 8 находится, видимо, в связи с Корсунской легендой о крещении Владимира в том виде, как она вошла в летопись под 6596 (988) г. Во время осады Корсуни Владимиром среди осажденных нашелся изменник: «Мужъ Корсунянинъ стрѣли, имянемъ Настасъ, написавъ сице на стрѣлѣ: кладязи, яже суть за тобою отъ вѣстока, ис того вѣда вдетъ по трубѣ, копавъ переими». Владимир послушался этого совета, и осажденные, изнемогиши от жажды, вынуждены были сдаться. После этого имя Настаса еще несколько раз появляется в летописи. Возвращаясь после крещения в Киев, Владимир захватил с собой «и Настаса, и поны Корсуньски, с мощми святого Климента и Фифа, ученика его, пойма съсуды церковныя и иконы».

⁸⁶ Летопись по Лаврентиевскому списку, стр. 139—140.

⁸⁷ «Новгородская первая летопись...», стр. 470.

В следующем 6497 (989) г. Владимир выписал в Киев из Греции мастеров и поручил им «создати церковь пресвятая Богородицы. И наченшую же здати, и яко сконча зижя, украси иконами, и поручи ю Настасу Корсунянину, и попы Корсуньскыя пристави служити в ней, вдавъ ту все, еже бѣ възял въ Корсуни: иконы, и съсуды, и кресты». В 6504 (996) г., когда церковь была отстроена и освящена, Владимир «рекъ сице: «даю церкви сей святѣй Богородицы отъ имѣнья моего и отъ градъ моихъ десятую часть». И положи написавъ клятву вѣ церкви сей, рекъ: «аще кто сего посудитъ, да будетъ проклятъ». И вдасть десятину Настасу Корсунянину». Из этих отдельных данных складывается нечто вроде биографии ловкого авантюриста, ренегата и предателя, которых XI век византийской истории знает немало. Образ Настаса настолько реалистичен, что вряд ли его следует считать вымышленным.

Отрывок 9, сообщающий о том, что Болеслав «людей множество веде с собою», подтверждается статьей 6551 (1043) г.: «В си же времена вдасть Ярославъ сестру свою за Казимира, и вдасть Казимиръ за вѣно людей 8 сотъ, еже бѣ полонилъ Болеславъ, побѣдивъ Ярослава». Вторая его половина: «и города Червеньскыя зая собѣ» — также, по-видимому, соответствует истине. Спустя 13 лет: «Въ лѣто 6538. Ярославъ Вълъзъ взя. В лѣто 6539. Ярославъ и Мьстиславъ собрата вой многъ, идоста на Ляхы, и заяста грады Червеньскыя опять, и повоста Лядьскую землю».

Отрывки 4 и 6 составляют по своему содержанию одно целое. Данные их противоречат только что разобранным отрывку 9, а также отрывку 7. Болеслав удалился из Киева, как победитель, уводя за собой пленных, и занял по пути Червенские города, а вовсе не бежал, вынужденный к тому вероломством своего зятя. Титмар и Мартин Галл описывают возвращение Болеслава из похода скорее как триумф: «hilaris rediit». Победитель не замедлил отправить к Генриху II любимого своего аббата Туна с декларацией преданности и готовности помогать империи в войнах. Одновременно выехало его посольство в Византию с обещанием соблюдать взаимную дружбу и угрозой оказать решительный отпор в случае нарушения мира греками⁸⁸.

Происхождение обоих изучаемых отрывков выясняется при сопоставлении их с заключительной частью летописной

⁸⁸ Thietmari Chronicon, L. VIII, c. 33. «Post haec dilectum abbatum suum Tuni ad nostrum imperatorem cum magnis muneribus misit, ut suam amplius gratiam et auxilium acquireret et se cuncta sibi placencia facturum indicaret. Ad Graeciam quoque sibi proximam nuncios misit, qui eiusdem imperatori bona, si vellet fidelis amicus haberi, promitterent, sin autem hostem firmissimum ac invicibilem fieri intimarent».

Статьи 6576 (1068) г.: «... и распуца Ляхы на покорм; избиваху Ляхы отаи, въ звратися въ Ляхы Болеславъ, в землю свою». Под 6576 (1068) г. сообщается, как киевляне восстали против Изяслава, выпустили из «проруба» Всеслава и «поставише ѥ средь двора кнѣзя», а Изяслав бежал в Польшу к Болеславу II Смелому за помощью. Далее: «В лѣто 6577. Поиде Изяславъ с Болеславомъ на Всеслава». Получив об этом известие, Всеслав бежал, и настроение в Киеве сразу изменилось. К Изяславу отправили послов: «не воі Ляховъ Києву, противна бо ти нѣту». Вследствие этого Изяслав «остави Ляхы и поиде с Болеславомъ, мало Ляховъ поимъ». Если учесть ужас, который вызвал в Киеве слух о приближении поляков: «зажегше градъ свой, ступимъ въ Греческу землю», — понятным станет, почему ненависть населения обрушилась на польские отряды. Неуместный и искусственно мотивированный в статье 6526 (1018) г. эпизод об избииении ляхов вполне соотнобразуетя с общим ходом событий 6577 (1069) г.

На содержании отрывков 5 и 11 мы остановимся подробно при изучении летописной статьи 6524 (1016) г.

Известия, подтверждаемые «Хроникой» Титмара, содержатся в отрывках 1, 2, 3, 7 и 10.

Отрывок 1. При сопоставлении обоих источников выясняется ход сражения на Буге. Войска Ярослава и Болеслава расположились на противоположных берегах реки. Перед битвой противники насмешками стараются побудить другую сторону к наступлению, стремясь использовать для себя преимущества обороны водного препятствия. Между тем Болеслав приказал навести мосты, неожиданно переправился через реку и ударил на врага. Русские оказали сопротивление, но в конце концов не выдержали и бежали. С наивной верой в неотразимость крепкой русской насмешки летопись приписывает ее влиянию как решение опытного полководца начать переправу, так и стремительность польского натиска, определившую исход сражения. Подробность эта показывает, что воспоминания о битве успели пройти через призму эпической обработки прежде, нежели составить содержание летописной статьи 6526 г. Однако в основном летопись вполне сохранила реальные черты события. Она описывает сражение, словно летописец был наблюдателем, находившимся в стане Ярослава, тогда как источник сведений Титмара сопутствовал Болеславу и последовал за ним в направлении к Киеву. Движение это напоминало триумфальное шествие: мирное население встречало победителя с почестями и дарами («ab incolis omnibus suscipitur multisque muneribus honoratur»). Киевляне оказали было сопротивление, но оно было непродолжительным («Kitawa... defensa est autem ab

suis habitatoribus, sed celeriter patuit extraneis viribus: namque a rege suo in fuga verso relicta»⁸⁹.

4 августа 1018 г. Киев был занят. Быстрогу, с которой сдался Киев, и легкость, с которой Болеславу удалось занять страну, Титмар объясняет отчасти страхом перед отрядом саксонцев, отчасти популярностью среди русского населения его спутника Святополка («Kitawa... Bolislavum et Zentepulcum, seniorem suum, cuius gratia et nostrorum timore hec regio conversa est, suscepit») ⁹⁰. Когда туземное население, собравшись, изъявило свою преданность Святополку, вспомогательные отряды союзников Болеслава были отпущены к себе домой («Omnes hii tunc domum remittebantur cum indigenas adventare fideles sibi apparere senior prefatus letabatur») ⁹¹.

Отрывки 3 и 7 летописи имеют между собой внутреннюю связь. Их содержание подтверждает и дополняет Титмар, сообщая об отвергнутом сватовстве за Предславу Болеслава, о чем наша летопись не знает. Летопись считает Предславу дочерью Рогнеды. «Бѣ же Володимерь побѣженъ похотью женьскою, — рассказывает статья 6488(980) г., — и быша ему водимыя: Рогънѣдь, юже посади на Лыбеди, идеже ныне стоить сельце Предъславино, отъ неяже роди 4 сыны: Изеслава, Мьстислава, Ярослава, Всеволода, а 2 дщери».

Предслава принимала активное, но не до конца выясненное участие в событиях, развернувшихся после смерти Владимира. Она, как утверждает «Сказание», сообщила об этой смерти в Новгород своему брату: «в се время пришьла бяше вѣсть отъ Передъславы къ Ярославу о отъни сьмьрти». Добивавшийся ее руки по смерти Эмнильды Болеслав женился затем в четвертый раз — на Оде, дочери маркграфа Эккгарда. «Chronica Polonorum» самый поход Болеслава на Русь в 1018 г. объясняет его стремлением отомстить Ярославу за отказ в руке сестры ⁹².

Неизвестно, о какой мачехе Ярослава, захваченной Болеславом в Киеве, упоминает Титмар. Сестра византийского императора Анна, названная в «Хронике» Еленой, умерла

⁸⁹ Thietmari Chronicon, L. VIII, c. 16. Перевод: «Киев... был защищаем своим населением, но через непродолжительное время сдался чужестранным силам, покинутый своим князем, который обратился в бегство».

⁹⁰ Ibidem, L. VIII, c. 16. Перевод: «Киев... принял Болеслава и... Святополка, своего сеньора, благодаря популярности которого и страху перед ними, вся эта область и покорилась».

⁹¹ Ibidem. Перевод: «Все они тогда были отпущены по домам, когда упомянутый сеньор (Святополк) восторжествовал и туземцы, собравшись, объявили ему о своей верности».

⁹² «Chronica Polonorum», Liber I, Cap. 7: «Quo modo terram Boleslavus Russiam intravit». («Monumenta Germaniae historica. Scriptores», t. IX).

в 1011 г., и тело ее было погребено рядом с Владимиром. Существует предположение, что в плену у Болеслава оказалась одна из жен Владимира перед его крещением, а именно, мать Бориса и Глеба, которую «Сказание» считает «болгарыней». Последнее обстоятельство дало М. Д. Приселкову основание заключить, что христианское имя Роман было дано ее сыну Борису в честь Романа, сына болгарского царя Бориса, а имя Давид было дано Глебу в честь Давида, сына царя Самуила⁹³. Развивая эту мысль, М. Н. Тихомиров допускает, что их мать состояла в родстве с болгарскими царями⁹⁴.

Царственным происхождением братьев можно объяснить темное выражение Иоанновой службы XI в. Борису и Глебу: «Цесарьскимъ вѣнцемъ отъ уности украшенъ, пребогатыи Романе власть велия бысть своему отечеству и веси твари...»⁹⁵

Должно отметить, что сам М. Д. Приселков шел по этому пути много дальше. Судя по описанию в «Чтении» у Нестора, каждый из братьев был моложе 28 лет. Отсюда М. Д. Приселков делает вывод: «Как родившиеся после крещения Владимира и после брака Владимира и Анны, Борис и Глеб были детьми этого христианского брака Владимира»⁹⁶. С этим согласиться трудно: современник событий арабский историк Яхья Антиохийский утверждает, что «женился царь руссов (Владимир) на сестре царя Василия II «Болгаробойца»⁹⁷, между тем «Сказание» считает мать Бориса и Глеба «болгарыней» и не содержит в древнейших своих редакциях указаний на возраст Бориса. Отрочество Глеба — вопрос не бесспорный. На славяно-русском языке отрочество — промежуточный возраст между младенчеством и юностью. В то же время «отроками» назывался разряд младшей дружины князя, выполнявший при его дворе обязанности пажей, в противоположность своим сверстникам — «детским», участвовавшим в боях. «Отрок» здесь просто молодой человек, юноша. Отец послал Глеба на княжение в Муром, на окраину с иноплеменным и языческим населением. На протяжении событий, описываемых «Сказанием», Глеб действует самостоятельно, как взрослый, без чьего-либо руководства.

⁹³ М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси. 1913, стр. 56.

⁹⁴ М. Н. Тихомиров. Исторические связи русского народа с южными славянами. «Славянский сборник», 1947, стр. 156.

⁹⁵ Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 136—137.

⁹⁶ М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории... стр. 57.

⁹⁷ В. Р. Розен. Император Василий Болгаробойца. СПб., 1883, стр. 23.

Все это наводит на мысль, что отрочество здесь — не более как агиографический прием с целью сообщить Глебу атрибуты невинности и незащитности, свойственные раннему возрасту жизни. Представляется поэтому более вероятным, что мать Бориса и Глеба была одной из последних жен Владимира в языческую пору его жизни. Высказывалось также мнение, что по смерти Анны Владимир в следующем же 1012 г. вступил в новый брачный союз, что именно Владимир был тот «rex Rugorum (Rugiorum)», за которого, как свидетельствуют «Genealogia Welforum»⁹⁸ и «Historia Welforum Weingartensis»⁹⁹, была выдана третья дочь графа Чупо (Couno) от брака его с дочерью императора Оттона Великого. «Rex Rugorum (Rugiorum)» обозначает здесь «rex Russorum» совершенно так же, как у Альберта Трирского русская княгиня Ольга названа «Helena regina Rugorum», а Ярослав у западных хронистов — «rex Rugorum»¹⁰⁰. Иначе пришлось бы допустить брак дочери императора Оттона с князем руян (Rugi) — жителей острова Рюяны (Рюгена) в Балтийском море, язычником, какими руги оставались до 1168 г. Учитывая пору деятельности братьев внушки Оттона и годы, когда выходили замуж ее сестры, можно полагать, что сама она родилась около 990 г. и, следовательно, имела 22 года от роду ко времени брака своего с Владимиром.

Если Анна умерла бездетной, то последняя жена Владимира родила ему дочь Добронегу-Марию и сына Святослава, которых смерть отца застигла в возрасте 1—3 года. В конце 1038 или начале 1039 г. Добронег-Мария, приблизительно, 26 лет от роду, вышла замуж за 24-летнего короля польского Казимира, внука Болеслава Храброго¹⁰¹.

Какой из двух разобранных гипотез относительно мачехи Ярослава, оказавшейся в 1018 г. в руках у Болеслава, следует отдать предпочтение — сказать трудно. К каждой из них равно приложима сентенция Ломоносова: «Вероятности отрещись не могу — достоверности не вижу».

Нельзя равным образом с уверенностью сказать, что женой Ярослава, о которой здесь идет речь, была, как это утверждает А. И. Лященко¹⁰², Ингигерда. Если, вопреки его мнению, «исланд-

⁹⁸ «Monumenta Germaniae historica. Scriptores», t. XIII, p. 734.

⁹⁹ Ibidem, t. XXI, p. 460.

¹⁰⁰ В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. II, ч. 1. Киев, 1908, стр. 156.

¹⁰¹ «De Oriente Studia». Roma, 1930, vol. XVIII-2, N 61, maio-iunio. См. также М. П. Алексеев. Англо-саксонская параллель и поучение Владимира Мономаха. «Труды Отдела древнерусской литературы Ин-та русской литературы АН СССР», т. II. М.—Л., 1935, стр. 46—47.

¹⁰² А. И. Лященко. Эймундова сага и русская летопись. «Изв. АН СССР», 1926, №12, стр. 1069—1071. Пытаясь показать, что брак Ярослава с Ингигердой — событие 1016 г., А. И. Лященко опирается почему-то на цитаты из Новгород. 1-й летописи обоих изводов по книге М. П. Погодина «Иссле-

ские летописи» правы и брак Ярослава с Ингигердой — событие 1019 г., то старший сын Ярослава Владимир действительно мог родиться от нее, а в руках Болеслава была первая, неизвестная нам вовсе, жена Ярослава, которая тогда же и умерла. Об обмене этих женщин на свою оставшуюся в руках Ярослава дочь Болеслав еще из Киева начал переговоры: «*Nac elatus prosperitate Bolizlavus archiepiscopum praedictae ad Jarizlavum misit, qui ab eo filiam suimet reduci peteret, et uxorem suam cum poverca et consororibus reddi promitteret*»¹⁰³.

О результатах этих переговоров Титмар не сообщает. Видимо, они кончились неудачей, поскольку Болеслав все же увел с собой Предславу.

Я. Карлович считает, что поход Болеслава был непродолжителен. 22 июля Болеслав нанес Ярославу поражение на Буге, 4 августа занял Киев, а в начале сентября уже выступил в обратный путь и в исходе этого месяца был уже в Польше¹⁰⁴. Существует мнение, что пребывание победителя в Киеве было более длительным¹⁰⁵, но во всяком случае Титмар, умерший в конце 1018 г., успел отметить в своей «Хронике» его возвращение (*hilaris rediit*).

Если доверять Галлу-Анониму, в «Хронике» которого с некоторыми вариантами дано последовательно два описания сражения на Буге, то можно заключить, что в этот промежуток произошло второе вооруженное столкновение Болеслава с Ярославом. Узнав, что Болеслав распустил отряды своих союзников, Ярослав, не осмелившийся напасть на него в Киеве, попытался с помощью наемных варяжских отрядов отрезать ему обратный путь. Опять-таки при Буге произошло новое неудачное для Ярослава сражение с Болеславом и последний занял в дальнейшем Червенские города.

Бессильный нанести удар Болеславу, Ярослав сумел, однако, перед тем взять какой-то город, повиновавшийся Святополку, и увести куда-то его жителей. Факт этот отмечен Титмаром в его «Хронике»: «*Interea quedam civitas fratri suo tunc obediens a Jarizlavo vi capitur et habitator eiusdem ab-*

дования» (т. VII. М., 1856, стр. 451—452), где они переданы неверно. Другие два возражения Лященко против отнесения этого брака к 1019 г., сводящиеся к домыслу, будто Ярослав в своем положении изгнанного из Киева вряд ли мог претендовать тогда на руку Ингигерды, отпадают, если речь идет об исходе 1019 г., когда Святополк с помощью варяжской дружины был изгнан им из Киева.

¹⁰³ Thietmari Chronicon, l. VIII, c. 16. Перевод: «Гордый этой удачей Болеслав послал архиепископа названного города к Ярославу с требованием, чтобы тот выдал ему его дочь в обмен на жену, мачеху и сестер Ярославовых».

¹⁰⁴ I. Karłowicz. Wyprawa Kijowska Bolesława Wielkiego. Poznań, 1872, str. 15—17.

¹⁰⁵ St. Zakrzewski. Boleslaw Chrobry, str. 303.

ducitur»¹⁰⁶. Летопись ничего подобного не знает. Однако глухие намеки на это событие встречаем в «Сказании» среди проникнутых фатализмом размышлений Святополка об ожидающей его участи: «Ижденоуть мя, и буду чюжь престола отца моего, и жалость землѣ моя снѣсть мя, поношения поносящихъ нападуть на мя, и кѣнжение мое приметъ инѣ, и во дворѣхъ моихъ не будетъ живуцааго...».

Зловещие размышления эти заканчиваются справкой: «Яко же и бысть», принадлежащей автору «Сказания». Нет данных для решения вопроса, какой город был разгромлен Ярославом: Пинск, где княжил Святополк, или Вышегород, где, по свидетельству «Сказания», была штаб-квартира его злодейских мероприятий, или тот и другой, хотя, возможно, и в разное время. Пинск не скоро оправился после разгрома: Святополк II в 1093 г. сидел в Турове, и только с конца XII в. Туров на страницах летописи снова уступил место Пинску. Такой же участи, конечно, не избежали давшие Святополку клятву верности «свѣтъники всему злу и начальники всеи неправдѣ, путьшинѣ чади и вышегородскыѣ мужи, оканьнии путьша, тальць, еловичь, ляпшко». В. Г. Ляскоронский почему-то считает, что имена их — чужеземные¹⁰⁷. Однако в корнях их чувствуется родство с древними славянскими словами: «путь, таль, словць и лях».

Переходим к изучению событий 6525(1017) г. Летописные статьи этого года по своему содержанию обнаруживают загадочное сходство со статьями 6544(1036) и 6545(1037) гг.

Известия 6525(1017) г. Новгородской первой летописи: «Ярослав иде къ Берестюю. И заложена бысть святая София Кыевъ»¹⁰⁸ — и Лаврентиевской: «Ярославъ иде въ Кыевъ и погорѣша церкви»¹⁰⁹ — дополняются рассказом Титмара о торжественной встрече, устроенной Болеславу и Святополку духовенством при вступлении их в 1018 г. в Киев «*Archiepiscopus civitatis illius cum reliquis sanctorum et ceteris ornatibus diversis hos advenientes honoravit in sancte monasterio Sophiae, quod priori anno miserabiliter casu accidente combustum est*»¹¹⁰.

¹⁰⁶ Thietmari Chronicon. L. VIII, c. 16. Перевод: «Между тем, некоторый город, подчинившийся тогда его брату, был взят Ярославом силою, а жители его уведены».

¹⁰⁷ В. Г. Ляскоронский. Киевский Вышгород в удельно-вечное время. «ЖМНП», 1913, май, стр. 75

¹⁰⁸ Новгородская первая летопись..., стр. 15 и 180.

¹⁰⁹ ПСРЛ, т. I, стр. 62.

¹¹⁰ Thietmari Chronicon. L. VIII, c. 16. Перевод: «Архиепископ этого города с мощами святых и различными церковными украшениями торжественно встретил их вступление у монастыря св. Софии, который в предыдущем году по несчастной случайности сгорел».

Упомянутый здесь *monasterium Sophiae*, — очевидно, кафедральный Софийский собор, о закладке которого сообщает под предыдущим 1017 г. Новгородская летопись, а о пожаре которого — Лаврентиевский свод. В какой именно степени была повреждена киевским пожаром постройка Софийского собора, — сведений нет: какие-то остатки ее все же имелись налицо при вступлении в Киев войск Болеслава.

Дальнейшие летописные сведения о Софийском соборе в Киеве времен Ярослава сбивчивы и противоречивы.

В статье 6545(1037) г. Лаврентиевская и Новгородская первая летописи (за исключением Комиссионного списка последней) сообщают о закладке св. Софии в Киеве. Принимая во внимание, что Титмар умер в 1018 г. и, следовательно, не мог отразить в своей хронике события 1037 г., следует признать, что статьи этого года в Лаврентиевской и Новгородской первой летописи содержат явный анахронизм.

Что касается статьи 1037 г. Новгородской первой летописи, то в конце текста ее: «Заложил Ярославъ городъ Къевъ, и церковь святыя Софія»¹¹¹ — в Комиссионном списке имеется слово: «сверши»¹¹²; коренным образом изменяющее ее смысл. Вариант этот относит к 1037 г. лишь завершение пострадавшей от пожара постройки собора св. Софии в Киеве, начатой еще в 1017 г. Явного анахронизма здесь нет, скрытый — можно усмотреть в слишком большой продолжительности строительных работ, растянувшихся таким путем на 20 лет.

М. К. Каргер в книге «Археологические исследования древнего Киева», остановившись на летописной статье 6547 (1039) г. об освящении Десятинной церкви в Киеве митрополитом Феопемптом, высказывает предположение, что этот отстроенный еще в 996 г. Владимиром храм также пострадал от пожара в 1017 году и был, затем, возобновлен при Ярославе.

«Однако, — замечает при этом М. К. Каргер, — освящение церкви отделено от пожара слишком большим временем (22 года), что ставит под сомнение связь этих двух фактов между собой»¹¹³.

Сомнения М. К. Каргера должны в значительной мере рассеяться, если ознакомиться ближе с содержанием летописных записей за первое десятилетие этого периода — с 1018 по 1026 год. В 1018—1019 гг. власть в Киеве была в руках Святополка; 1021 год ознаменовался борьбой Ярослава с Брячиславом за Новгород; Ярослав находился в Новгороде, когда в 1023 г. Мстислав подошел к Киеву «и не прияша его Къяне». В 1024 г.,

¹¹¹ «Новгородская первая летопись...», стр. 16 и 180.

¹¹² Там же, стр. 180.

¹¹³ М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1950, стр. 77.

после битвы при Ливынях, Мстислав вступил в переговоры с убежавшим в Новгород Ярославом о закреплении за собой Чернигова, а за Ярославом Киева. Но Ярослав, не вполне доверяя брату, оставался в Новгороде, «и бѣяху Киевѣ мужи Ярославли» вплоть до заключения в 1026 г. прочного мира¹¹⁴. Трудно думать, что за весь период с 1018 по 1026 г. лишь на время появившийся и не чувствовавший себя достаточно прочно в Киеве Ярослав мог предпринимать там такие крупные строительные работы, как сооружение Софийского собора и возобновление Десятинной церкви после пожара.

Собор св. Софии в Киеве выделялся не столько размерами архитектурного плана, сколько богатством и художественностью внутренней отделки. В период татарского ига храм сильно пострадал и пришел в ветхость. Однако осматривавшие развалины древнего Киева иноземцы — Лассота (конец XVI в.) и Павел Алепский (середина XVII в.) — оба удивлялись обилию многоцветных мозаик и художественному мастерству украшений Софийского собора¹¹⁵. Свидетельство их подтверждается археологическими раскопками на территории Софийского заповедника, произведенными недавно¹¹⁶. При ограниченности технических и материальных ресурсов эпохи Ярослава подобные сооружения требовали много времени. Если учесть, что наличные силы распределялись по двум крупным объектам одновременно, то темпы работы, вопреки мнению М. К. Каргера, не представляются слишком медленными.

Статья 1037 г. Лаврентиевского свода — сплошное нагромождение анахронизмов: «В лѣто 6545 заложи Ярославъ городъ великый [Киевъ], у него же града суть Златая врата; заложи же и церковь святыя Софья, митрополью, и посемь церковь на Золотыхъ воротѣхъ святыя Богородица, Благовѣщенье, посемь святаго Георгия манастырь и святыя Ирины. И при семь нача вѣра хрестыянска плодитися и раширяти, и черноризьци почаша множитися, и манастыреве починаху быти. И бѣ Ярославъ любя церковныя уставы, пошы любяше по велику, излиха же черноризьцѣ, и книгамъ прилежа и почитая е часто в нощи и въ дне; и собра письцѣ многы, и прекладаше отъ Грекъ на Словѣнское писмо, и списаша книги многы, и сниска...». После следующего затем обширного рассуждения о пользе просвещения от книг церковных, насаждаемого Ярославом, статья возвращается к деятельности последнего: «Ярослав же сей, якоже рекохомъ, любимъ бѣ книгамъ, многы

¹¹⁴ ПСРЛ, стр. 62—64.

¹¹⁵ М. К. Каргер Археологические исследования древнего Киева, стр. 227

¹¹⁶ Там же.

написавъ положи въ святѣй Софѣи церкви, юже созда самъ; украси ю златомъ и сребромъ и сосуды церковными...» и т. д.¹¹⁷.

Указывая справедливо, что содержание статьи, выходя из рамок записи одного года, представляет характеристику церковной и просветительной деятельности Ярослава за всю его жизнь, Д. С. Лихачев приходит к заключению, что «отношение этой статьи к 1037 г. несомненно позднейшее»¹¹⁸. То же самое можно сказать и о статье предыдущего 6544 (1036) г. Лаврентиевского свода, содержание которой в Новгородской первой летописи вовсе не отражено. Среди других известий этого года она заключает в себе несомненный анахронизм: «В лѣто 6544... Ярославу же сущю Новѣгородѣ, вѣсть приде ему, яко Печенѣзи остоятъ Кыевъ; Ярославъ събра вои многы, Варягы и Словѣни, приде Кыеву и вниде в городъ свой. И бѣ Печенѣгъ бес числа. Ярославъ выступи из града и исполчи дружину, постави Варягы по средѣ, а на правѣй сторонѣ Кыяне, а не лѣвѣмъ крилѣ Новгородци; сташа пред градомъ. Печенѣзи приступати почаша, и сступишася на мѣсте, иде же стоить нынѣ святая Софѣя, митрополя Русьская; бѣ бо тогда поле внѣ града. И бысть сѣча зла, и одва одолѣ к вечеру Ярославъ. И побегоша Печенѣзи разво, и не вѣдяхуся камо бѣжати, тоняху в Сѣтомли, инѣ же въ инѣхъ рѣкахъ, а прокъ ихъ прибѣгоша и до сего дне»¹¹⁹.

Пользуясь терминологией Д. С. Лихачева, можно «отношение» этой статьи к 1036 г. признать «несомненно позднейшим». Составитель статьи сам противопоставляет то, что было ранее, когда произошла описанная им битва с печенегами у Киева, тому, что имеется налицо, «ныне», т.е. когда он пишет. Действительно, по буквальному смыслу текста статьи, в то время, когда происходила эта битва с печенегами, на месте «идеже стоить нынѣ святая Софѣя», еще ничего не было: «бѣ бо тогда поле внѣ града». Последнее же оставалось лишь до закладки Софійского собора в 1017 г.; к этому году и должно отнести нападение на Киев печенегов, перенесенное позднее в статью 6544(1036) г.

Составитель Никоновского сборника, располагавший рядом летописных источников — известия о пожаре в Киеве, закладке Софійского собора и осаде Киева печенегами, занес в статью 6525(1017) г.: «Иде Ярославъ къ Кыеву, и погорѣ градъ и церквей много, яко до седмисотъ, и опечалися Ярославъ. Того же лѣта заложил Ярославъ градъ Кыевъ болѣ прьвого, и златая врата постави, и церковь Святыа Софѣи заложил, и много церквей постави, и безъ числа имѣнѣа раздаа нищимъ;

¹¹⁷ Летопись по Лаврентиевскому списку, стр. 148—149.

¹¹⁸ «Повесть временных лет», ч. II, стр. 375.

¹¹⁹ Летопись по Лаврентиевскому списку, стр. 146—147.

бъ бо Ярославъ, яко же и отецъ его христолюбивъ и нищелюбивъ и всегда умъ свой напоая божественными писании. Того же лѣта придоша Печенѣзи к Киеву и всѣкошася въ Киевъ, и едва къ вечеру одолѣ Ярославъ и побѣди Печенѣги и отбѣгоша»¹²⁰. Значительные размеры Киева и следы опустошений, причиненных пожарами и нашествием печенегов, отразились в рассказах Титмару его соотечественников, побывавших там в следующем 1018 г. «Urbs autem Kitawa nimis valida, — записано в «Хронике», — ab hostibus Pedeneis ortatu Bolizlavi strebra imprugnacione concutitur et incendio gravi minoratur»¹²¹.

События 1017 г. развивались, видимо, следующим образом. В разгар третьей войны Болеслава с Генрихом II, Ярослав, по соглашению с императором, обложил Берестию, занятую войсками Болеслава. Болеслав, в свою очередь, двинул на Киев печенегов. Узнав об этом, Ярослав снял осаду и поспешил к Киеву, где в это время от пожара пострадал ряд церквей и в том числе св. Софии. Отбив печенегов от Киева, Ярослав занялся восстановлением пострадавшего города.

Таким образом, можно, кажется, признать, что пожар в Киеве, уничтоживший церковь св. Софии, закладка Ярославом Софийского собора и городских укреплений в Киеве и осада Киева печенегами представляют собой события 1017 г. и к статьям Лаврентиевского свода 6544(1036)—6545(1037) гг. пристегнуты искусственно. Однако массовая гибель печенегов, о которой сообщается под 6544(1036) г., действительно произошла около этого времени, что подтверждается иностранными источниками. Происхождение анахронизма в статье 6544 (1036) г. может быть объяснено тем, что описание осады Киева печенегами по смыслу удобно было присоединить к этой статье, содержавшей первоначально лишь известие о гибели печенегов.

Из каких-то неясных соображений в Лаврентиевском и родственных списках известие о походе Ярослава к Берестию в 1017 г. перенесено в статью 6530 (1022)г., а под 6525(1017) г. в Лаврентиевском списке значится просто: «Ярославъ иде» и лишь в Радзивилловском, Хлебниковском и др. добавлено: «Киеву», что звучит странно, так как летописная статья предыдущего 6524(1016) г. в самом конце говорит как раз о пребывании его в Киеве.

В составе варяжской дружины Ярослава, принимавшей участие в 1017 г. в обороне Киева от печенегов, были Эймунд и его сотоварищи. Вот как описывает Эймундова сага эту оборону, начиная рассказ обычной своей интродукцией о том, как

¹²⁰ ПСРЛ т. IX.

¹²¹ Thietmari Chronicon. L. VIII, с. 31. Перевод: «Сильно укрепленный город Киев пострадал от частых нападений печенегов, подстрекаемых Болеславом, и уменьшился от большого пожара».

Ярислейф стал задерживать Эймунду выдачу условленной платы, поверив слухам, будто Бурислейф погиб. Эймунд, знавший, что Бурислейф не только жив, но готовится с помощью бярмийцев к нападению, предупредил конунга об опасности. Жалование норманнам было выдано, и Эймунд, по поручению Ярислейфа, стал готовить оборону. Решено было защищаться за городскими стенами. Нарубили зеленых ветвей и укрепили их на стенах, чтобы мешать вражеским стрелам залетать в город. Вокруг города был выкопан большой ров, наполнен водой и прикрыт бревнами. Женщинам было приказано надеть блестящие одежды и золотые украшения в расчете, что жадные бярмийцы, при виде их, опрометчиво ринутся на приступ. Городские ворота были заперты, кроме двух. Около одних расположился Эймунд и его товарищи, у других — Ярислейф со множеством собравшегося ратного народа. Эймундова хитрость имела успех: жадные бярмийцы, не заметив западни, бросились на приступ, попадали в ров и массами в нем потонули. Сам Бурислейф был введен в заблуждение и подумал, что жители разоделись, чтобы его встретить. Нападение все же продолжалось, а натиск в тех воротах, которые защищал Ярислейф, был настолько стремителен, что бярмийцы ворвались через них в город, а сам конунг был тяжело ранен в ногу. Только благодаря личному вмешательству Эймунда, передавшего на время свое командование Рагнару, бярмийцы были отражены. Те из них, которые могли еще стоять на ногах, обратились в бегство, и норманны преследовали их до самого леса. В бою был убит Бурислейфов знаменосец, и снова разнесся слух, что и сам Бурислейф погиб¹²².

Верх изобретательности, предусмотрительности и боевого опыта, мужество героя саги, единоличным вмешательством спасающего положение, — вот простодушные элементы поэтического вымысла, сквозь который выступают явственно подлинные подробности осады Киева печенегами в 1017 г., как она описана в Лаврентиевской летописи. Ясно, что борьба ведется у стен города. Осаждающие — кочевники, падкие на блестящие украшения, защитники — собранное с разных сторон Гардарика население (новгородцы и киевляне) и варяги; и те и другие ведут борьбу на определенном участке обороны (в воротах). Приступ был настолько стремителен, что осаждающие ворвались в город, но были в конце концов отбиты и во время бегства массами тонули во рву с водой (т. е. в Сетомли). Эймунд преследовал их до самого леса. Во время осады Ярислейф был тяжело ранен в ногу (киевляне называли Ярослава «хромцем»). Бурислейф саги здесь не Святополк,

¹²² О. И. Сенковский. Собр. соч., т. V, стр. 532—535.

а Болеслав. Болеслава, конечно, не было тогда среди печенежских полчищ, с боем ворвавшихся в город, но его в Киеве ждали, зная, что враг действует по его воле («ortatu Bolezlavi»); Бурислейф саги не участвует в битве, но «следуя сзади полчища», наблюдает за сражением, которым, по-видимому, руководил убитый во время боя его знаменосец. Единственный атрибут, заимствованный для него у Святополка, — это уверенность Бурислейфа в расположении к нему киевлян, о котором случайно обмолвилась сага.

Рассказ Эймундовой саги о подвигах ее героя во время осады Киева печенегами дает основание датировать это событие именно 1017 годом. Действительно, в период с осени 1016 по 1022 г., когда Эймунд находился в Гардарике, осады печенегами Киева, при такой обстановке, иначе как в 1017 г. представить себе нельзя: в августе 1018 г. Киев был взят войсками Болеслава, в 1019 г. в нем княжил Святополк, а в 1020—1021 гг. Эймундовские варяги, уехав из Киева, служили в Полоцке.

Содержащееся в том же рассказе саги известие о ранении Ярослава в ногу тоже, по-видимому, исторически достоверно. Древняя русская летопись не знает о ранении Ярослава в ногу; хромота его в позднейших летописных редакциях получила иное объяснение.

Летописный сборник XVII в., именуемый «Тверской летописью», касается этого вопроса в рассказе о разрыве с Рогнедой Владимира в связи с его женитьбой на византийской принцессе Анне. После крещения Владимир предложил Рогнеде, имевшей от него четырех сыновей и двух дочерей, выбрать себе нового мужа среди его вельмож. Гордая княгиня отказалась, заявив, что предпочитает уйти в монастырь: «азъ же бывъ царицею, не хочу раба быти земному цару ни князю, но увѣститъся хочу Христови и въсприиму ангелскый образъ». Решение матери встретило сочувствие со стороны восьмилетнего Ярослава: «Сынъ же еа Ярославъ сѣдяще у неа, бѣ бо естествомъ таковъ отъ роженіа, и слыша глаголы и отвѣты матери своеа къ Володимеру, и въздохнувъ съ плачемъ глагола матери своей: о мати моа, въ истину царица еси царицамъ и госпожа госпожамъ, яко възхотѣ измѣнити славу нынѣшняго вѣка будущею славою, и не възхотѣ со высоты на нижняа съступити, тѣмъ же блаженна еси въ женахъ». Далее произошло чудо: «И отъ сего словеса Ярославъ вѣста на ногу свою, и хождаше, а прежде бо бѣ не ходилъ. Рогнеда же сіа нарекии пострижеса въ мнишескый образъ, наречено бысть имя ей Анастасіа»¹²³. Символическая связь иноческого имени Рогнеды Анастасия с происшедшим чудом очевидна (от греч. *ἀνίστημι* — ставить

¹²³ ПСРЛ, т. IV, стр. 112—113.

на ноги, поднимать лежащего). Весь эпизод, по тону и содержанию, фрагмент какой-то позднейшей агиографической обработки преданий о Рогнеде. Князь-отрок, подобно былинному Илье, «сидел сиднем», и религиозное воодушевление принесло ему чудесное исцеление.

Существование в XVII в. церковного сказания о Рогнеде подтверждается сокращенным пересказом того же эпизода в Густинской летописи, содержащем некоторые дополнительные подробности о недуге Ярослава: «Сынъ же ея Ярославъ, хромъ сый отъ чрева матери своя, иже бѣ при ней сидя, егда услыша сія словеса отъ матери своя, возблагодари Бога о разумѣ и добромъ изволеніи ея; и абіе здравъ бысть и начатъ ходити, досель не ходивъ»¹²⁴.

По буквальному смыслу текста Ярослав исцелился от приковылавшей его к месту хромоты еще в 988 г., а между тем древняя летопись говорит о том же его физическом недостатке под 1016 г. и позднее под 1054 г. в характеристике его деятельности: «бѣшеть хромоногъ, но разумомъ смысленъ».

В 1939 г. при археологических работах в Киеве в княжеской усыпальнице Софійского собора был вскрыт саркофаг Ярослава. Анатомическое и рентгенологическое обследование сохранившегося костяка показало, что в раннем возрасте, в связи, видимо, с острым инфекционным заболеванием, Ярослав имел так называемый «подвывих» тазобедренного сустава, сделавший походку его «утиной», вразвалку. Позднее, в зрелые уже годы, Ярослав получил тяжелое травматическое повреждение правой голени, сделавшее его окончательно хромым¹²⁵.

Таким путем данные предания о Рогнеде, будто Ярослав в ранние годы жизни вследствие тяжелой болезни не мог ходить, подтверждаются. Однако состояние неподвижности, по мнению производившего обследование доктора А. Г. Рохлина, не могло продолжаться у Ярослава до 8 лет, как это сообщает предание о Рогнеде, а закончилось несравненно быстрее. В связи с этим А. Г. Рохлин утверждает, что под 1054 г. летопись ошибается, примерно лет на 8, устанавливая 76-летнюю продолжительность жизни Ярослава.

Хронологические расчеты А. Г. Рохлина опираются на предположение, будто конец острого периода детского заболевания Ярослава, соответственно данным предания о Рогнеде, относится к 987 г., перед женитьбой Владимира на Анне. Уместно

¹²⁴ ПСРЛ, т. II, стр. 253.

¹²⁵ А. Г. Рохлин. Итоги анатомического и рентгенологического изучения скелета Ярослава. Доклад на секции дофеодальной и феодальной Восточной Европы 24 апреля 1940 г. «Кр. сообщ. ИИМК», т. VIII, 1940.

здесь отметить, что предание о Рогнеде подверглось именно в этом пункте агиографической обработке. Поэтому можно считать, что анатомо-рентгенологическим обследованием костяка Ярослава установлено лишь два бесспорных объективных факта: 1) младенческая болезнь Ярослава, помешавшая ему во-время начать ходить, и 2) повреждение травматического порядка в коленном суставе, происшедшее в зрелом возрасте.

К статье А. Г. Рохлина приложен снимок с деформированного коленного сустава 76-летнего Ярослава, показывающий наглядно, что отдаленные походы пешком или верхом для старого князя были действительно трудны. Однако А. Г. Рохлин не коснулся вопроса, не могла ли в данном случае деформация, в цветущую пору жизни лишь понижавшая активность, только позднее под действием общего старческого разрушения организма, как это иногда случается, усилиться и вызвать полную инвалидность. Действительно, летопись осведомлена о войнах и походах Ярослава в 1021, 1044 и 1047 гг., и лишь после этого во главе войска становится вместо отца старший его сын Владимир.

В таком случае, вопреки мнению А. Г. Рохлина, сообщение Эймундовой саги о ранении Ярослава в ногу во время осады Киева печенегами в 1017 г. результатами анатомо-рентгенологического обследования его костяка только подтверждается.

Источником сведений о поражении, нанесенном Святополку Ярославом на берегу Днепра, служит летописная статья 6524(1016) г. в Лаврентиевском и Новгородском сводах. Обстоятельства, при которых Ярослав выступил в поход против Святополка, описываются в летописных статьях предшествующих 6522(1014)—6523(1015) гг.

Под 6522(1014) г. в летописи сообщается о сборах Владимира в поход против новгородского князя Ярослава в связи с отказом последнего платить с Новгорода урочную дань Киеву: «Киеву 2000 гривенъ отъ года до года, а тысящу Новѣгородѣ гридемъ раздаваху; и такъ даху вси князи Новгородстии, а Ярославъ сего не даеше къ Киеву отцу своему». Во время пригтовлений к походу Владимир внезапно заболел. Ниже, под 6523(1015) г., рассказано, как Ярослав, готовясь дать отцу отпор, послал за море и пригласил варягов. В это время Владимир умер, и в Киеве разыгрались известные уже события. В Лаврентиевском своде под тем же 6523(1015), а в Новгородском под 6524 (1016) г. далее идет рассказ о том, как многочисленная варяжская дружина Ярослава начала «насилие дѣяти мужатымъ женамъ» и как новгородцы в отсутствие князя, находившегося в пригородном селе Ракоме, перебили ночью обидчиков, а Ярослав по возвращении, обманом зама-

нив «мужей славныхъ тысящу», приказал их умертвить. Получив в ту же ночь известие о киевских событиях, Ярослав сумел быстро помириться с новгородцами и во главе четырехтысячного войска выступил в поход на Киев. Узнавший об этом Святополк, «собра бещисла множества вои», ожидал противника на берегу Днепра у Любеча.

Рассказ о ссоре Ярослава с новгородцами связан по содержанию со статьей 6522 (1014) г. о сборах Владимира в поход на Новгород и составляет как бы ее продолжение. Упоминаемые в нем названия местностей древнего Новгорода свидетельствуют, по мнению А. А. Шахматова, о новгородском его происхождении. Подтверждением этого соображения служит то обстоятельство, что текст Новгородского свода здесь, вообще говоря, вразумительнее и менее искажен, нежели соответствующий отрывок Лаврентиевского. Можно, следовательно, считать, что известия о сборах Владимира в поход на Новгород вместе с рассказом о ссоре и примирении Ярослава с новгородцами составляют две последовательные части какого-то древнего повествования, составленного в Новгороде, и в Новгородском своде они сохранились лучше, чем в Лаврентиевском. Вопрос, представляло ли это повествование, как думал А. А. Шахматов, запись древней новгородской летописи, ныне утраченной, остается, за отсутствием положительных данных для его решения, пока открытым.

Анализируя статью 6522(1014)г., А. А. Шахматов отметил, что в ней сначала говорится, будто Ярослав давал Киеву установленную дань, а затем, что он этой дани не давал («Ярославу... дающе Киеву..., а Ярославъ не даяше Киеву отьцю своему»). Указанное противоречие, думает А. А. Шахматов, — результат перенесения в текст статьи отрывка из другого источника, а именно из статьи 6496(988) г., где сообщение об урочной дани новгородцев следовало непосредственно за словами: «умьръшю же Вышеславу, посадиша Ярослава Новѣгородѣ...»¹²⁶. Скольконибудь убедительных доказательств в пользу своей гипотезы А. А. Шахматов не приводит, и представляется более правдоподобным видеть здесь простое искажение текста, общий смысл которого остается, как увидим, ясным.

На положении киевского данника Новгород состоял во времена Олега. Еще в 6390(882) г., как свидетельствует летопись, спустившись к Киеву по Днепру во главе варяжской дружины, новгородский князь Олег умертвил княживших там Аскольда и Дира и остался сам княжить в Киеве. «И съдѣ Олегъ, княжа въ Киевѣ, — продолжает летопись, — рече: «се буди мати градомъ русскимъ» и устави Варягомъ дань даяти отъ Нова-

¹²⁶ А. А. Шахматов. Разыскания..., стр. 498—499.

города гривен 300 на лѣто мира дѣя, еже до смерти Ярославѣ даяше Варягамъ». Под 6455(947) г. летописецъ рассказываетъ, какъ правившая Киевомъ в малолетство Игоря княгиня Ольга, объезжая новгородские земли, «стави на Мъсть погосты и дань и по Лузѣ оброки и дани; ловища ея суть по всей земли, знаменья, места и погосты, и сани ея стоятъ въ Плесковѣ и до сего дне». Титмар сохранил записанное им со слов очевидцевъ описание Киева раннефеодальной поры: «In magna hac civitate, que totius regni caput est, plusquam quadringentae habentur ecclesiae et mercatus 8, populi autem ignota manus, quae sicut omnis haec provincia ex fugitativorum robore servorum huc undique confluentium et maxime ex velocibus Danis, multum se nocentibus Pecineigis hactenus resistebat et alios vincebat»¹²⁷.

Мнение, будто вернувшиеся в 1018 г. из киевского похода, саксонцы из хвастовства представили в преувеличенном виде размеры и значение города, в занятии которого они участвовали, в настоящее время опровергнуто. Произведенные за последние годы археологические изыскания на территории древнего Киева раскрыли, что и в раннефеодальную эпоху там были значительно развиты ремесла и торговля. Толпившиеся на рынках рабы занимались ремеслами, а варяжские купцы — скупкой и торговлей. Киев стоял тогда на стыке важнейших торговых дорог: на север через Ильменскую систему к Балтийскому морю, на запад мимо Червенских городов и Кракова в Чехию; на юг по Днепру и Черному морю в Византию и по Дону через Хозар и, после крушения их державы, к Тмутаракани на Азовском море.

Мир с Киевом был условием бесперебойной работы водной торговой артерии «из Варягъ въ Греки», на которой держалось благополучие Новгорода. Находясь на северной окраине водного пути, по географическому положению Новгород не мог служить политическим центром объединения восточных славян. Однако близкое соседство «моря Варяжского» позволяло ему в экономическом процветании соперничать с «матерью городов русских», а в военном отношении Новгород, опираясь на наемную варяжскую дружину, нередко оказывался сильнее Киева. На протяжении IX—X вв. новгородские князья трижды захватывали вооруженной рукой Киев, и ни разу эти попытки не вызвали обратных завоеваний.

¹²⁷ Thietmari Chronicon. L. VIII, c. 32. Перевод: «В большом городе, который был столицей этого государства, находилось более 400 церквей, 8 рынков и необычайное скопление народа, который, как и вся эта область, состоит из беглых рабов, стекавшихся сюда отовсюду, и весьма проворных данов. Он оказывал до сих пор постоянное сопротивление печенегам, приносящим много вреда, и подчинял себе других».

Данные о внутреннем состоянии и политическом строе Новгорода в конце X столетия более чем скудны, однако по некоторым косвенным указаниям можно полагать, что и тогда обозначались уже особенности политического и социального строя «Господина Великого Новгорода», т. е. боярской республики, где вече, или, точнее, боровшиеся на нем группировки, вершили все дела, избирали сановников во главе с посадником, приглашали и «рядили» называвшегося новгородским князем главнокомандующего и верховного судью. Отсюда понятно, что положение новгородского князя не было привлекательным для Рюриковичей, не привыкших в Киевщине к подобным порядкам, и что они стремились уйти из Новгорода и утвердиться в Киеве. Новгородцы поощряли эти устремления и оказывали им вооруженную и финансовую поддержку, считая для себя выгодным иметь на киевском столе своего ставленника, знакомого с их порядками и силой, и выговаривая себе новые льготы и вольности.

В 6477(969) г. Святослав задумал сделать столицей своей державы завоеванный им Переяславец на Дунае: «Не любо ми есть в Киевѣ быти, хочю жити в Переяславци на Дунаи, яко то есть середя земли моея; яко ту вся благая сходятся: оть грекъ злато, паволокы, вина и оwoщеве разноличные, изъ Чехъ же, изъ Угорь сребро и комони, из Руси же скоря и воскъ, медь и челядь», — будто бы объявил он своей матери и боярам. Собравшись в следующем году в Переяславль, Святослав посадил сыновей своих: Ярополка в Киеве, Олега в Деревех. «В се же время придоша людье Ноугородьстии, просяще князя собѣ: «аще не поидете к намъ, то налѣземъ князя собѣ» и рече к нимъ Святославъ: «а бы пошелъ кто к вам». И отпрѣся Ярополкъ и Олегъ». Тогда Добрыня указал на своего племянника Владимира, сына Святослава от Ольгиной ключницы Малуши. «И рѣша Ноугородьци Святославу: «вѣдай ны Володимера», онъ же рече имъ: «воты вы есть». И поняша Ноугородьци Володимера к собѣ, и иде Володимеръ с Добрынею, уемъ своимъ, Ноугороду...» Однако и «робичич» по смерти отца не преминул вмешаться в борьбу за Киев. Под 6485(977) г. летопись сообщает, что, узнав о гибели Олега, Владимир «убоявся», бежал из Новгорода за море, а Ярополк «посадники свои посади в Новгородѣ». Спустя два года, вернувшись в Новгород из-за моря с варяжской дружиной, Владимир прогнал посадников Ярополка и двинулся на Киев с таким большим войском, что «не може Ярополк стати противу и затворися в Киевѣ с людьми своими». Умертвив Ярополка, Владимир, подобно Олегу, остался княжить в Киеве: в Новгороде же посадил после Добрыни, как сообщает летопись под 6496(988)г., сначала старшего своего сына Вышеслава, а после его смерти—

Ярослава. Причины, которые обращали победителя в данника побежденной стороны, очевидно еще действовали. «Да и те князья, — замечает С. В. Юшков, — которые сидели в Новгороде, в частности Владимир и Ярослав, смотрели на Новгород только как на своего рода плацдарм для последующего продвижения в Киев. Пренебрегая Новгородом и связывая свою судьбу с южной Русью и Киевом, князья не были заинтересованы в том, чтобы превратиться в местных землевладельцев и образовать там свой домен. Ввиду этого экспроприация земель была произведена не князьями и не дружинными элементами, а местными представителями родоплеменной знати, а также крупными землевладельцами, выросшими внутри разлагавшихся общин»¹²⁸.

Ярослав благополучно княжил в Новгороде если не 28 лет, как насчитывает летопись, то, во всяком случае, продолжительное время, платя ежегодно урочную дань Киеву, который в эту пору, казалось, достиг зенита своего могущества и славы: «Бѣ бо Володимиръ любя дружину, и с ними думая о строи земленѣмъ, и о ратехъ и [о] уставѣ земленѣмъ; и бѣ живя съ князи околними миромъ, с Болеславомъ Лядьскимъ, и съ Стефаномъ Угръскимъ, и съ Андрихомъ Чешьскимъ, и бѣ миръ межю ими и любя»¹²⁹. Женатый на сестре византийского императора, Владимир попытался скрепить мирные отношения с Польшей браком между своим сыном Святополком и дочерью короля Болеслава. Другой его сын, Ярослав новгородский, женился на Ингигерде, дочери шведского конунга Олафа. В 6521 (1013) г. Владимир заключил союз с германским императором.

Однако уже к концу X столетия международное положение Киевской Руси стало осложняться. Первая волна степных кочевников — печенеги — появилась, по свидетельству летописи, в 6423(915) г. В 6480(972) г. они умертвили на днепровских порогах Святослава и стали подвигаться ближе к Киеву. Под 6496(988) г. летопись сообщает, что Владимир начал ставить города по Десне, Осетру, Трубежу, Суле и Стугне, и «мужѣ лучшиѣ отъ словенъ и отъ Кривичъ, и отъ Чюди, и отъ Вятичъ и отъ сихъ надели грады». И тут же поясняет: «бѣ бо рать отъ Печенѣгъ и бѣ воюяса с ними и одоляя имъ»¹³⁰. Первой оборонительной линией было недостаточно: в 6499(991) г. Владимир строит Белгород. О нашествиях печенегов летопись сообщает под 6500(992), 6504(996) и 6505(997) гг. Владимир уже с трудом отражает их удары. Печенеги осаждают Киев, который,

¹²⁸ С. В. Юшков. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949, стр. 392—393.

¹²⁹ Летопись по Лаврентьевскому списку, стр. 124.

¹³⁰ Там же, стр. 119

как рассказывает летопись, однажды спасся только хитростью. Пользуясь трудным положением Киева, новгородцы отказались платить урочную дань. В Киеве начались спешные приготовления к походу на Новгород: «И рече Володимиръ: «требите путь и мосты мостите»; хотяшеть бо поити на Ярослава, сына своего; абие разболѣся»¹³¹. Весть о смерти отца застигла Ярослава в разгар его конфликта с новгородцами, в ту самую ночь, когда он «разгнѣвася на гражаны, и собра вои славны тысящу, и, обольстивъ ихъ, исѣче, иже бяху Варягыти исѣклѣ»¹³². Ярослав действовал решительно: «Заутра собра новгородцовъ избытокъ, и сътвори вѣче на полѣ, и рече к ним: «любимая моя и честная дружина, юже вы сѣкохъ вчера в безумии моемъ, не тошѣрво ми ихъ златомъ окушитѣ». И тако рче имъ: «братъе, отецъ мои Володимиръ умерлъ есть, а Святополкъ княжить в Киевѣ; хоцю на него поити; потягнете по мнѣ». Ирѣша ему новгородци: «а мы княже, по тобѣ идемъ»¹³³.

А. Н. Насонов считает, что сговорчивость новгородцев «после столкновения из-за варягов» была следствием сложившихся еще при Владимире отношений между Ярославом и социальными верхами Новгорода, которые ценили своего князя как поборника их интересов, не задумавшегося ради последних пойти на разрыв с отцом. «Естественно, — поясняет А. Н. Насонов, — что они боялись наместников Святополка и рассчитывали, что Ярослав пойдет навстречу их интересам»¹³⁴. Близость Ярослава к новгородским феодалами сомнений, вообще говоря, не вызывает. Но должно все же заметить, что упомянутое «вече на поле» состоялось, по свидетельству летописи, на другой же день после вероломной и жестокой («обольстивъ... исѣче») расправы князя с новгородцами, т. е. в самый разгар конфликта, многочисленные жертвы которого были налицо и призывали уцелевших к мести, а не к примирению. По прямому смыслу текста летописи покаянное красноречие Ярослава тронуло новгородцев: они простили князю кровную обиду и, мало того, сразу изъявили готовность пойти для него на новые жертвы. Искусственность такой версии очевидна. Однако, если разобраться в особенностях создавшегося в Новгороде положения, то самый исход конфликта не вызовет сомнений.

Многочисленная варяжская дружина, скопившаяся в Новгороде в ожидании похода, пользовалась там относительной свободой под покровительством самого Ярослава. Есть ука-

¹³¹ «Новгородская первая летопись...», стр. 168.

¹³² Там же, стр. 174.

¹³³ Там же, стр. 174—175.

¹³⁴ А. Н. Насонов. Русская земля и образование территории древнерусского государства. М., 1954, стр. 77—78.

зания, что Ингигерда через мужа оказывала влияние даже на политические дела. Эймундова сага в преувеличенных, может быть, тонах описывает почетное и независимое положение Эймунда и его товарищей при Ярославе. Привилегированное положение иноземцев при таких условиях могло раздражать влиятельные круги в Новгороде, вызывая в них недовольство князем и враждебное отношение к его окружению. Ночная р права оскорбленных варягами новгородцев не была видимо стихийной вспышкой, поскольку для нее был выбран момент, когда князя не было в городе. Группа недовольных была многочисленной и, если доверять летописи, принадлежала к видным дружинникам из среды горожан («гражданы... вои славны тысящу»), т. е. «лучших», «вящих» людей новгородских. Ярославу, в свою очередь, трудно было оставить безнаказанным их самоуправство. Не чувствуя, видимо, за собой достаточно силы, чтобы открыто покарать участников избиения на «Парамони дворѣ», он вынужден был действовать обманным путем («обольстивъ... исѣчь») ¹³⁵. — «Друзии бѣжаша изъ града». На что, на худой конец, мог рассчитывать разгневанный князь, если путь в Киев был для него закрыт: может быть, как некогда его отец, «бѣжати за море», за помощью? Киевские события неожиданно подсказали иной выход. Положение в Новгороде было напряженным: беглецы, видимо, не рещались вступать в переговоры, боясь новой западни. Именно поэтому вече было созвано не в обычном месте, а «на полѣ», т. е. за чертой города. Среди новгородцев у Ярослава, конечно, были свои приверженцы. При отсутствии прямых данных остается лишь догадываться, что Ярослав мог рассчитывать на поддержку главным образом «меньших» людей новгородских, поскольку от его гнева пострадали «большие». Противная партия была обессилена. Правда, общая численность населения Новгорода того времени неизвестна, но урон в 1000 человек, конечно, был равносителен полному разгрому для любой из представленных на вече партий. Поэтому «на полѣ» собрались, по преимуществу, сторонники князя, с которыми легче было сговориться. Вполне отсюда понятно, что в ответ на заключительные слова речи Ярослава: «Святополкъ княжитъ в Киевѣ; хоцю на него поити; потягнете по мне», — новгородцы дружно отвечали: «се мы, княже, по тобѣ идем». Поход на Киев сулил участие в дележе военной добычи и княжеские дары; для руководителей враждебных князю групп

¹³⁵ Смысл не вполне ясного текста: «разгнѣвася на гражданы, и собравои славны тысящу; и обольстивъ их исѣче, иже бяху Варягы тѣ исѣклѣ» — не может быть истолкован так, будто тысяча воинов была не объектом, а орудием мести Ярослава: эпитет «славных» был бы здесь неуместен, поскольку нападение произошло в обстановке, не делающей им чести.

мирный исход конфликта был наиболее благоприятным: ведь даже изгнанный ими за море Ярослав мог, чего доброго, вернуться обратно с новыми полчищами варягов и расправиться с своими недругами. Только что высказанное предположение о социальном составе собравшихся «на полъ» будущих участников похода на Киев подтверждается распределением наград, которые они получили после победы: «Нача вое свое дѣлити: старостаъ по 10 гривень, а смердомъ по гривнѣ, а новгородъчемъ по 10 всѣмъ и отпусти я домовъ вся»¹³⁶. Равномерное распределение наград показывает, что оно было заранее обусловлено между Ярославом и договорившимися с ним «молодшими» горожанами Новгорода. Помирившись с новгородцами, Ярослав «собра вои 4000: Варягъ бяшесть тысяща, а новгородцовъ 3000»¹³⁷ и выступил в поход.

По поводу этих данных А.А. Шахматов задает вопросы:

1. Как после избиения варягов и новгородцев Ярослав мог отважиться на наступление, если несколько ранее для обороны он привел из-за моря варягов?

2. Как мог он тогда собрать 1000 варягов, если содействие новгородцев было пассивным: после возгласа «можемъ по тобѣ бороти» (так в Лаврентиевском своде; в Новгородском: «се, княже, по тобѣ идемъ») содействие это выражается только о том, что они не препятствуют Ярославу собирать войска?

Не находя в изучаемом тексте данных для объяснения своих недоумений, А.А. Шахматов приходит к заключению, что в дошедших до нас редакциях летописи здесь налицо какой-то пробел. «Не имея возможности, — замечает он по этому поводу, — восстановить события в их реальной действительности, мы однако вправе были бы ждать, что рассказчик внесет в них больше внутренней связи, сообщит о них с большей живостью». На этом основании А.А. Шахматов полагает, что за словами «можемъ по тобѣ бороти» (так в Лаврентиевском, — в Новгородском своде: «по тобѣ идемъ») в тексте утраченной древней новгородской летописи следовало: «И начаша скоть събирати, отъ мужа по 4 куны, а отъ старость по 10 гривень, а отъ бояръ — по 18 гривень; и приведоша Варягы и вдаша имъ скоть». Приведенный им отрывок в Новгородском своде не встречается вовсе, а в Лаврентиевском находится в конце статьи 6526 (1018) г. в рассказе о том, как Ярослав, прибежав после поражения на Буге в Новгород, готовился отплыть за море, после слов: «посадникъ Коснетинъ, сынъ Добрынь, с Новгородци расѣкоша лодѣ Ярославлѣ, рекуще: «хощемъ ся и еще бити съ Болеславомъ и Святополкомъ». Гипотезу свою А.А. Шахматов подкрепляет следующими доводами:

¹³⁶ «Новгородская первая летопись...», Синод. список, стр. 15.

¹³⁷ Там же, Комисс. список, стр. 175.

1. «Вознаграждение, согласно новгородским источникам (новгородской летописи), было выдано им (т. е. Ярославом) после Любечской битвы; следовательно, вероятно, что и денежные сборы были произведены новгородцами перед этой битвой, т. е. перед первым выступлением Ярослава против Святополка».

2. Под 1018 г. слова «И начаша скоть събирати... и приведоша Варягы и вѣдаша имъ скоть...» явно присочинены, так как не видно, чтобы новгородцы участвовали в битве при Вольни, в которой Болеслав победил Ярослава¹³⁸.

Аргументация А. А. Шахматова не вполне убедительная. В перечне участников сборов, которые произвели между собой новгородцы, выделено особо «отъ бояръ по 18 гривенъ», между тем в рассказе о награде участников похода после победы сообщается, что все новгородцы получили по 10 гривен, смерды по гривне, о боярах же не упомянуто вовсе. Сближение поэтому получается недостаточно полным. Равным образом, поскольку текст обращения посадника и новгородцев к Ярославу в статье 6526(1018) г. сохранился в несколько искаженном виде, — основывать на встречающемся в нем слове «еще» какие-либо положительные выводы трудно. Таким образом, указаний на прибытие к Ярославу в 6523(1015) г. новой партии варягов в летописи не имеется. Нет в ней равно и прямых указаний на то, что во время новгородских событий была истреблена вся многочисленная дружина князя. В начале статьи 6523(1015) г. летопись с некоторым раздражением говорит о множестве варягов, кормившихся у Ярослава: «В Новѣгородѣ же тогда Ярославъ кормяше Варягъ много», — но ничего, затем, не сообщает о том, сколько их было убито новгородцами. Из самих же обстоятельств скорее видно, что погибла лишь часть варяжской дружины Ярослава. Летопись рассказывает не о вооруженной схватке с варягами, а об избитии последних: в отношении же к вооруженным мужественным людям это возможно только в случае, если нападающие значительно превосходят их численностью. В подсчет же летописи «вои славных тысящу, иже бяху Варягы тѣ искль» не входят те новгородцы, которые погибли от руки оборонявшихся варягов. Убитых же варягов было, конечно, гораздо меньше: во время резни погиб, очевидно, отдельный отряд, расквартированный «на Парамони дворѣ». В таком случае, вопрос Шахматова: как смог он (т. е. Ярослав) тогда собрать 1000 варягов? — отпадает.

В итоге изучения летописных известий о сборах Владимира в поход против Новгорода, о ссоре и примирении Ярослава

¹³⁸ А. А. Шахматов. Разыскания..., стр. 501—502.

с новгородцами и выступлении их в поход можно считать установленным, что известия эти восходят к какому-то местному новгородскому повествованию об этих событиях, верно отражавшему их реальный ход и взаимную связь. Остается выяснить, к какому году должно отнести вторую часть входящих в этот цикл событий, начиная от ссоры Ярослава с новгородцами и кончая выступлением их в поход на Киев: к 6524 (1016) г., под которым они занесены в Новгородский свод, или к 6523(1015), как они вошли в Лаврентиевский.

На первый взгляд этот вопрос как будто решается просто, поскольку кризис в новгородских событиях был вызван получением в Новгороде известия о смерти Владимира. Она же датируется 15 июля 1015 г. Принимая во внимание, что в летнюю пору связь между Киевом и Новгородом по торговому пути была оживленной, можно сказать, что новость дошла до Новгорода довольно быстро. Представляется поэтому бесспорным, что весь комплекс изучаемых событий относится к лету 6523(1015) г. Неверная датировка этих местных событий в Новгородском летописном своде объясняется нехитрой редакционной техникой его составителя и свидетельствует о древности сохранившейся в нем редакции. Чем древнее редакция свода, тем отчетливее в ней отражаются слабые стороны редакционной техники составителя, иногда вводившего в рамки погодного повествования комплекс событий целого ряда лет. Примером тому служит основной массив «Сказания об убийстве Бориса и Глеба», как оно вошло в Новгородский свод, где под 6523(1015) г. излагается весь цикл событий от смерти Владимира до поражения и гибели Святополка и, наконец, погребения останков Глеба в Вышгороде, которое произошло, во всяком случае, после 6526(1018) г. Иногда подобное повествование, наоборот, разрывалось на части, и каждый фрагмент текста, в зависимости от его содержания, вносился в летопись под соответствующим годом как особая годовая статья, или в слиянии, порой выполненном довольно искусно, с текстом статей родственного содержания. Такой редакционной переработке подвергся текст новгородского повествования о событиях, предшествующих выступлению Ярослава в первый его поход против Святополка. О смерти Владимира сообщается под 6523(1015) г., поэтому первую часть повествования, в которой описываются приготовления Владимира к походу на Новгород, сводчик занес в свой труд под предшествующим 6522 (1014) г. Рассказ о ссоре и примирении Ярослава с новгородцами, составляющий второй и последний фрагмент новгородского повествования, связать со статьей 6523(1015) г. было трудно, поскольку в нем сообщается о событиях, завершившихся выступлением Ярослава в первый поход против Свято-

полка: статья же 6523(1015) г. об этом походе не знает. Поместить этот фрагмент в виде придатка к концу статьи 6523(1015)г. — значило бы в ее связанном повествовании известие о вокняжении Святополка в Киеве сообщить велел за исполненным мрачного драматизма описанием его гибели. И то и другое стало бы или бросающейся в глаза несообразностью, или анахронизмом. Сводчик не нашел другого выхода из этих трудностей, как отнести рассказ о ссоре и примирении Ярослава с новгородцами и выступлении их в поход к статье последующего 6524(1016) г. Для устранения возникшего в связи с этим нового анахронизма он выпустил одновременно в статье 6523 (1015) г. краткое сообщение о борьбе Ярослава со Святополком и описание поражения последнего при Альте.

Если приведенные соображения правильны, то выступление Ярослава в поход против Святополка можно отнести к концу лета 6523 (1015) г., непосредственно за соглашением его с новгородцами.

Однако описание первого вооруженного столкновения Ярослава со Святополком, как в Новгородском, так и в Лаврентиевском сводах помещено под 6524 (1016) г.

Приводим полностью оба варианта, разделив для удобства сравнения каждый из них на параллельные другому отрывки.

Новгородский свод¹³⁹:

1. «В лѣто 6524... и поиде на нь.
2. Святополкъ же то слышавъ и собра бецисла множество вои, изиде противу его къ Любцю, и сѣде ту на полѣ со множествомъ вои.
3. Ярослав же пришед, ста на безрезѣ на Днѣпрѣ; стояша ту 3 мѣсяци не смѣюще ся соступити.
4. Воевода Святополчъ, именемъ Волчий Хвостъ, ѣздя подлѣ рѣ-

Лаврентиевский свод:

- «В лето 6523... и поиде на Святополка.
- Слышав же се Святополкъ идуща Ярослава, пристрой бецисла вои онъ полъ Днѣпра, а Ярославъ обѣю.
- Начало княженья Ярославля Киевѣ. В лето 6524. Приде Ярославъ и, сташа противу оба полы Днѣпра, и не смяху ни си онѣхъ ни они сихъ начати, и стояша мѣсяць 3 противу собѣ.
- И воевода нача Святополчъ, ѣздя възлѣ берегъ,

¹³⁹ До начала Синодального списка текст статьи цитир. по Комиссионному.

- ку, укарятѣ нача новгородци: «почто придосте с хромчѣмъ тѣмъ? а¹⁴⁰ вы плотници суще, а приставимъ вы хоромъ рубити.
5. И нача Днѣпръ мързнути. И бяше Ярославу мужъ въ приязнь у Святошѣлка; и посла к нѣму Ярославъ ночью отрокъ свои, рекъ к нѣму. И рекъ к нему: «овьси, что ты тому велиши творити, меду мало варено, а дружины много». И рече ему мужъ тъ: «рчи тако Ярославу: даче меду мало, а дружины много, да къ вечеру въдати». И разумѣ Ярославъ, яко въ нощи велить сѣнися. И томъ вчере перевозися Ярославъ съ voi на другиѣ поль Днѣпра, и лодь отринуша от берега и тои нощи поидоша на сѣцю. И рече Ярославъ дружинѣ: «знаменайтеся, повивайте себе убрूसы голову». И бысть сечи злѣ, и до свѣта побѣдиша Святошѣлка. И бѣжя Святошѣлкъ в Печѣнѣгы,
6. а Ярослав иде Кыеву и съде на столѣ отца своего Володимира;
7. и нача вос свое дѣлити: старостамъ по 10 гривенъ, а смердомъ по гривнѣ, а ѡвѣгородъчемъ по 10 всѣмъ. И отпусти и домовъ вся.
8. и давъ имъ правду и уставъ списавъ, тако рекши имъ: «по се грамотѣ ходите, яко же съписахъ вамъ, тако же держите»¹⁴¹.
- укарятѣ Новгородцѣ глаголи: «что придосте с хромчѣмъ симъ, а вы плотници суще? а приставимъ вы хоромовъ рубити нашихъ. Се слышавше Новгородци, рѣша Ярославу: «яко заутра перевеземъся на ня; аще кто не поидеть съ нами, сами потнемъ». Бѣ бо уже в заморозъ. Святополкъ стояше межѣ двѣма озерома, и всю ночь пилъ бѣ с дружиною своею; Ярославъ же заутра исполчивъ дружину свою, противу свѣту перевезеся. И высѣдше на брегъ, отринуша лодьѣ отъ берега, и поидоша противу собѣ, и ступишася на мѣсть; бысть сѣча зла, и не бѣ лзѣ озеромъ Печенѣгомъ помогати, и притиснуша Святополка с дружиною къ озеру, и вступиша на ледъ, и обломися съ ними ледъ, и одолати нача Ярославъ. Святополкъ же бѣжа в Ляхы. Ярослав же сѣдѣ Киевѣ на столъ отъни и дѣдни; и бы тогда Ярославъ лѣтъ 28».

¹⁴⁰ Отсюда начинается Синодальный список.

¹⁴¹ 8-го отрывка в Синодальном списке нет.

Оставляя пока открытым вопрос, действительно ли описанная здесь битва произошла в 6524 (1016) г., переходим к анализу самого содержания обоих вариантов.

По поводу новгородского варианта А.А. Шахматов писал: «Описание Любечской битвы — это первое в летописи обстоятельное описание сражения; отмечено расположение войск той и другой стороны, указаны топографические данные, сообщены данные хронологические (войска стояли друг против друга три месяца), отмечен непосредственный повод к битве, установлена причина поражения Святополка: все это ведет нас к рассказам очевидцев, к их припоминаниям»¹⁴².

Касаясь, в другой связи, вторично текста записи 6523 (1015)—6524 (1016) гг., А. А. Шахматов снова останавливается «на подробностях в описании борьбы любечской: в нем приведены переговоры Ярослава с преданным ему в стане Святополка мужем, сообщены слова Ярослава, обращенные к дружине». Он отмечает «ту положительную часть записи, которая самым ясным образом свидетельствует о том, что она не может быть отнесена на время, сколько-нибудь отдаленное от событий 6523(1015)—6524(1016) гг.»: Короче говоря, описание битвы у Днепра в статье 6524 (1016) г. Новгородского свода; по мнению А. А. Шахматова, представляет историческое повествование, составленное на основании рассказов современников и даже участников событий, и отражает, поэтому, действительную картину и развитие последних.

Если, следуя примеру А. А. Шахматова, подвергнуть аналогичному анализу вариант Лаврентиевского свода, то окажется, что и этот вариант представляет собой «обстоятельное описание сражения: отмечено расположение войск той и другой стороны, указаны топографические данные, сообщены данные хронологические, отмечен непосредственный повод к битве...» и т. д. и т. д. Следовательно, его происхождение и ценность как исторического источника одинаковы с новгородским. Так это, собственно говоря, и должно быть, если оба варианта восходят к общему источнику, или один представляет видоизменение другого. Однако в данном случае дело обстоит несколько иначе. К общему тексту восходит в обоих сводах лишь вступительная часть описания битвы, в которой сообщается, как Ярослав и Святополк сошлись на противоположных берегах Днепра и простояли там три месяца друг против друга (отрывки 2 и 3); сюда же относится эпизод с насмешками, которыми осыпал новгородцев «воевода Святополчь» (отрывок 4). Правда, в Новгородском своде находим указание, что битва на Днепре произо-

¹⁴² А. А. Шахматов. Разыскания..., стр. 487.

шла у Любеча; в древнейшем же Лаврентиевском списке «Повести временных лет» о Любече не упоминается вовсе, и указание на этот город встречается только в более поздних ее списках, Радзивилловском и Академическом, где одновременно с этим в войске Святополка в качестве союзников упоминаются печенеги. В дальнейшем же тексте (отрывок 5) различие становится существенным. Описанное в Новгородском своде сражение происходило ночью («тѣмъ вечерѣ перевозися... той ноци поидоша на сѣчу... до свѣта побѣдища»); в Лаврентиевском своде битва завязалась на рассвете («противу свѣта перевезеся и поидоша противу собѣ»). Дружина Святополка стояла в пространстве «межи двѣма озерома»; за одним из этих озер были его союзники печенеги. Ярославу удалось притиснуть противника к озеру и этим решить исход сражения. Все эти подробности Новгородскому своду неизвестны. В нем выдвигается на первый план предательство в стане Святополка («И бяше Ярославу мужъ въ приязнь у Святополка»), благодаря которому противник мог выбрать подходящий момент для начала боя. Победа Ярослава объяснена здесь внезапностью нападения, произведенного ночью. Даже местность, где искал затем убежища после своего поражения киевский князь, в Лаврентиевском своде — Польша («Святополкъ же бѣжа в Ляхы»), а в Новгородском — южнорусские степи («И бѣжа Святополкъ в Печенѣги»). Сходство в описании самого костяка событий, который в обоих случаях оброс столь различными подробностями, находит себе объяснение скорее в том, что вооруженные столкновения, если силы противников были приблизительно равны, протекали в эту эпоху при сходной обстановке. Расположившись друг против друга на противоположных сторонах водного рубежа, неприятельские войска выжидали, пытались спровоцировать друг друга на наступление, чтобы использовать для себя преимущества обороны, или выскивая случай напасть врасплох, чтобы противник не успел развернуть свои силы. Для форсирования реки выбиралась глубокая осенняя ночь, пока река, замерзнув окончательно, ни перестанет служить преградой для противника. Все это подсказывалось военной тактикой эпохи, равно как и маневр наступающей стороны, которая, переправившись через реку, отталкивала от берега свои ладьи, чтобы отрезать робким возможность отступления. Что же касается происхождения подробностей в описании битвы, то правдоподобное объяснение их различию дал еще И. Линниченко в книге «Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV ст.». И. Линниченко обратил внимание на двойственное, в общем, отношение летописи к Ярославу: с одной стороны, это князь благочестивый, мудрый, достойный преемник Владимира; с другой

стороны, летопись относится к нему несколько скептически, презрительно, называя его «хромцем». Источником восторженного отношения к Ярославу, как думает И. Линниченко, являлась монастырская традиция, знавшая этого князя как ревностного христианина, строителя церкви и монастырей, покровителя монашеского сана («И бѣ Ярославъ любя церковные уставы, попы же любяше повелику, излиха же черпоризыцѣ»). Отрицательное отношение было отражением взгляда на него дружины, которая выше всего ценила воинские доблести и таланты, а их-то у Ярослава не доставало. Особенно враждебно к нему относилась местная киевская дружина, которая видела в нем чуждого князя, захватившего Киев с помощью своей новгородской дружины. Обязанный последней своим положением, Ярослав награждал ее дарами и выдвигал ее членов на административные посты, усиливая тем недовольство киевской дружины. Действительно, при неудаче Ярослав бежит за помощью в Новгород не надеясь, очевидно, на поддержку киевлян.

Этими отношениями И. Линниченко объясняет, что при походе Болеслава со Святополком на Киев, после поражения Ярослава, города, лежащие на пути, радостно, как это свидетельствует Титмар, отворяли победителю ворота. Если и была в Киеве партия, враждебная Святополку, то она состояла из сторонников Бориса, а не Ярослава. «Таким образом,— заключает И. Линниченко, — одним из источников рассказа о борьбе Ярослава со Святополком, кажется, следует признать устное предание, сохранившееся среди Киевской дружины». Вторым источником летописи, по его мнению, была песня или былина о борьбе Ярослава со Святополком, скорее всего новгородского происхождения, поскольку описание битвы у Днепра в новгородской летописи полнее и содержит более эпических подробностей (сношения Ярослава с киевским изменником, повязывание голов новгородцев убрсами), нежели в киевской. Этим описанием новгородская песня и заканчивалась, так как новгородская летопись не знает о поражении Ярослава на Буге. В киевском варианте И. Линниченко усматривает сдержанность по отношению к Ярославу и даже некоторое сочувствие Святополку, которое сквозит, например, в желании оправдать его неудачу: его союзники-печенеги не могли дать ему помощи, поэтому он был разбит¹⁴³.

Мнение И. Линниченко о существовании когда-то былины или песни, посвященной борьбе Ярослава со Святополком, и послужившей одним из источников описания сражения при Днестре,

¹⁴³ И. Линниченко. Взаимные отношения Руси и Польши..., стр. 91—93.

не встретило поддержки среди русских исследователей. Между тем этот эпизод борьбы за наследие Владимира действительно нашел себе отражение в дружинном эпосе, правда, не русском, а в северном, исландском, поскольку в ней участвовали также варяги. Мы имеем в виду первый эпизод повествования Эймундовой саги о борьбе Ярислейфа к Бурислейфом.

Вскоре после прибытия Эймунда к Ярислейфу этот последний выступил против Бурислейфа. «Там, где они встретились, был большой лес с рекой; ставки свои они расположили так, что посреди протекала река, а числом людей различествовали немного. Конунг Эймунд и все норманны имели свои особые палатки. Так простояли они четыре ночи, не отдавая приказа к сражению друг с другом. Тогда сказал Рагнар: «Чего мы ожидаем, и что значит это сидение?». Из переговоров Эймунда с Ярислейфом, о которых вслед за этим повествует сага, выясняется, что казавшийся Ярислейфу слабым враг за это время усилился и, что, наоборот, от Ярислейфа множество рати разбежалось домой по деревням. Наконец, Эймунд сказал: «Сидя мы упустили победу из рук. Но между тем мы, Нордманны, не сидели праздно: все наши ладьи и военный снаряд оттащили мы вверх по реке. Мы отправимся туда с нашими людьми и нападём на них в тыл, а ставки пусть стоят здесь порожние; вы же поспешите, как можно скорее, завязать бой при помощи своих людей. Так и сделано: поднялся бранный клик, возвысили знамена и распределили рать к войне. Оба ратные народа сошлись вместе, наступила страшная битва, и гибло очень много людей. Конунг Эймунд и Рагнар направили на конунга Бурислейфа сильный удар, напав на него по ту сторону щитов. Воспоследовала жесточайшая битва и резня. Вслед за тем Бурислейфова рать была сломана, и его люди начали бежать. Но Эймунд заступил им путь и избил такое множество мужей, что долго было бы прописывать имена всех их. (Вражие) полчища были опрокинуты, так что (скоро) не с кем было сражаться; а те, которые остались целы, разбежались по лугам и по лесу, чтоб спасти жизнь свою, но в этой суматохе пронёсся слух, будто и сам конунг Бурислейф убит»¹⁴⁴. Отбросив эпические украшения, свидетельствовавшие о доблести и военном искусстве героев саги, получим в остатке общую картину обстановки и развития сражения, весьма похожую на картину изучаемой битвы при Днепре. Оба противника располагаются со своими дружинами на противоположных берегах реки (Днепра). Некоторое время проходит в нерешительном ожидании. Наконец, Ярислейф переправляется через реку и нападает на врага. После ожесточенной схватки Ярислейф побеждает: его противник обращен

¹⁴⁴ О. И. Сенковский. Собр. соч., т. V, стр. 527—529.

в бегство. Нетрудно объяснить, как Святополк получил здесь имя Бурислейфа (Болеслава). Кроме обычного для саги поглощения всех тогдашних врагов Ярислейфа личностью Болеслава, причину этого в данном случае можно видеть в том, что битва на Днестре объединилась здесь со сходной по обстановке битвой на Буге, а в этой последней наемная варяжская дружина Ярислейфа сражалась с Болеславом. Сага, конечно, не знает неудач своих героев — и Днепровская победа заслонила собой поражение на Буге, а победитель Болеслав слился в саге с побежденным Святополком, наделив последнего ярким в глазах норманнов именем Бурислейф.

Победоносная борьба за обладание Киевом в начале XI в была для новгородцев событием памятным и вызывала рассказы, волнующие воображение ближайших поколений. Немудрено, что она довольно быстро могла стать достоянием народного эпоса, темой особой былины или песни, в подлинном своем виде до нас не дошедшей. Если чисто механическим путем выбросить из каждого варианта повествования битвы при Днестре несходные места, то обнаружится как бы общий текст, амплификацию которого они представляют.

Новгородский свод:

«И нача Днѣпръ мръзнути... перевозися Ярославъ съ вои на други поль Днѣпра, и лодь отринуша от берега..., поидоша на сѣцю... и бысть сѣчи злѣ и... победиша Святопѣлка. И бѣжя Святопѣлкѣ в Печынгы, а Ярослав иде Киеву и сѣде на столѣ отца своего Володимера».

Лаврентисвский свод:

«...Бѣ бо уже в заморозь... Ярослав же... перевезеся. И высѣдше на берегъ, отринуша лодѣ от берега и поидоша противу себѣ, ... бысть сѣча зла... .. и одолати нача Ярославъ. Святополкѣ же бѣжа в Ляхы. Ярославъ же сѣде Киевѣ на столѣ отъни и дѣдни».

Заметна связность и одновременно схематизм этого текста и следы в нем напевного ритма. Сохранился ли здесь в несколько испорченном виде отрывок эпической песни, о которой говорит И. Линниченко, — утверждать положительно, конечно, трудно. Во всяком случае отдельные выражения и обороты, а отсюда и самая эпическая последовательность изложения, повторяется затем, как ходячий шаблон, в летописных описаниях более поздних сражений: в рассказе об Альтской битве, литературное происхождение которого не вызывает сомнений («...бысть сѣча зла... к вечеру же одолѣ Ярослав, а Святополк бѣжа...»); в описании битвы при Ливствянах («... поидоша Мстиславъ и

Ярославъ противу собѣ и сступися... и бысть съча сильна... Ярославъ... побѣже...») и др.

Тема о тайных сношениях со сторонником в стане противника, довольно распространенная в западном эпосе, знакома и русской летописи. В легенде о взятии Корсуни Владимир таким путем получил нужные ему сведения из осажденного города от Настаса Корсунянина. Иносказательная форма совета начать сражение ночью, данного Ярославу предателем, свидетельствует о литературном происхождении всего отрывка. С этим советом согласован и приказ Ярослава, чтобы новгородцы повязывали головы убрусам. Указание, что битва произошла в заморозки, имеет здесь только хронологическое значение. Наоборот, в варианте Лаврентьевской летописи с ним связан решающий момент боя. Притиснутые к озеру войска Святополка ступили на слабый еще лед, который под ними провалился. Неудачный выбор позиции «межи двѣма озерома», лишивший Святополка возможности маневрировать и ввести в бой находившихся за озером своих союзников-печенегов, дает вполне объективное и реальное объяснение роковому для него исходу сражения. Элементов вымысла и тенденции в этом варианте незаметно. Даже подробность, будто Святополк «всю ночь пилъ бѣ с дружиною своею», — вовсе не доказательство царившей в его лагере распушенности, а связана с холодами, которые в обстановке похода с трудом переносились непривычными к ним киевлянами. Если новгородский вариант несет на себе признаки литературного своего происхождения, то киевский, наоборот, содержит подробности, идущие от воспоминаний современников, а может быть, и участников событий. Это различие является существенным коррективом к приведенному выше мнению А. А. Шахматова, который к тому же считал, что оба варианта относятся к одному и тому же событию. «Я уверен, — писал исследователь, — что новгородское и киевское описания относятся к одной и той же битве: различия в них зависели от того, что впечатления, в них переданные, исходили от противных лагерей (и это несмотря, конечно, на то, что оба описания сочувственны Ярославу)»¹⁴⁵. Если А. А. Шахматов имеет здесь в виду только разные физические точки наблюдения, то он, конечно, прав: вариант Лаврентьевского свода передает события так, как они развертывались перед наблюдателем, находившимся среди киевлян, в лагере Святополка, а Новгородский — так, как они развертывались перед наблюдателем из лагеря Ярослава. Признаков же благоприятной Ярославу и враждебной Святополку тенденции нельзя обнаружить ни в одном из вариантов. Острые насмешки, которую будто бы бро-

¹⁴⁵ А. А. Шахматов. Разыскания..., стр. 505.

сил воевода Святополка новгородцам, направлено в равной степени против Ярослава, а поэтому самый анекдот мог выйти из киевского источника, ему враждебного. Самый вопрос о тождестве объекта обоих описаний в известной мере теряет свое значение, если в основе новгородского описания действительно лежит какое-то произведение эпической поэзии. В легендарном описании, как это часто встречается в эпосе, могли отразиться легко запоминающиеся черты других однородных событий. Таким путем подробности исторического события, битвы, о которой повествует Лаврентиевский свод (ходячий, видимо, в те времена анекдот о насмешках киевлян над новгородцами и существенный для исхода битвы момент, что она произошла в заморозки), вошли в новгородское описание.

Другое историческое событие, легендарную реминисценцию которого находим в новгородском описании, — это битва около Любеча. Новгородский свод сообщает о ней в краткой, по форме погодных, записи в самом начале той же статьи 6524 (1016) г.: «В лѣто 6524. Бысть създа у Любца, и одолѣ Ярослав, а Святополкъ бѣжа в Ляхы». В пору, когда слагались эпическая песня или былина о борьбе Ярослава со Святополком, в Новгороде еще смутно помнили битву около Любеча и, может быть, некоторые ее подробности, отразившиеся затем в описании новгородской летописи. Географический ее признак: «изыде ... къ Любцю и съдѣ ту на полѣ» — сохранился во всех списках новгородской первой летописи, не исключая, вероятно, утраченной части Синодального. В легендарном новгородском описании, как в фокусе, отразились два исторических события: битва около Любеча, о которой кратко сообщает погодная запись Новгородского свода, и битва на Днепре, подробно описанная в Лаврентиевском. К вопросу о местности, куда скрылся с поля битвы разбитый Святополк, придется вернуться ниже. Загадочное сходство обоих подробных описаний, киевского и новгородского, которое ввело в заблуждение такого проницательного исследователя, как А. А. Шахматов, получает таким путем полное объяснение.

А. А. Шахматов думает, что первый поход Ярослава против Святополка относится целиком к 6524(1016) году. Основанием для такого заключения послужила его собственная интерполяция в текст летописной статьи 6523(1015) г. отрывка из статьи 6526 (1018) г. Лаврентиевского свода о пожертвованиях новгородцев в пользу Ярослава, о которой говорилось выше. «Сборы Ярослава (в поход), — рассуждает по этому поводу А. А. Шахматов, — если они начались даже в сентябре 6523 (1015) г., после убийства Глебова, заняли таким образом несколько месяцев: в течение их мог быть произведен указанный денежный сбор в Новгороде и могли быть наняты варяги за

морем». Расширив таким путем круг известных событий, предшествовавших битве на Днестре, А. А. Шахматов констатирует, что они не укладываются в рамки полугодичного промежутка времени от сентября до конца 6523(1015) г. (год начинался тогда с 1 марта), и делает отсюда вывод, что поход Ярослава должен быть отнесен к следующему 6524(1016) г.¹⁴⁶ Выше было показано, что интерполяция А. А. Шахматова произвольна и не подтверждается ходом новгородских событий того времени. Следовательно, и вывод, сделанный им из недостоверных посылок, теряет свою убедительность. Независимо от этих соображений, датировка битвы на Днестре 6524 (1016) г. в том контексте, в котором она находится в летописи, вызывает сомнения. Между решением веча «на полъ» и декабрем (заморозки в окрестностях Киева наступают, обычно, в декабре) мартовского 6524 (1016) г., когда будто бы разыгралось сражение на Днестре, прошло не менее 15—16 месяцев; а если исключить отсюда три месяца, которые противники провели стоя в бездействии друг против друга, то окажется, что не менее года Святополк княжил в Киеве, не принимая никаких мер против наиболее опасного своего врага, о намерениях и приготовлениях которого он, конечно, знал. Поведение Святополка тем более необъяснимо, что перевес в предстоящей борьбе, на первых порах, как будто, был на его стороне: приготовления к походу были сделаны еще при Владимире и отцовская дружина, покинув Бориса, перешла к новому князю; положение же его противника в Новгороде оставалось шатким.

Отмеченные анахронизмы и неясности в значительной мере устраняются, если допустить, что Ярослав выступил в поход вскоре вслед за соглашением своим с новгородцами и после трехмесячного бездействия на берегу Днестра вступил в бой в конце того же 6523(1015) г.

Из приведенных только что хронологических выкладок можно сделать вывод, что после смерти Владимира до своего выступления против Ярослава Святополк сидел в Киеве на отцовском столе не более трех месяцев.

Есть, однако, основания считать, что Святополк после смерти отца продержался в Киеве менее этого срока. Ключом для такого решения вопроса является самый конец статьи 6524(1016) г., в котором сообщается о том, как Ярослав после взятия Киева отблагодарил новгородцев за оказанную ему поддержку в овладении киевским столом. Словами «отпусти домовъ вся» статья 6524 (1016) г. в древнем Синодальном списке Новгородской летописи заканчивается, а в более поздних, Академическом, Толстовском и Комиссионном, непосредственно за этими

¹⁴⁶ А. А. Шахматов. Разыскания..., стр. 503.

словами сообщается: «И дав имъ правду и уставъ списавъ, тако рекши имъ: «по се грамотѣ ходите, якоже списахъ вамъ, такоже держите». Затем идет так называемая краткая редакция Русской Правды: «А се есть правда рускаа». В настоящее время можно считать установленным, что Русская Правда в том виде, как она здесь дана, содержит ряд последовательных наслоений и, по-видимому, не представляет собой той грамоты, которую даровал этот князь новгородцам за их заслуги по овладению Киевом¹⁴⁷. Русская Правда, по своему содержанию, не могла служить актом княжеской милости, предназначенным для цели, которую приписывает ей Новгородский свод. Появление ее в тексте последнего, думает В. И. Сергеевич, объясняется тем, что составитель летописи был в таком же затруднении, как и мы: он имел в руках список Русской Правды и, не зная, кто ее написал, приписывал ее целиком Ярославу, может быть потому, что тогда так думали¹⁴⁸. «Устав», здесь упоминаемый, не мог быть известным «Церковным уставом Ярослава», памятником древнерусской юрисдикции, составленным, как это установлено, позднее¹⁴⁹.

Самое же существование какой-то грамоты Ярослава, пожалованной им новгородцам после победы над Святополком, сомнений не вызывает. «Грамота эта (в числе других однородного содержания...), — пишет А. А. Шахматов, — хранилась в Новгороде, как святыня; в 1230 году Ярослав Всеволодович, призванный новгородцами «на всеи воли Новгородьстѣи», целовал святую Богородицу «на грамотахъ на всехъ Ярославлихъ»; в 1229 году Михаил Всеволодич (черниговский) целовал крест «на всеи воли Новгородьстѣи и на всехъ грамотахъ Ярославлихъ»¹⁵⁰.

На исчезновение ее обратил в свое время внимание, в примечаниях к «Истории Российской», В. Н. Татищев: «Грамота судебная приобщена к древнему закону, данному в 1019 г. О грамоте же уставной, в которой Новгородцы скажут, о вольности их написано, видим, что великие о ней споры были, и князь великий Иоанн Васильевич оную, яко подложную, облича истребил, но удивительно, что с нее списка нигде не находится»¹⁵¹.

Значению ее как учредительного конституционного акта, своего рода *Magnae Chartae libertatum* Великого Новгорода,

¹⁴⁷ Н. Я н и ш. Новгородская летопись и ее московские переделки М., 1874, стр. 65.

¹⁴⁸ В. И. С е р г е е в и ч. Лекции и исследования по древней истории русского права. Изд. 3. СПб., 1903, стр. 88.

¹⁴⁹ С. В. Ю ш к о в. Общественно-политический строй и право Киевского государства. стр. 211—216.

¹⁵⁰ А. А. Ш а х м а т о в. Разыскания..., стр. 508.

¹⁵¹ В. Н. Т а т и щ е в. История Российская, кн. II. М., 1773, стр. 424.

соответствует назначению, которое дает ей летопись устами самого законодателя: «по се грамотѣ ходите, яко же списах вамъ, такоже держите». Позднее, в 6544 (1036) г., когда Ярослав посадил на новгородском столе своего сына Владимира, Новгород сумел получить от него другую грамоту относительно размера дани Киеву: «И людьмъ написа грамоту рекъ: по сеи грамотѣ дадите дань».

Представляется загадкой, каким путем в Новгородском своде, вместо текста Ярославовой грамоты (если последняя, как думает А. А. Шахматов, действительно там была), могла оказаться краткая редакция Русской Правды. Предположение А. А. Шахматова, высказанное им мимоходом, будто замена произошла при составлении общерусского свода 1423 г. в Москве по соображениям не литературным, а «политическим», — вряд ли может распространяться на изучаемый нами древний Новгородский свод.

Текстом краткой редакции Русской Правды статья 6524 (1016) г. в Новгородском своде заканчивается. Другие этапы борьбы Ярослава со Святополком за обладание Киевом в нем не отразились вовсе, несмотря на участие в них новгородцев. Пытаясь найти объяснение этому обстоятельству, А. А. Шахматов высказывает предположение, что главной побудительной причиной для новгородцев вписать в летопись события 6523 (1015)—6524 (1016) гг. послужило их стремление закрепить таким путем учредительный акт, дарованный за их заслуги; будто в 1017 г., по инициативе властей новгородских, посадника и епископа, с этой целью при владычном дворе епископа Иоакима была заведена первая новгородская летопись, записи которой вошли в изучаемый нами Новгородский свод. После занесения туда Ярославовой грамоты и выяснения подробной истории ее возникновения интерес к последующим событиям сразу упал. Оставляя эту гипотезу целиком на ответственности А. А. Шахматова, нельзя не согласиться с его замечанием, что в Новгородском своде «дается весьма неполное освещение тех событий, которые связаны с вокняжением Ярослава в Киеве»¹⁵². В Лаврентиевском своде эти события, правда, освещены полнее, однако в нем нет зато указаний на грамоту, дарованную Ярославом новгородцам.

И те и другие находим в Софийской первой летописи, отразившей среди других своих летописных источников не дошедшую до нас древнюю летопись, названную А. А. Шахматовым «Софийским временником».

Софийская первая летопись знает все этапы борьбы Ярослава со Святополком, как они описаны в Лаврентиевском своде, знает и подробности новгородских событий этого периода, но

¹⁵² А. А. Шахматов. Разыскания... стр. 506.

сведения о пожаловании Ярославом награды и учредительной грамоты новгородцам даны в ней под 6527 (1019) г. после известия о вокняжении в Киеве Ярослава, вслед за описанием окончательного поражения Святополка при Альте. Текста Ярославовой грамоты Софийская первая летопись также не знает и вместо нее дает краткую редакцию Русской Правды. Вопрос о времени составления грамоты Ярослава новгородцам таким образом осложняется. Предоставление Новгороду льгот и вольностей после битвы при Альте, на участие в которой новгородцев прямых указаний нет, представляется неожиданным. Акт Ярослава должно скорее поставить в связь с поддержкой, полученной им от новгородцев, когда разбитый в августе 6526 (1018) г. на берегах Буга Ярослав прибыл в Новгород в сопровождении четырех спутников. «Ярославу же прибѣгну Новугороду, и хотяше бѣжати за море, и посадникъ Коснятинъ, сынъ Добрынь, с Новгородьди расѣкоша лодѣ Ярославлѣ, рекуще: «хочемъ ся и еще бити с Болеславомъ и с Святополкомъ». Начаша скотъ събирати отъ мужа по 4 куны, а отъ старость по 10 гривенъ, а отъ боярь по 18 гривенъ; и приведоша Варягы, вдаша имъ скотъ, и совокуи Ярославъ воя многы...

Святополк же нача княжити Киевѣ, и поиде Ярославъ на Святополка, и бѣжа Святополк в Печенѣгы».

В снаряжении Ярослава в поход на этот раз принимали участие все круги населения Новгорода. М. А. Дьяконов, исходя из того, что гривна равнялась тогда приблизительно 4 кунам, высчитал, что взнос старосты в 125 раз, а взнос боярина в 225 раз превышал взнос рядового мужа новгородского¹⁵³. Если продолжить анализ этих цифр, то окажется, что взнос каждых 15—20 представителей знати равнялся взносу 1000 остальных новгородцев, иначе говоря, вторичный захват Киева Ярославом осуществился на средства новгородских саповников и бояр. Эти именно круги, стремясь упрочить свое влияние в Новгороде, добивались укрепления «вольностей новгородских» особым актом. На почве новых отношений Новгорода к киевскому князю, установленных этим актом, как думает А. А. Шахматов, вскоре произошел какой-то конфликт, о котором глухо говорит та же Софийская первая летопись. Сделавшись Киевским князем, Ярослав продолжал держать в Новгороде посадником Константина Добрынича. «Можно догадываться,— говорит А. А. Шахматов,— что Ярослав разгневался на новгородского посадника Константина Добрынича за то, что он, опираясь, вероятно, на новгородскую знать, предпринял те или иные шаги к расширению своей власти и ограничению власти князя»¹⁵⁴

¹⁵³ М. Дьяконов. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. СПб., 1910, стр. 79.

¹⁵⁴ А. А. Шахматов. Разыскания..., стр. 509.

(«Коснятинъ же бяше тѣгда Новѣгородѣ, ѿ разгневаня на нь Ярославъ, ѿ поточи ѿ Ростову; на третье же лѣто повелѣ убити в Муромѣ, на Оцѣ рѣцѣ»). Очевидно, что между сборами среди новгородцев в пользу Ярослава в 6526 (1018) г. и грамотой Ярослава новгородцам имеется внутренняя причинная связь, которая дает основание отнести составление Ярославовой грамоты, согласно Софийской первой летописи, к 6527 (1019) г.

Приготовления Ярослава к походу на Киев начались вскоре после 14 августа 6526 (1018) г., когда «мать городов русских» была занята Болеславом. Тут, думается, болес, нежели перед первым походом Ярослава на Киев, уместны хронологические выкладки А. А. Шахматова относительно того, что сборы эти «заняли несколько месяцев, в течение их мог быть произведен указанный денежный сбор в Новгороде и могли быть наняты Варяги за морем». Таким образом, если приготовления начались даже в сентябре, то поход должно отнести к следующему, в данном случае, 6527 (1019) г. Напротив, в летописи еще под 6526 (1018) г. за известием о возвращении Болеслава в Польшу кратко сообщается: «Святополкъ же нача княжити Киевѣ, ѿ поиде Ярославъ на Святополка, и бѣжа Святополкъ в Печенѣгы». Заимствуя выражение А. А. Шахматова, примененное им опять-таки к первому походу Ярослава на Святополка, можно сказать, что «события представлены здесь в ускоренном темпе». Летопись, сделавшись подозрительно скупой на факты, изображает дело так: Ярослав двинулся на Киев, а Святополк бежал из Киева; не видно даже, чтобы киевский князь оказал, на этот раз, какое-нибудь сопротивление новгородскому, прежде нежели уступить ему престол. Битва при Альте, как она вошла в летопись, описывает неудачную попытку Святополка вернуть уже потерянный им Киев после того, как там стал княжить Ярослав. Может быть, дело так действительно и обстояло потому, что Святополк, посаженный в Киеве Болеславом, утратил свою прежнюю популярность среди киевлян, и те перестали оказывать ему поддержку. Представляется тогда загадкой, почему летопись об этом умалчивает. Наоборот, она тенденциозно ставит его во главе местного национального движения против завоевателей: по его распоряжению будто бы были уничтожены польские гарнизоны, расквартированные Болеславом по городам. Очевидно, в ходе событий этого времени, как они отразились в летописи, в промежутке между занятием Киева Болеславом в 6526 (1018) г. и изгнанием отсюда Святополка в 6527 (1019) г. налицо какой-то пробел. Пробел этот с известным основанием может быть восполнен текстом описания битвы на Днепре, как она дана в киевском варианте Лаврентиевского свода. Отнесенное там к 6524 (1016) г.

описание это укладывается скорее в рамки событий 6527 (1019) г. Киевский вариант, как указано выше, сообщает, что во время сражения в качестве союзников у Святополка были печенеги: вступлению их в бой помешало полузамерзшее озеро, за которым они стояли. Появление печенегов в роли военных союзников киевского князя осенью 6523 (1015) г. к северу от Киева и участие их в обороне последнего представляется неожиданностью. Начиная с последнего десятилетия X в. Киев, как мы видели, вел почти непрерывную оборонительную борьбу против печенегов, в последние годы жизни Владимира вновь усилившуюся. Титмар сообщает, что в 6521 (1013) г. печенеги принимали участие в первом, закончившемся неудачей, походе Болеслава против Владимира; под 6523 (1015) г., по сведению летописи, вместо заболевшего Владимира в поход против печенегов выступил Борис, которому будто бы не удалось встретить врага; в 6525 (1017) г., как было указано выше, печенеги осаждали Киев. В 6526 (1018) г. печенегов встречаем вновь в войске Болеслава, когда он занял Киев и посадил там Святополка. Только благодаря этому печенеги могли оказаться союзниками нового киевского князя, и присутствие их в лагере Святополка во время битвы глубокой осенью 6527 (1019) г. в этой новой для них роли защитников Киева — вполне понятно.

Есть еще мелкая, но характерная деталь, которая свидетельствует в пользу только что высказанного предположения. Если доверять Эймундовой саге, а в этом вопросе, думается, не доверять ей нет особых оснований, то хромота Ярослава была следствием полученной им во время боя раны.

Происхождение хромоты Ярослава от травматического повреждения голени полностью подтверждено результатами анатоми-рентгенологического обследования костяка Ярослава доктором А. Г. Рохлиным. Выше было показано, что доводы А. Г. Рохлина о том, будто повреждение это получено Ярославом значительно позже времени, охватываемого сагой, — не могут быть признаны бесспорными.

Между тем летопись не знает об участии Ярослава в боях до начала борьбы его со Святополком, т. е. до 6523 (1015) г., и если считать битву на Днепре первым эпизодом этой борьбы, то эпитет «хромец», которым с насмешкой наделяли киевляне новгородского князя, звучит анахронизмом. Е. А. Рыдзевская считает, что летопись могла здесь иметь в виду незначительную «в молодые годы мало заметную для окружающих» хромоту Ярослава в том только случае, если она о ней знала. На деле же ни «Повесть временных лет», ни Новгородская первая летопись сведений Тверской и Густинской летописей о болезни Ярослава в детстве не имеют. Эти противоречия устра-

няются, если сражение при Днепре отнести к 6527 (1019) г. Ярослав был ранен в ногу, как это рассказывает Эймундова сага, во время осады Киева печенгами, которая, как было показано выше, относится к 6525 (1017) г., и спустя два года, в 6527 (1019) г. «воевода Святополч» имел поэтому полное основание испытывать выдержку новгородцев язвительным вопросом: «Почто придосте съ хромчѣмъ тѣмъ? а вы плотници суще, а приставим вы хоромъ рубити». Смещение и искажение в летописи перспективы исторических событий этого периода — очевидно. Кроме только что разобранный случая перенесения событий 6528 (1019) г. в текст статьи 6524 (1016) г., выше было отмечено перемещение повествования об осаде Киева печенгами в 6526 (1017) г. в текст записи 6544 (1036) г. Путаница эта не была случайной, и ниже нам представится повод подробно остановиться на ее происхождении. Пока же можно предположить по аналогии, что фрагмент: «Святополкъ же нача княжити Киевѣ, и поиде Ярославъ на Святополка, и бежа Святополкъ в...» — находился ранее в тексте статьи 6523 (1015) г. и оттуда был позднее перенесен в конец статьи 6526 (1018) г., причем место, куда бежал из Киева Святополк, вместо «в Ляхи», для согласования с новым контекстом изменилось на «в Печенѣги». Впоследствии мы попытаемся установить элементы, из которых составлен сложный текст статьи 6523 (1015) г. Лаврентиевского свода, пока же отметим, что о вокняжении Святополка в Киеве в ней сообщается дважды: первый раз в контексте рассказа об убийстве Бориса: «Святополкъ же сѣдѣ Киевѣ по отци своемъ и съзва Киянѣ, и нача даяти им имѣнье», — и вторично в самом ее конце после рассуждения о юных князьях: «Святополкъ же окаянный нача княжити Киевѣ. Созвавѣ люди, нача даяти, овѣмъ корзна, а другимъ кунами, и раздая множество». Представляется возможным, что в последнем случае сохранился фрагмент какой-то независимой от «Сказания о Борисе и Глебе» статьи, повествовавшей о киевских событиях 6523 (1015) г., замененной позднее переработкой «Сказания». Остальной текст этой статьи Лаврентиевского свода приходится признать навсегда утраченным. В отношении Новгородского свода дело обстоит иначе. В статье 6524 (1016) г., как мы видели, там обнаруживается механическое соединение двух известий о битве Ярослава со Святополком у Любеча: первое дано как бы в форме краткой погодной записи, второе в виде распространенного описания с легендарными подробностями. Между ними как бы вставлен целиком избыточный реальными историческими подробностями новгородский рассказ о ссоре и примирении Ярослава с новгородцами и выступлении их в поход, непосредственным продолжением которого является упомянутое легендарное

описание. Соединение в статье в общее связное повествование источников столь разнородного характера и происхождения кажется искусственным; с другой стороны, соединение в пей двух описаний одной и той же битвы вряд ли могло быть случайным. Если, пользуясь теми же редакционными приемами, что и сводчик, проделать обратную работу и в изучаемой статье после слов: «и собра вой 4000: Варягъ бяшетъ тысяща, а Новгородовъ 3000, и поиди на нь», — выбросив весь дальнейший текст с легендарным описанием любечской битвы, приписать, вместо него, краткое известие, находящееся в самом начале статьи: «Бысть сѣца у Любца, и одолѣ Ярославъ, а Святополк бѣжа в Ляхы», — то первоначальную редакцию статьи можно, по-видимому, считать восстановленной. Выше было установлено, что весь цикл этих событий относится к 6523 (1015) г., под которым рассказ о них и был, вероятно, в свое время занесен в Новгородский свод.

Если исходить из данных этой первоначальной редакции статьи 6523 (1015) г. Новгородского свода, то события развертывались очень быстро. Святополк, находившийся в момент смерти Владимира 15 июля 1015 г. в заточении в Киеве, сумел захватить отцовский стол, но княжение его продолжалось не более 5—6 недель. Выступление Ярослава в поход, как мы установили выше, последовало вскоре после прибытия в Новгород гонца с известиями об этих событиях, т. е. в августе того же года. В конце этого месяца или в начале сентября, потерпев поражение при Любече, Святополк, видимо, прямо с поля битвы бежал в Польшу к своему тестю Болеславу. Этого кратковременного княжения мог не принять в расчет Титмар, как мы видели, утверждающий, что Святополк по смерти отца бежал в Польшу прямо из заключения. Изгнание Святополка продолжалось целых три года, и только 14 августа 1018 г., разбив наголову Ярослава на Буге, Болеслав, вместе со Святополком, занял Киев. Описывая в своей «Хронике» их триумфальное вступление в столичный город, Титмар имел полное основание говорить: «Urbs autem Kitawa... 19 Kalendas Septembris Bolislavum et quem diu amiserat Zentepulcum, seniore suum, suscepit»¹⁵⁵. Следовательно, между независимыми от «Сказания об убийстве Бориса и Глеба» известиями летописи о пребывании Святополка в 6523 (1015) г. в Киеве и данными о том же «Хроники» Титмара, при внимательном изучении первых, расхождений в вопросах хронологического порядка не обнаруживается, хотя «Хроника» и не знает о кратковременном княжении Святополка в этом году. Возможно, впрочем, что события в Киеве в 6523 (1015) г.

¹⁵⁵ Thietmari Chronicon, l. VIII, c. 16. Перевод см. выше.

развертывались несколько иначе. Киевское описание поражения Святополка на Днепре во всех, кроме Лаврентиевского, летописных списках содержит указание, что битва произошла около Любеча. Отсюда можно заключить, что краткое известие Новгородского свода относится к тому же событию 6527 (1019) г., как и киевское описание битвы на Днепре. Тогда приходится признать, что летопись вовсе не знает вооруженного столкновения Ярослава со Святополком, в результате которого последний был бы вынужден потерять захваченный им княжеский стол в Киеве. Выше мы видели, что версия об оставлении Святополком киевского стола без боя известна и Лаврентиевскому своду, но отнесена в нем неправильно к концу статьи 6526 (1018) г.: «Святополк же нача княжити Къевѣ, и поиде Ярославъ на Святополка, и бѣжа Святополкъ в Печенѣгы». Той же версии придерживался и Титмар, когда он писал в своей «Хронике»: «Ille rex (т. е. Владимир) plenus dierum obiit, integritatem hereditatis suae duobus relinquens filiis, tercio adhuc in carcere posito, qui postea elapsus, coniuge ibidem relicta, ad socerum fugit»¹⁵⁶.

Вопрос о том, какой из этих двух версий можно отдать предпочтение, за отсутствием положительных данных для его решения следует признать открытым.

«Сказание» определяет пребывание Святополка в Киеве в 6523 (1015) г. двумя датами: 24 июля (убийство Бориса) и 5 сентября (убийство Глеба). Дата убийства Бориса дана в нем с предельной точностью: указаны не только месяц и число, но день недели и время дня этого события, причем не только по греческому, но и по римскому календарю. Версия убийства на Альте сообщает, что накануне «в день субботный» благочестивый Борис «повелѣ пѣти вечернюю», затем после кратковременного сна в шатре «възбънувъ рано, яко годъ есть утрении, бѣ же въ святую недѣлю, рече къ прозвутеру своему: въставъ начьни заутрнюю». К концу службы убийцы, ворвавшись в шатер, набросились на мученика «и абие успе, преда душу свою в рущѣ бога жива, мѣсяца июля въ 24 день, прже 9 каландѣ августа». На первый взгляд эта дата представляется вполне реальной: 24 июля в 6523 (1015) г. действительно приходилось на воскресенье¹⁵⁷. Однако вопрос та-

¹⁵⁶ Thietmari Chronicon. L. VII. c. 52. Перевод см. выше, стр. 104.

¹⁵⁷ Находим это с помощью формулы, составленной Рязевским («Изв. Русск. астроном. общ.» СПб. 1899 г., вып. VIII. № 4—6, стр. 33—50). H (характеристика дня недели) = $R_7(G + M + D)$; где G — характеристика года, M — месяца, D — дня; R_7 — остаток от деления на 7 (символ). Для отыскания G используется формула: $G = R_7(n + Q_4n) - R_7m$, где m — частное от деления года на 100, n — последние две цифры года, Q_4n — частное от деления n на 4:

$1015 = 100m + n$; откуда $m = 10$; $n = 15$; $G = R_7(15 + 3) - 3$, т. е.

ким путем еще не решается. За рассказом об убийстве на Альте в «Сказании» приводится другая версия, по которой мученик был умерщвлен двумя варягами «на бору», когда его везли, закутанного в шатер. Текст нового варианта также заканчивается словами: «и тако скончася, и въсприять неувядаемый въньць». Объединяя обе версии в виде двух последовательных моментов того же самого события, автор «Сказания» столкнулся с затруднением, которого преодолеть не сумел. У него получилось противоречие хронологического порядка: князя везли, очевидно, к месту его погребения в Вышегород, путь в который проходил через Киев, а бор, о котором идет речь, находился между Киевом и Вышегородом, т. е. на расстоянии более однодневного пути от Альты. Следовательно, убийство «на бору» произошло не в воскресенье 24 июля, а позднее. Сводчик, вносящий позднее «Сказание» в летопись, легко обошел это противоречие, опустив в своем повествовании дату 24 июля; составитель же «Сказания» по причинам, которые будут выяснены ниже, не мог отказаться от даты 24 июля, обнаруживая таким путем, что подлинная дата смерти Бориса определенно известна ему не была. В связи с этим обстоятельством А. А. Шахматов высказал ряд соображений, основанных на том, что от X и первой половины XI в. летопись сохранила развернутые даты одних лишь церковных событий, а из светских — только день смерти Владимира — 15 июля 6523 (1015) г. Не считая это явление делом случая, А. А. Шахматов различает два самостоятельных источника, данные которых вошли в летопись: древнейший, повествующий о событиях до 6569 (1061) г., в которых даты вообще отсутствуют, и более поздний, обнаруживающий стремление датировать события. Первый из них, как полагает А. А. Шахматов, составлялся на основании устных преданий о событиях; второй — по записям их современников и очевидцев¹⁵⁸.

«Сказание чудес святую страстотърпцю христову Романа и Давида» (Роман и Давид — христианские имена Бориса и Глеба), составляющее как бы продолжение житийного «Сказания» в большинстве списков последнего, содержит, между прочим, описание перенесения мощей братьев при Ярославе во вновь отстроенную церковь св. Василия в Вышегороде. В заключительной части этого описания сказано: «И уставша праздники пражьновати мѣсяца июлия въ 24 день, вънь же день убисъ прѣблаженый Борис, въ тѣ же день и църкы священа и пренесена быста святая»^{158a}. Вместе с тем в описании победы Ярослава при

$G = R_7 \cdot 18 - 3$, или $G = 1$. Характеристика июля $M = 3$; характеристика $D - R_7 \cdot 24$, или $D = 3$. Поэтому $H = R_7(1 + 3 + 3)$; $H = 0$. Следовательно, 24 июля приходилось на воскресенье, а 23 — на субботу.

¹⁵⁸ А. А. Шахматов. Разыскания. ., стр. 398.

^{158a} Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 55.

Альте, кроме справки «бѣ же пятькъ тѣгда», хронологических указаний не имеется; но 24 июля, как установил А. А. Шахматов, в 6527 (1019) г. приходилось также на пятницу. «Есть основание полагать, — замечает он по этому поводу, — что победа эта произошла 24 июля: это обстоятельство еще более усиливало связь между местом победы и местом убийства, которое было отнесено также к 24 июля». Обнаружив совпадение месяца и числа убийства Бориса, поражения, нанесенного виновнику его гибели, и перенесения мощей обоих братьев, таким путем получающееся, А. А. Шахматов пришел к новому заключению, что 24 июля было собственно днем победы Ярослава над Святополком. «В честь этой победы была выстроена церковь на Летском поле; ко дню 24 июля приурочена уже только впоследствии кончина Борисова». Исходя затем из предположения, что описание Альтской битвы — летописного происхождения, А. А. Шахматов считает, что источником для летописи послужило не устное предание, основанное на рассказах очевидцев, а записи о чудесах святых, регистрация которых велась при церкви св. Василия в Вышегороде, где были погребены братья. Записи чудес, по мнению А. А. Шахматова, предшествовало «краткое сообщение о том, как попали мощи, сначала Бориса, потом Глеба, в Вышегород; следовательно, она упоминала о убийении их наветыми Святополком убийцами... о поражении его Ярославом в битве на Альте... а также, вероятно, и о построении храма на месте этой битвы». Все это, замечает А. А. Шахматов, «как можно думать, излагалось весьма кратко и вне той общей исторической оправы, которую сумел дать заимствованному из нее рассказу составитель Древнейшего свода». Свой перечень событий, даты которых, как он думает, были известны составителю Древнейшего свода, но были в последнем сознательно опущены, А. А. Шахматов заканчивает замечанием: «В статье 6527 г. мы находим еще более резкое указание на опущение составителем свода даты, бывшей ему известной, данной одним из его источников: день битвы при Альте между Ярославом и Святополком определен, как пятница: «бѣ же пятькъ тѣгда»; слова же «24 июля», несомненно, сопровождавшие это определение, не повторены Древнейшим сводом, как видно, из отсутствия их в «Повести временных лет»¹⁵⁹.

Приведенные нами соображения А. А. Шахматова не все в равной мере убедительны. Существование при церкви св. Василия в Вышегороде, где были мощи братьев, особых кратких записей о чудесах, ими творимых, как представлял себе эти записи П. В. Голубовский, — факт весьма вероятный. Однако предположение А. А. Шахматова, будто в виде введения к ним были даны краткие

¹⁵⁹ А. А. Шахматов. Разыскания..., стр. 475—476.

сведения о судьбе Бориса и Глеба, ничем, в сущности, не подтверждается. Полное совпадение месяца и числа трех последовательных событий, имеющих между собой внутреннюю как бы мистическую связь, — явление несомненно искусственное, долженствовавшее подчеркнуть эту связь. Мнение же А. А. Шахматова, будто из этих трех точных дат основной и реальной была восстановленная им дата Альтской битвы, вызывает сомнение. Эпизод, к которому она относится, кажется настолько легендарным, что ни о какой ее точности не может быть и речи. Помимо того, как мы установили выше, источником статьи 6527 (1019) г. послужил соответствующий отрывок «Сказания», где месяца, числа и дня недели события не указано. Следовательно, аргументация А. А. Шахматова, основанная на предположении, будто составитель Древнейшего свода, строго следуя определенному принципу, опускал в своем повествовании даты нецерковных событий, для данного случая доказательной силы не имеет. Вопрос, поставленный А. А. Шахматовым, решается иначе. Из трех расматриваемых дат только одна имеет реальное значение. Это — месяц и число освещения нового пятиглавого храма св. Василия в Вышегороде, отстроенного Ярославом взамен сгоревшей ветхой церкви, возле которой до того лежали зарытые в землю останки Бориса и Глеба. Эта дата сохранялась в богослужебном обиходе вышегородского храма на первых порах как местный годовой праздник в память освещения храма, а не в честь князей, канонизация которых была тогда еще делом будущего. Правда, «Сказание чудесь» как бы выдвигает здесь на первый план Бориса и Глеба, но описание освещения храма при Ярославе было составлено гораздо позднее самого события на основании устных преданий. Что же касается даты убийства Бориса — «мѣсяца иулиа в 24 день преже каландъ агуста», то она представляет явно перевод латинского *Julio XXIV ante diem IX Kalendas Aug.* В русской церковной практике счета времени по календам не производилось. Можно, поэтому, допустить, что обозначение даты смерти Бориса взято из какого-то источника западного происхождения. Указание на день недели: «бѣ же въ святую недѣлю» — легко могло быть установлено самим автором «Сказания». Опыт в этом отношении в русской церковной практике был, так как ежегодно составлялось расписание богослужения так называемых «переходящих» праздников, находившихся в зависимости от дня Пасхи («Триодь постная» и «Триодь цветная»). «Пасхалии» же за прошлое время с начала XI в. несомненно хранились тогда в записях киевских храмов.

Таким образом, не только место, но и время убийства Бориса известны не были. Подобным же образом обстояло дело и с убийством Глеба, предания о котором, как мы видели, еще более отрывочны и туманны.

Дошедшая в рукописи XV в. повесть «О водворении христианства в Муроме» сохранила обрывки местного, видимо, предания о княжении Глеба в Муроме. Жители Муромы, закоренелые язычники, отвергли князя-христианина и «не крестившася но противляхуся ему». Вынужденный «отъехать от града на 12 поприщъ» на реку Ишню, Глебъ «тамо пребываше до представления святого си отца». Далее сообщается лаконически об умерщвлении Глеба «на Смядыни-рѣцѣ отъ злыхъ убійцъ, подосланных Святополком»¹⁶⁰. Не трудно видеть, что муромское предание обстоятельства гибели Глеба делает еще более загадочными. Если принять версию «Сказания», что Глеб убит 5 сентября, то в промежуток от 24 июля до дня его гибели должны были уложиться два параллельных ряда последовательных событий: I-й ряд: из Киева идет известие об убийстве Бориса в Новгород к Ярославу, а затем уже послы Ярослава прибывают к Глебу в Муром, или почему-то прямо к Смоленску; II ряд: посольство Святополка прибывает к Глебу в Муром, и в ответ на него Глеб сухопутным путем едет до Волги и потом по воде до Смоленска. В промежуток между убийством Бориса и убийством Глеба эти события едва ли могли уложиться, и дата 5 сентября представляется в равной мере искусственной, как и дата убийства Бориса. Предание, видимо, знало только о том, что погребение Глеба в Вышегороде произошло через некоторое время после гибели Бориса. Судя по этому, можно думать, что Глеб погиб позднее брата. На каком основании дата его смерти приурочена к 5 сентября 1015 г., — установить невозможно.

Не меньшим туманом окутана и смерть Святополка. Справка О. И. Сепковского, что обозначение места гибели Святополка «межи Чахы и Ляхы» — перевод польской поговорки, обозначающей: никто не знает, где и как, — подтверждается розысканиями по этому поводу И. Е. Забелина, который установил, что эта поговорка ходила в XVIII в. у Лужицких сербов, а в XIX в. — даже у нас в Архангельской губернии и обозначала то же понятие неопределенности. «Мы полагаем, — писал И. Е. Забелин, — что в летописи выражение носит в себе следы народной пословицы, которую южный летописец, зная, где живут Чехи и Ляхи, растолковал географически, как показание местности, для чего и прибавил в пояснение, что Святополк пробежал Ляшскую землю. В новгородской летописи известие о гибели Святополка читалось: «И бѣжа Святополкъ в Печенѣгы, и бысть межи Чахы и Ляхы, никим же гонимъ, пропаде окаянныи, и тако злѣ животь свой сконча, яже дымъ и до сего дни

¹⁶⁰ «Памятники старинной русской письменности, издав. графом Кушелевым-Безбородко». СПб., 1860, стр. 229.

есть». Несомненно, этот текст древнее того, котсрый мы находим в киевской летописи. Здесь присутствие народной поговори яснее, вследствие чего выходит, что Святополк пробежал в Печенеги и там пропал без вести, исчез как дым, неизвестно где; и до сего дня неизвестно, как пропал»¹⁶¹. Интуиция И. Е. Забелина подтверждает наш вывод, что битва на Днепре была окончательным поражением Святополка, после которого след его затерялся. Древнейший исторический вариант описания этой битвы в Новгородском своде сообщает как раз о бегстве Святополка «в Печенѣги»; позднейший же легендарный вариант Лаврентиевского свода, где говорится о бегстве его «в Ляхы», воспроизводит версию «Сказания» с ее легендарным маршрутом: через Берестию и Ляцьскую землю в ту же мифическую пустыню «межи Чахы и Ляхы».

В Эймундовой саге этот мотив отразился слабо и в контексте иного содержания. Местопребывание и судьба потерпевшего поражение Бурислейфа — Святополка дважды были тревожной загадкой для Ярислейфа, но слухи о его гибели оба раза оказывались ложными: Бурислейфу было суждено умереть от руки самого Эймунда.

Весь 9-й эпизод Эймундовой саги посвящен описанию того, как Эймунд умертвил конунга Бурислейфа¹⁶².

В конце предыдущего эпизода «Об Эймунде» рассказано о размолвке Эймунда и его сотоварищей с Ярославом из-за жалованья. После того как нападение ярмийцев, приведенных Бурислейфом, было отражено доблестными варягами и прошел слух, что Бурислейф погиб, Ярислейф, почувствовав себя в безопасности, стал задерживать уплату варягам жалованья. Во время переговоров по этому поводу Эймунд дал понять скупому князю, что враг его жив и готовится к новому нападению: «С ним идет небегущее (т.е. храброе) войско¹⁶³; это Турки и Бело-Куманы и многие другие злые (т.е. хищные) народы¹⁶⁴. Я слышал, — и это очень вероятно, — что он отступится от христианской веры и даже намерен поделиться областями с теми злыми народами¹⁶⁵, если отнимет у вас весь Гардарик; но когда так будет, как он думает, то весьма уповательно, что всех ваших родных прогонит он из этой земли с посрамлением». Встревоженный этим Ярослав пошел на уступки. Согласившись попрежнему защищать его от врага, Эймунд заметил, что лучше

¹⁶¹ И. Е. Забелин. История русской жизни, ч. II. М., 1879, стр. 451.

¹⁶² О.И. Сенковский. Собр. соч., т. V, стр. 543—550.

¹⁶³ Латин. перев. саги: «invictusque exercitus», т.е. «непобедимое войско».

¹⁶⁴ Латин. перев.: «aliae ferae nationes», т.е. «другие дикие народы».

¹⁶⁵ Латин. перев.: «barbaris illis nationibus», т.е. «с теми варварскими народами».

всего было бы убить Бурислейфа, когда представится к тому случай. Ярослав ответил уклончиво: «Ни настраивать никого не стану к личному (грудь на грудь) сражению с конунгом Бурислейфом, ни порицать кого-либо, если он будет убит». Слова Эймунда сбылись: Бурислейф вскоре вступил в Гардарик «с огромной ратью и многочисленными злыми народами». В мудрых советах Эймунда слышны отголоски воспоминаний о походе Болеслава на Русь в 1018 г. Бурислейф здесь двуликий: это — Болеслав и вместе с тем Святополк. Он идет против Ярослава с победоносным войском пестрого этнографического состава: злые турки — по-видимому, вспомогательный отряд венгров, о котором знал Титмар. В результате похода Бурислейф — Святополк стал владетелем Гардарика, а его alter ego Бурислейф — Болеслав, видимо с ведома зятя, занял Червенские города. Даже связи Святополка с католической миссией, направляемой Болеславом I, отражены сагой, хотя в искаженном, правда, виде — в предостережении Эймунда: Бурислейф собирается отступить от христианской веры. Сага рисует здесь Ярослава с несимпатичными чертами, скупым хитрецом, в душе способным на братоубийство и склонным сложить ответственность за него на других. Характеристика эта противоречит репутации благочестивого и просвещенного правдолюбца, которой наделила Ярослава монашеская традиция, и сближается с несколько насмешливым и пренебрежительным отношением к этому князю со стороны киевской дружины, которое отметил И. А. Линниченко¹⁶⁶.

Заручившись полусогласием Ярослава, Эймунд приступил к осуществлению своего замысла. Для этого он со своим родственником и помощником Рагнарм выехал верхом из города рано утром, захватив отряд из 10 соотечественников и лошадь, с припасами и оружием. «Так ехали они далеко, переодетые все в купеческое платье: никто не знал ни цели этого путешествия, ни какие они замышляют хитрости. Они вступили в какой-то лес и ехали весь этот день, пока не настала ночь: потом выехали из лесу и прибыли к одному большому дубу, где была прекрасная поляна и много ровного места. Конунг Эймунд сказал: «... Здесь непременно Бурислейф велит раскинуть палатки: мне сказывали, что он всегда учреждает стан подле самого леса, если только дозволяет местоположение, чтоб было куда спастись в потребном случае». Затем в саге подробно описано, как Эймунд и его соратники, нагнувши дерево так, что ветви касались земли, привязали к его вершине крепкий корабельный канат, оба конца которого затем закрепили внизу. Едва

¹⁶⁶ И. Линниченко. Взаимные отношения Руси и Польши..., стр. 93.

они устроили эту гигантскую пружину, как послышался шум. Удалившись поспешно в чащу леса к своим коням, «увидели они огромную рать и богатую колесницу, за которою следовало множество мужей: впереди ее несли знамя. Ратные люди распространились до (кряжа) леса». Расположившись, как это предвидел Эймулд, лагерем, они раскинули для конунга роскошную палатку из четырех полос, с высоким вымпелом наверху, и, с наступлением вечера, приступили к ужину. Переодетый нищим с бородой из козьих волос Эймулд обошел все палатки, собирая подаяние. Наступила ночь, люди, утомленные и сильно пьяные, крепко заснули. Когда все стихло, Эймулд с Рагнармом и третьим варягом, пробравшись осторожно, привязали другой веревкой вымпел палатки Бурислейфа к вершине дерева; к каждому из концов веревки, поддерживающей дерево, было поставлено им по человеку с топором. По данному знаку они перерубили веревку, — и дерево «выпрямилось сильно и мгновенно, сорвав (на воздух) всю палатку, которую далеко забросило в лес». Огни внутри палатки погасли. Эймулд, запомнивший с вечера место, где должен был спать конунг, двинулся туда и быстрым ударом нанес смерть ему и многим другим. «Достав Бурислейфову голову в свои руки, он пустился бежать в лес — мужи его за ним — и (Турки) их не отыскали. Оставшиеся в живых Бурислейфовы мужи были поражены ужасным испугом от этого страшного приключения, а Эймулд с своими людьми ускакали прочь. Они прибыли домой (в Киев) утром, очень рано и пошли прямо в присутствие конунга Ярислейфа, которому, наконец, донесли с достоверностью о (последовавшей) кончине конунга Бурислейфа. «На, вот тебе голова, государь! Можешь ли ее узнать?» (воскликнул Эймулд). Конунг покраснел при виде этой головы. Эймулд молвил: «Этот великий подвиг храбрости совершили мы, Нордманны, государь! Прикажите же теперь прилично похоронить вашего брата, с надлежащими почестями». Конунг Ярислейф отвечал: «Опрометчивое дело вы сделали, и на нас тяжело лежащее! Но вы же должны озаботиться и его погребением. Ну, какой ряд станут теперь рядить те, которые ему следовали?» Эймулд сказал: «Я полагаю, что они соберутся на вече, и будут друг друга подозревать в этом деле, потому что нас они не приметили. Поссорившись, они разойдутся, не станут более доверять одни другим и побредут толпами восвоея. Я уверен, что немногие из них будут думать о пристроении (тела) своего конунга». Вслед за тем Нордманны вышли из города и поехали тем же путем в лес. Они прибыли к стану. Там дело сбылось так, как предполагал Эймулд: Бурислейфовы люди все ушли прочь, перессорившись между собою. Эймулд отправился на поляну: на ней лежал труп конунга, а при нем не было ни одного мужа. Они срубили гроб, приложили

голову к телу и поехали с ним домой (в Киев). Тогда и сделалось погребение его известным многим лицам»¹⁶⁷.

За исключением эпических украшений, вроде пружины из согнутого дуба и переодевания героя нищим, долженствующих во всем блеске показать его находчивость и хитроумие, эпизод представляет довольно реальное описание какого-то политического убийства, совершенного варягами Ярослава в первые годы княжения последнего в Киеве. Исследователи, так или иначе касавшиеся содержания этого эпизода, начиная от составителей латинского введения к первому изданию саги и кончая А. И. Лященко, признавали несомненным, что жертвой удалых варягов был Святополк. Мнение это основывалось главным образом на том, что сага называет убитого Бурислейфом, под именем которого, кроме Болеслава, в других ее эпизодах разумеется Святополк, и что эпизод о его умерщвлении представляет заключительную часть повествования о подвигах Эймунда в войнах Ярослава со Святополком. Свидетельство саги о смерти Бурислейфа представляется А. И. Лященко, если отнестись к нему без предвзятого недоверия, правдоподобным, более правдоподобным, нежели версия летописи. В летопись оно не могло войти, и «было заменено там рассказом о бегстве и душевном преследовании Святополка», — как думает А. И. Лященко, — «по особым основаниям, заключавшимся в том, что летописный сводчик, следуя монашеской традиции отношения к Ярославу, не мог допустить свидетельства хотя бы о косвенном участии Ярослава в убийстве Святополка»¹⁶⁸. Доводы А. И. Лященко вызывают ряд сомнений. Если это не случайная обмолвка или неточное выражение его мысли, то исследователь исходит в своих выводах из абсолютно ничем им не подтверждаемого положения, будто составитель летописного свода знал об убийстве Святополка-Бурислейфа варягами Ярослава и имел в своем распоряжении запись этого события. Только обосновав это положение достаточно убедительно, можно было бы говорить о том, что составитель летописного свода, не желая компрометировать Ярослава, предпочел дать другой вариант. Между тем этого основного положения, не находящего себе подтверждения ни в одном из источников, А. И. Лященко не доказывает, ссылаясь на него как на бесспорный общеизвестный факт. Спорным представляется и второе положение, принятое А. И. Лященко, а именно — будто Бурислейф, об умерщвлении которого Эймундом рассказывает сага, — Святополк. Дело в том, что описание в саге этого события в ряде существенных подробностей совпа-

¹⁶⁷ О. И. Сенковский. Собр. соч., т. V, стр. 543—549.

¹⁶⁸ «Известия Академии наук», 1926, т. 20, № 12.

дает с убиением Бориса, как о нем повествуют «Сказания», а за ним и летопись.

Сходство обнаруживается начиная с данных о месте убийства Бориса и Бурислейфа. Исландцы в поисках своей жертвы «вступили в какой-то лес» и вторично за телом убитого «поехали тем же путем»; на обратном пути убийцы Бориса проезжали через «бор». Норманны ехали до места, где остановился станом Бурислейф, «весь этот день» с раннего утра; расстояние от Киева до Альты равнялось дневному пути. Умерщвление Бурислейфа произошло «на прекрасной поляне», окруженной лесом; в описании Альтской битвы, происшедшей на месте, «идеже бѣ убиении святыи Борисъ», упоминается какое-то поле: «покрыша поле летское множествомъ вои». Лес, из которого исландцы наблюдали приближение Бурислейфа, мог быть лесом, в древности окаймлявшим Альту, как и другие наши реки.

Самая обстановка убийства Бориса, как она передается преданием, напоминает умерщвление Бурислейфа. И то и другое событие происходило глубокою ночью. Бурислейф, подобно Борису, расположившись для ночлега станом, находился в шатре, когда напали на него убийцы. Само число убийц Борисовых «путьша, тальць, елович, люшко» почти совпадает с группой из шести переодетых в кучеческое платье норманнов, которые приняли непосредственное участие в нападении на Бурислейфа, тогда как остальные шестеро оставались в стороне у лошадей. Убийцы в обоих случаях ворвались в шатер и сопротивления не встретили. Избиение ограничилось княжеской палаткой: Эймунд «двинулся туда и быстрыми ударами нанес смерть ему (Бурислейфу) и многим»; Альтское предание: «избиша же и отроки многы». После этого норманны поспешили скрыться; то же самое, вероятно, должны были сделать и немногочисленные убийцы Бориса. Тревога в княжеской палатке не могла пройти совсем незамеченной для окружающих. Какая же картина открылась их глазам? Все находившиеся в княжеской палатке перебиты, и среди трупов один обезглавленный. В саге рассказывается, что голова его была увезена удалыми норманнами; в «Сказании» говорится о Георгии: «отѣкъше главу отъвъргоша ѿ кромѣ». Так или иначе — головы не было. В паническом ужасе дружина разбежалась. Сага устами Эймунда передает те настроения, которые вызвали этот уход: «Я полагаю, что они соберутся на вече и будут друг друга подозревать в этом деле, потому что нас они не приметили. Поссорившись, они разойдутся, не станут более доверять одни другим и побредут толпами во свояси».

На фоне таких настроений не отразившийся в «Сказании» и сохранившийся только в Тверской летописи отрывок местных киевских преданий о попытке убийц, возивших тело Борисово в

ладь по Днепру, пристать к Кієву находит свое реальное объяснение и значение: «И привезше (тело Борисово) на Днѣбрь, вложиша его в лодію, и приплувше съ нимъ подъ Кієвъ; кіане же не пріаша его, отпхнуша прочь»¹⁶⁹. Самый уход дружины от Бориса, расположившегося лагерем на берегу Альты, причина которого в «Сказании» кажется натянутой и искусственной, — объясняется сагой вполне правдоподобно. Подобное же совпадение можно проследить и далее. Что можно было найти на месте умерщвления Бурислейфа «послѣдь», когда страх понемногу рассеялся? Обезглавленный труп исчез: его увезли возвращавшиеся за ним норманны. Альтское предание гласит: «И послѣдь не могоша познати тела его» (Георгия Угриня). Что могли видеть встретившиеся «на бору» норманнов с трупом Бурислейфа? Небольшой отряд варягов, везущих чье-то закутанное в палатку тело. Подобно Борису, Бурислейф был привезен «домой», и «о погребении его» также «стало известно многим людям». Нетрудно установить, как из элементов обоих преданий — Альтского и «на бору» — выделилось и образовалось особое предание о Георгии Угрине, самоотверженным отроке Бориса, на которого князь в знак любви «взложил гривну злату». Альтское предание не содержит показаний очевидцев самого убийства Бориса: оно фиксирует наблюдение лиц, заставших следы происшедшего, когда убийцы уже скрылись. А здесь можно различить два последовательных слоя наблюдений: во-первых, в ближайший после нападения момент и, во вторых, «послѣдь», спустя некоторое время, когда можно было внимательнее и спокойнее рассмотреть, что случилось. Наблюдения первой категории не могли быть точными и отчетливыми. Среди ночного мрака охваченные паническим ужасом дружинники замесили в шатре среди убитых чей-то обезглавленный труп. Труп Георгия не видели, и «послѣдь» он не был опознан. Известный труп, обнаруженный по свежим следам преступления, есть первый элемент, из которого сложилось предание о Георгии Угрине. Версия «на бору» косвенно отрицает обезглавливание Бориса: «Начать въскланяти святую главу свою... и прободаша и мечьмъ въ сердце». Русские предания вовсе не знали об обезглавливании Бориса — это второй момент, способствовавший образованию легенды о Георгии. Если не Борису, то кому же принадлежал обезглавленный труп? Ответ на это дали преданию наблюдения категории «послѣдь»: они не находят Георгия ни среди живых, ни среди убитых: «не познаша тѣла его». Георгий исчез, а одновременно с тем не стало и трупа. Вывод ясен: исчезнувший труп принадлежал Георгию. Любопытно, что Георгий был, кажется, реальной личностью: сага

¹⁶⁹ ПСРЛ, т. XV, стр. 127.

в другом, правда, контексте сообщает, что Эймунд с своими мужами «убили Бурислейфова хоругвеносца».

Сравнительный анализ обстановки убийства Бориса на Альте и умерщвления Бурислейфа эймундовскими варягами вскрывает совпадение наиболее характерных подробностей и наводит на мысль, что «Сказание» и сага описывают одно и то же событие. Сближение может быть проведено и дальше.

Смелое дело доставило варягам вместо триумфа только заботы и неприятности, Ярислейфа же привело в смущение и замешательство. Когда герой самодовольно представил ему вещественное доказательство своего подвига — голову убитого, «конунг покраснел при виде этой головы» и сказал с укором: «Опрометчивое дело вы сделали и на настояжко лежащее! Но вы же должны озаботиться о его погребении». Русское предание этой сцены не знает: она была известна одним варягам, но о дальнейших событиях оба предания сообщают одно и то же, как бы дополняя друг друга. Сага подчеркивает, что Бурислейф был погребен без «надлежащих почестей». Варяги сами срубили деревянный гроб, положили в него тело с приставленной головой и повезли к месту погребения¹⁷⁰. Русские предания указывают маршрут и некоторые подробности перевезения тела Бориса: до Киева в ладье по Днепру, отсюда до Вышегорода на колесах. В пути «на бору» произошло какое-то замешательство, кортеж приостановился, и наблюдатели издали видели возле покойника, обернутого в шатер, двух варягов с обнаженными мечами. Тело Бориса было доставлено в находившийся в 14 верстах от Киева Вышегород и зарыто в той же «раць древянѣ» у церкви св. Василия, на общем кладбище, а не внутри храма, как хоронили русских князей начиная с Владимира. Это было сделано тайком, чтобы избежать огласки, и о совершившемся погребении знали немногие даже в Вышегороде: «Не вѣдяху мѣнози Вышегородѣ лежащую святою мученику», — сообщает «Сказание чудесь». Самая могила ничем, видимо, не отмеченная, была заброшена, и, по свидетельству того же источника, на нее ступали ногами случайные прохожие. Время было тревожное. Поход Болеслава и борьба Ярослава со Святополком отвлекали внимание. На фоне их смерть ростовского князя не была крупным событием. Возле могилы Бориса так же незаметно выросла другая — где-то и как-то погибшего Глеба, погребенного, впрочем, с соблюдением церковных обрядов. Однако слухи о загадочной трагедии, идущие со стороны Альты и Киева, не изгладились в народной памяти и встретились, в конце концов, с местными вышегородскими толками о неизвестном покойнике, привезенном и наскоро зарытом варягами у храма. «И о погре-

¹⁷⁰ О. И. Сенковский. Собр. соч., т. V, стр. 548—549.

бении его» (Бурислейфа) «стало известно многим», — поясняет сага. Внезапность ночного нападения на Альте, вселившая смятение и ужас, следы кровавого избиения, гряда трупов и среди них один обезглавленный, затем куда-то исчезнувший, — все это непонятное, необъяснимое и отрывочное, равно как и погребение убитого князя, окутанное какой-то тайной, вызывало мистический страх, сострадание к погибшему, интерес к его загадочной участи и идеализацию его личности. Вокруг вышегородских могил начала образовываться дымка религиозной легенды. Заговорили о чудесных знамениях, простых и наивных. «Овогда бо на мѣстѣ, идѣж лежаста, видяху стѣльшъ огньнѣ стоящѣ и овогда ангелы поюща слышааху и то слышаще и видяще, людии вѣрнии дивляхуся и славяху Бога, и проходяще поклоняхуся на мѣстѣ томѣ» — свидетельствует «Сказание чудесь». Слухи о чудесах стали распространяться дальше. «И пришьльцы мнози прихожааху отъ инѣхъ земль, и ови вѣровааху, слыщаще си, а друзии не вѣровааху, нѣ акы лъжю мняху»¹⁷¹. Наконец, поплатился за свое неуважение к могиле варяг: «Придоша единою Варязи близъ мѣста, идеже лежаста святая подѣ землею погребена, и яко единѣ вѣступи, томѣ часѣ огнь ишьдѣ отъ гроба и зажъже нозѣ его, и искочивѣ, начатѣ повѣдати, и нозѣ показывая своей дружинѣ опаленѣ и ожженѣ». Чудо произвело большое впечатление: «И отътолѣ начаша не смѣти близъ приступати, нѣ съ страхомѣ поклоняхуся»¹⁷². В довершение всего загорелся по неведомой причине верх деревянной церкви св. Василия. Церковное имущество было спасено, но храм сгорел дотла. Явное дело — это указывало, что останки князей должны покоиться в подобающем месте и почитании. Насильственная смерть Бориса, прошедшая в свое время почти незамеченной, выросла в событие крупного религиозного значения. «Повѣдаша же Ярославу о всемъ семь», — гласит «Сказание чудесь». Нелюбимый киевлянами князь шел на сближение с церковными кругами и дорожил репутацией благочестия, которую те ему создавали. «Потом истекло лето и зима, — ведет сомнительное свое летоисчисление Эймундова сага, — и нечего было делать: жалованье опять не отпускалось. Некоторыми людьми было представлено конунгу, что воспоминание об убийстве брата — великое дело». Смысл текста саги в латинском переводе имеет здесь иной оттенок: «Erant qui representarent, quam gravis esset fraternalis caedis memoria»¹⁷³. «Ка-

¹⁷¹ «Чтения...», 1870, кн. 1, стр. 18; Д.И. Абрамович. Жития..., стр. 53.

¹⁷² Там же.

¹⁷³ «Antiquitates russes d'après les monuments historiques des Islandais et des anciens Scandinaves», Copenhague, 1857, t.II. p. 195. Перевод: «Нашлись люди, которые указывали, сколь неприятно напоминание об умерщвлении брата».

жется, — писал по этому поводу О. И. Сенковский, — что ученый переводчик саги понял эти слова в том смысле, будто братоубийство унижало князя в глазах народа. Но братоубийство было тайное, и весьма немногие о нем знали; притом, подобные происшествия не считались тогда столь важными у народа, привыкшего к зрелищу разного рода семейных злодеяний. Придерживаясь точного значения слов подлинника, мы понимаем это место так, как изъяснили в переводе, то есть, что противники норманнов, знавшие тайный их поступок, говорили князю, что он не должен держать при себе тех, присутствие которых напоминает ему совершенное ими убийство его брата»¹⁷⁴. Так или иначе, участники и единственные свидетели гибели Бурислейфа вынуждены были удалиться, куда им заблагорассудится. Последнее объяснение их предводителя с конунгом Ярислейфом, конечно, не отразилось в русских преданиях. На уверения Эймунда: «А что касается до погибели твоего брата, то дело (с тех пор несколько не переменилось) и теперь так же, как было тогда, когда ты дал свое согласие», — Ярислейф ответил выразительным вопросом: «Что вы думаете теперь делать?». Угроза Эймунда перейти на сторону тогдашнего противника Ярислейфа — Вартилафа (Брячислава) решения конунга не поколебала. Отъезд Эймунда можно отнести к 6529 (1021) г., под которым летопись сообщает о борьбе Ярослава с Брячиславом. На этом известия саги относительно изучаемого цикла событий обрываются. О дальнейших событиях известно из «Сказания чудесь». «И призывавъ митрополита Иоана, съказааше ему все о святоу мученику, брату своею», — сообщает «Сказание чудесь» о Ярославе. Имевший, видимо, иные сведения об убийстве Бурислейфа, митрополит был потрясен: «И бысть преужасьнъ и въ усъмнении, таче и въ дързновени и въ радости и къ Богу. И ошьдъ отъ князя, събравъ клиросъ и все поповство, и повелѣ поити съ крыты Вышегороду. И придоша до мѣста, иде же лежаста святая. Бяше же съ ними и князь Ярославъ. И поставили же бяху ту кълѣтку малу на томъ мѣстѣ, идеже бяше церькы съгорѣла»¹⁷⁵. Вскоре гробницы с останками Бориса и Глеба были перенесены в эту часовню, а немного позднее — в построенный тут же пятиглавый храм, в день его освящения 24 июля. Версия об участии Святополка в убиении Бориса и Глеба была принята русской церковью, и смысл загадочной альтской трагедии стал менее туманным. Несколько, вероятно, позднее, во всяком случае до 1035 г., тем же митрополитом Иоанном была составлена первая церковная служба Борису и Глебу. Она отражает новую фазу в развитии изучаемой легенды: Борис и Глеб прославляются в ней

¹⁷⁴ О. И. Сенковский. Собр. соч., т. V, стр. 550—551.

¹⁷⁵ Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 53.

за свой мученический подвиг и христианские добродетели, но с мольбой о заступничестве непосредственно к ним церковь еще не обращается и молений к ним об этом не возносит, хотя и признает за их останками чудодейственную целебную силу. Характерна и самая трактовка мученического подвига Бориса и Глеба. Христианская церковь с первого века присваивала мученический венец пострадавшим за веру, и первомучеником считался ею архидиакон Стефан, побитый камнями после ожесточенных прений за веру «отъ сонма, глаголемаго Ливертинска и Киринейска и Александрийска, иже от Киликии и Асии». Враги вывели Стефана за черту города «и каменiemъ побиваху Стефана, молящаяся и глаголюща: «Господи Иисусе, прими дух мой». Преклонь же колѣна, возопи гласом велиимъ: «Господи, не постави имъ грѣха сего». И сия рекъ успе»¹⁷⁶. Поэтому церковная практика считала мучениками и тех, кто молился за виновников своей гибели. Этот мотив мы встречаем и в службе Борису и Глебу: «Дѣлы и учения Христовы исполняюща заповѣди и того повелѣния врагомъ не враждоваста, на убийение пришедшихъ ваю неправдѣно. Но, яко Стефану подобника първомученику молястася: «не постави имъ грѣха, глаголюща, челоуѣколюбче, боже нашъ, Исусе и Спасе душам нашим»¹⁷⁷. Право Бориса и Глеба именоваться первыми русскими мучениками подтверждено здесь ссылкой на аналогию их подвига с примером первомученика всего христианства Стефана. Молитва братьев за их убийц получила, как мы знаем, дальнейшее развитие в «Сказании». Облик Бориса и Глеба, как он рисуется в Службе Иоанна, носит отвлеченный аскетический характер. «Добродѣтели благочестивые всѣя»: «от юности душевное благородство», «разумное житие», исполнение христовых заповедей, отрешение от «вещь тлѣнныхъ», «зрѣние къ жизни грядущей» — черты условного аскетического идеала. Братья стремятся к нему сознательно с юных дней. «Уношьскы подвигъшася блаженная въздрасомъ свѣта, уностию о сластехъ, любѣве плѣтскыя не имѣста отинудъ, Божия писания почитающа, тѣмъ и просвѣщъся заповѣдми божествными, тьмаго погубиста князя»¹⁷⁸. Связанные братской любовью, они вместе жили и «душама и телесема чистая» пострадали. Из обстоятельств убийства Бориса служба Иоанна отражает весьма немного: «Ношии и тьмы сынове нарекъшеса противънии, въ ношии тя, къ Богу пѣния приносяща, копии събодоша, ходатаици твоему вѣнцо Романе, божествному бывше. Яко въ истину сыи подобникъ Бога възплъщъшагося, за убивающа тя теплѣ моляше тя, святе, яко вторый первомученикъ Стефанъ великий: сего ради с нимъ просла-

¹⁷⁶ «Деяния святых апостолов», гл. 7, стр. 59—60.

¹⁷⁷ Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 137.

¹⁷⁸ Там же, стр. 139.

вися»¹⁷⁹. Сравнение здесь восходит к Христу, который, когда его распинали на кресте, молился: «Отче, отпусти им, не ведают бо, что творят». Об убийстве Глеба Служба Иоанна не знает ничего и сообщает только о том, что убийцы бросили его тело и как оно было найдено: «Недовольни бывъше оканьни твои убица о убиени ти повъргоша нечъстивымъ звѣремъ на расхъщение, Давыде, богохранимыи... Купно ловяще пьрвѣ въ дубровѣ питающаяся и видяще свѣтъ отъ твоего лица яви сияющъ, «что се видѣни — друг къ другу глаголаху,—придѣте, видимъ преславное видѣни». Видѣвшы же чудо, проповѣдаша всѣмъ, Христа похваляюще, тебя съхраньшаго»¹⁸⁰.

Идущие из первых рук, от берегов Альты и из-под Смоленска сведения о простых и достоверных фактах — о том, что убийство Бориса произошло ночью, а тело Глеба было обнаружено охотниками, послужили основой религиозной легенды.

Иоаннова Служба называет по имени виновника гибели Бориса и Глеба: «Разгнѣвався братоубийца, яко Каинъ преже, Святоплькъ оканьный: явися законопреступнь и къ зависти убийство приплете, властью прельстивъ славолюбия, и отъмщениа правѣднаго не убъжа»¹⁸¹. Первый мотив злодеяния также восходит к Библии. Прототип Святополка, библейский Каин, позавидовал Авелю, жертву которого принял Бог. Глухой намек Иоанна на возмездие, постигшее Святополка, восходит в этих преданиях к тому же литературному прототипу. «Стеня и трясыйся будещи на земли» — таково было проклятие, наложенное на библейского Каина за братоубийство.

Изучение источников, об убийнии Бориса и Глеба, дало возможность восстановить обстоятельства, которые послужили толчком к образованию религиозной легенды вокруг смерти братьев-князей, и проследить, как развивалась эта легенда с момента появления в Вышегороде их могил. Остается неясным момент, когда могло произойти умерщвление Бориса и Глеба, описание которого внесено в летописную статью 6523 (1015) г.

Анализ русских преданий об убийстве Бориса и Глеба, получивших свою первую литературную обработку в «Сказании», и сопоставление их с отразившимися в Эймундовой саге скандинавскими преданиями приводит к выводам:

1. Сага, в основном, верно передает обстоятельства, вызвавшие гибель Бориса, что подтверждается всем ходом последующих событий, завершившихся канонизацией обоих братьев.

2. Русские предания, отрывочные, и противоречивые, не знали этих обстоятельств, а «Сказание» дает им искусственное

¹⁷⁹ Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 141.

¹⁸⁰ Там же, стр. 142.

¹⁸¹ Там же, стр. 140.

объяснение, приписывая организацию убийства братьев Святополку, а выполнение — преданным последнему вышегородцам.

На основе этих положений можно восстановить реальный исторический фон изучаемого события, ввести последнее в определенные хронологические рамки. Сага связывает смелый план Эймунда с ожидаемым нападением Бурислейфа во главе «небегущего войска из Турок, Бело-Куманов и многих других злых народов». Выше в другой связи мы мимоходом заметили, что сага говорит здесь о русском походе Болеслава в 1018 г. Этнографический состав Бурислейфовой «огромной рати» только на первый взгляд кажется фантастическим. Турки — это вспомогательный отряд Болеслава из 500 венгров; бело-куманы — ветвь половцев, близкие родичи союзников Болеслава — печенегов, вскоре сменившие последние в южнорусских степях; «многие другие злые народы» — саксонские латники Титмара и, конечно, поляки. Войска Болеслава уже готовились к походу и вторжение их, по мнению Эймунда, следовало ожидать «не более чем через полмесяца». В этот промежуток Эймунд и поспешил умертвить Бурислейфа. 22 июля Болеслав наголову разбил на Буге Ярослава, рассеял его киевскую дружину и наемные варяжские отряды. Об этих событиях сага стыдливо умалчивает, поскольку участие в них отнюдь не венчает новыми лаврами ее героя. В связи с выпадением в повествовании саги одиозной развязки назревавших событий место последней заступил единственный эпизод из этой эпопеи, в которой прославленные герои проявили обычные находчивость и мужество, не получившие, впрочем, ожидаемой оценки со стороны Ярослава. Ни Болеславу, ни Святополку не пришлось погибнуть от руки Эймунда: атрибуты убитого оказались другие.

Русское предание сообщает, что Борис погиб, возвращаясь из похода против печенегов. Печенеги были неизменно союзниками Болеслава в русских походах: они участвовали в его походе 1013 г., в 1017 г. осаждали Киев, а в 1018 г. составляли в войске Болеслава особый отряд. Печенежская конница могла служить авангардом при наступлении или резервом для диверсии с юга, со стороны степей. Если русское предание основано на действительном факте, то Борис во главе небольшой дружины был в разведке и, не встретив печенегов, возвращался обратно, когда его, как можно предполагать, настигла неожиданная смерть во время стоянки на Альте, в однодневном переходе до Киева, на подступах к последнему со стороны степи. Готовясь к выступлению в поход, Ярослав во избежание огласки поручил погребение Бориса убившим его варягам. 22 июля он потерпел поражение на Буге, а 4 августа Болеслав вступил в Киев, и киевским князем сделался Святополк. Ярослав и вероятные виновники смерти Бориса бежали, унося тайну альтской

трагедии. Как вокруг случайного эпизода, не оказавшего влияния на ход последующих крупных событий, складывалась религиозная легенда и виновником смерти Бориса и Глеба был признан Святополк, — мы уже знаем. Тем же факторам — действию времени и мистической тайне, окружившей событие, следует приписать и другой фон, в который перенесла его легенда.

Пребывание Святополка в Киеве русское предание отметило дважды: первый раз в связи с участием его в погребении Владимира в 1015 г. и вторично в 1018 г., когда он был посажен Болеславом на киевский стол. Предания были отрывочны и содержание их скудно. Предание помнило о попытке Святополка захватить киевский стол, о сторонниках его среди вышгородцев, позднее разгромленных Ярославом, и о раздаче киевлянам подарков. Из обстоятельств княжения Святополка в 1018 г. предание знало одни военные события и то, что было непосредственно с ними связано: поход Болеслава — начало княжения, и поражение, нанесенное Святополку Ярославом на Днепре, после которого следы побежденного затерялись где-то в дали печенежских кочевий. Подробности этих военных событий сохранились в преломленном эпической песнью виде. Предания о Борисе и Глебе развивались первоначально вполне самостоятельно, вне связи с именем Святополка. Когда к первой половине 30-х годов эта связь была искусственно установлена, существо и подробности ее оставались неясными и вызвали сомнения. Рука времени и нарастание религиозной легенды заглушили эти сомнения, стерли противоречия. 50 лет, которые прошли со времени убийства Бориса и Глеба и зарождения вокруг имен их религиозной легенды до первой литературной обработки преданий о них — срок с избытком достаточный, чтобы реальный хронологический признак этого события потерялся. В Иоанновой службе как мотивы братоубийства указаны зависть и властолюбие Святополка. «Сказание», придав этим побуждениям почти inferнальный оттенок, искусно сплетает их с попыткой Святополка захватить после отца киевский стол и выводит из них его стремление с помощью убийц устранить братьев, чтобы овладеть их княжением. Основной исторический фон, которого недоставало устному преданию о гибели братьев, окончательно определился: убийство Бориса и Глеба стало событием 6523 (1015) г. и под этой датой вошло в русскую летопись.

Глава IV

ЖИТИЙНАЯ ОБРАБОТКА ПРЕДАНИЙ О БОРИСЕ И ГЛЕБЕ

2 мая 1072 г. в Вышегороде состоялось торжественное перенесение гробниц с останками сначала Бориса, затем Глеба во вновь отстроенный храм. В церемонии участвовали Ярославичи — Изяслав, Святослав и Всеволод, собор русских епископов и игуменов монастырей: митрополит Георгий Киевский, епископы Неофит Черниговский, Петр Переяславский, Никита Белгородский, Михаил Юрьевский; игумены Феодосий Печерский, Софрон св. Михаила и Герман св. Спаса и прочие «вси игумены». Процессию открывали «преподобные чьрноризьцы с свѣщами», а «по нихъ диаconi... и посемъ презвутери». Затем следовали «раky» с мощами, которые несли на плечах князя. И по литургии «обѣдаша братья на купь, кождо съ бояры своими, съ любовью великою... посемъ же разошася въ свояси»¹.

Из всех событий второй половины 60-х и 70-х годов XI в. перенесение мощей Бориса и Глеба 2 мая 1072 г. было единственным, которое летопись наделяет эпитетом «свѣтлого». Действительно, общий фон, на котором оно выделялось, был сумрачный и тревожный.

С 1055 г. исконного степного врага Киевской Руси — печенегов сменил более «злой» хищник — половцы. В 1061 г. «придоша Половци первое на Русьскую землю» и, разбив на голову переяславского князя Всеволода, «воевавшие отъидоша»². Натиска половецкой конницы не смогли выдержать в 1068 г. на Альте соединенные дружины всех троих Ярославичей³. Обратив их в бегство, половцы «расулися» по Русской земле, грабя и уничтожая все на пути, убивая и уводя в плен беззащитное население.

¹ ПСРЛ, т. I, стр. 78.

² Там же, стр. 70.

³ Там же стр. 72.

Набеги половцев были внезапные и стремительные, и в промежутках между ними земли Киевская, Переяславская и Черниговская не выходили из состояния тревожного ожидания. Население, особенно в верхнем Поволжье, сильно страдало от явлений стихийного порядка — неурожая и голодовок. Жалуясь под 1068 г., что народ отвращается от бога, летописец замечает, что вследствие этого «затворяется небо, ово ли злѣ отверзается градъ в дождя мѣсто пуская, ово ли мразомъ плоды ознобляя и землю зноемъ томя»⁴, а под 1071 г. говорит прямо о голоде: «бывши бо единою скудости в Ростовьстѣй области...»⁵.

В обстановке усиливавшегося феодального гнета эти бедствия сопровождались вспышками народных волнений, как в Киеве и Новгороде, так и в верхнем Поволжье.

Народные восстания вспыхивали в неурожайные годы, обрекавшие население на ужасы вымирания от голода.

Распространение христианства, выкорчевывавшего исконные языческие верования, сопутствовало русской колонизации верхнего Поволжья и проникновению туда феодальных порядков. Вот почему движение среди населения против феодального гнета возглавлялось обычно идеологами старого быта — волхвами.

Если в рассказе о восстании в верхнем Поволжье летопись делает лишь упор на агитацию языческих волхвов, то новгородский «мятежь» трактуется ею как запоздалая вспышка языческой реакции, для ликвидации которой достаточно было убить агитатора. В Киеве будто бы дело свелось к одной языческой агитации, оказавшейся безрезультатной. Едва ли, однако, дело обстояло столь просто, если выступления волхвов опирались на недовольство населения феодальной эксплуатацией, а, следовательно, грань между языческой реакцией и народным движением против феодального гнета была только условная.

Народные и в особенности крестьянские восстания средневековья против феодалов имели стихийный, неорганизованный характер. Вот почему кучке рыцарей удавалось приводить в повиновение массы восставших, во много раз превосходившие их численно. Так было в 1071 г. на верхней Волге и в Новгороде. В таком крупном феодальном центре, как Киев, движение, очевидно, было задавлено еще в зародыше. Относятся ли все только что перечисленные события к 1071 г. или, как думает М. Н. Мартынов, это последовательные события

⁴ ПСРЛ, т. I, стр. 73.

⁵ Там же, стр. 75.

нескольких ближайших к нему лет⁶, существенного значения не имеет. Важнее, что волна движения грозила разлиться шире. В XII в. отдельные вспышки его, по данным летописей, произошли в Смоленске, Полоцке, Владимире и Галиче⁷.

Тяжесть феодальных порядков увеличивалась благодаря непрерывной вооруженной борьбе князей друг с другом. Население сильно страдало от ее последствий.

Со смертью в 1054 г. Ярослава на княжеском столе в Киеве сидел «старѣйший» из его сыновей Изяслав. Его внучатный племянник Всеслав полоцкий, вступивший в борьбу с Ярославичами, в 1067 г. был предательски захвачен Изяславом и томился у него в «порубе». Насколько можно судить по дальнейшему, среди киевлян была группа сочувствующих Всеславу.

М. Н. Тихомиров считает, что недовольство в Киеве вызывала тогда княжеская администрация, по адресу которой, по его мнению, в летописной статье 1068 г. направлены обличительные эпитеты: «лишающая мзды наймника, насильствующая сиротъ и вдовици и наклоняющая судъ кривъ», и призывы: «вущѣте суда, избавите обидимаго»⁸.

В 1068 г. когда после поражения, нанесенного половцами на Альте, Изяслав прибежал в Киев, киевляне, составив вече «на торгу», потребовали выдачи оружия и коней для отпора кочевникам. Опасаясь, очевидно, как бы оружие не обернулось бы против него самого, князь отказал. Возбужденная толпа двинулась «на гору», ко двору воеводы Коснячка и, не найдя последнего, подошла ко двору Брючислава, где был заключен Всеслав. Здесь она разделилась надвое: часть осталась освобождать из «поруба» Всеслава, другая направилась громить княжеский двор и казну. 5 сентября Всеслав был посажен на Киевский стол, и Изяслав бежал в Польшу к сыну тетки и племяннику своей жены Болеславу Смелому. Спустя пять месяцев последовало польское вмешательство. Не рассчитывая на свои силы, Всеслав убежал в Полоцк. Не ожидая доброго от возвращения Изяслава, киевляне просили заступничества у братьев его — Святослава и Всеволода, угрожая сжечь город и уйти в греческую землю. Братья вступили в переговоры с Изяславом, предлагая не вводить «Ляховъ Киеву: противна бо ти нѣту, аще ли хочещи гнѣвъ имѣти и погубити градъ, то вѣси, яко нама жаль отня стола». Достигнутое соглашение

⁶ М. Н. Мартынов. Восстание смердов на Волге и Шексне во второй половине XI века. «Учен. зап. Вологодского пединститута», т. IV, 1948, стр. 20—21.

⁷ М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1946, стр. 212 и след.

⁸ М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской правде. М.-Л., 1941, стр. 65—66.

было нарушено князем. Первым в Киев вступил посланный Изяславом его сын Мстислав и жестоко расправился со сторонниками Всеслава: «исъче, иже бѣша высѣкли Всеслава, чиелом 70 чади, а другыя слѣпиша, другыя же безъ вины погуби, не испытавъ»⁹. Терроризированные «кыяне» приняли князя с поклонами, и, вступив 2 мая 1069 г. в Киев, Изяслав уничтожил «торг» на прежнем месте и перенес его на «гору» в соседство с княжеским двором. Расставленные по городам польские гарнизоны вскоре вызвали народное движение: население «отаи» стало избивать пришельцев, и Болеслав, задержавшийся в Киеве, вынужден был уйти в Польшу¹⁰.

Чередуясь с оустошительными набегами половцев, борьба между Всеславом и Ярославичами продолжалась, а с 1073 г. осложнилась борьбой Ярославичей — Святослава и Всеволода с Изяславом. В летописи есть глухие указания на то, что в разгар борьбы с братьями Изяслав вел тайные переговоры со Всеславом. В конце концов, ему пришлось скрыться тайком из Киева, а затем снова бежать в Польшу, увозя с собой княжескую казну и сокровища. Князем в Киеве стал Святослав. В Польше имели достаточно оснований не только отказать Изяславу в помощи, но и отнять привезенные им с собой ценности. Более пяти лет Изяслав скитался в изгнании. В виде компенсации за вооруженную помощь Изяслав выражал своему зятю, императору Генриху IV, готовность признать себя вассалом империи, а к папе Григорию VII послал своего сына Ярополка с обещанием — опять-таки в компенсацию за военную помощь — подчинить русскую церковь престолу святого Петра¹¹.

Только по смерти Святослава, и на этот раз с помощью польских войск, Изяслав в 1079 г. снова вернулся в Киев. Немедленно же началась борьба Изяслава заодно с Всеволодом против их племянников — Олега Святославича и Бориса Вячеславича, в разгар которой Изяслав был убит в битве «на Нежатиѣ нивѣ».

Весь образ действий Изяслава, его трусость, жестокость, вероломство, предательство, вызванные им иноземные вторжения не могли, конечно, снискать князю симпатий и поддержки среди населения Киева. Недаром Изяславу приходилось искать помощь за рубежом, как только перевес в силах склонялся в сторону его противников. Однако летопись под 1078 г. сообщает, будто бы погребение Изяслава вызвало в Киеве общий плач и смятение. Основание для всенародной скорби летопись усматривает, как это ни странно, исключительно в хрис-

⁹ ПСРЛ, т. I, стр. 74.

¹⁰ Там же., стр. 75.

¹¹ «Historica Monumenta Russiae», t.I, 1841, № 1-2.

тианских добродетелях убитого: «Не бѣ бо въ немъ лести, но простъ мужъ умомъ, не вздая зла за зло. Колико бо ему створиша Кіяне... и не взда противу тому зла; аще ли кто дѣеть: «высѣчець исѣче», но не съ то створи, но сынъ его»¹².

В устах монаха-летописца эта эпитафия не ирония, а апология Изяслава. «Изяславу, — замечает по этому поводу И. П. Еремин, — отпускаются все грехи; смерть его в трактовке летописца не только подвиг самопожертвования, но и искупление. Обширная «похвала», которую присоединил летописец к его «житию» (стр. 196—197), окончательно дорисовывает его новый, иконописный образ князя-мученика. Одна деталь в самом рассказе летописца тоже подчеркивает мученический характер его кончины: он был убит ударом копья в спину «за плече»¹³.

Особую благосклонность церковных источников к Изяславу подметил еще Иконников¹⁴. И. П. Еремин различает в трактовке летописью образа Изяслава два последовательных этапа: первый — 1067—1069 гг., в котором он изображен вероломным и жестоким, второй — 1073—1079 гг., когда он наделен христианскими добродетелями — братской любовью, покорностью, примирением с судьбой, всепрощением и самопожертвованием. «Кажется, — заключает И. П. Еремин, — писали биографию Изяслава не один, а два автора: характерное для художественного метода летописца взаимотрицание героя и его двойника здесь уже доведено до своего предела, т. е. до приема, откровенно обнажающего морально — политическую тенденциозность летописного повествования»¹⁵.

Отрицать, что таково именно общее впечатление от сопоставления друг с другом обоих указанных И. П. Ереминым циклов летописных статей, не приходится. Однако мысль исследователя, будто бы здесь налицо всего лишь агиографический прием, едва ли верна. «Киевопечерский патерик» раскрывает, что в отношении печерских иноков к Изяславу действительно произошел перелом. Выученик греческого Афона, основатель Киево-Печерского монастыря, Антоний печерский, представлял собой, по определению Б. Д. Грекова, «греческую креатуру»¹⁶ и, естественно, косо смотрел на католическое окружение Изяслава, женатого на «ляховице». Оппозиционные настроения заходили так далеко, что Антоний оказался замешанным в киевских событиях 5 сентября 1068 г. Во всяком случае перед возвращением в Киев Изяслава в 1069 г., опасаясь его гнева «про-

¹² ПСРЛ, т. I, стр. 86—87

¹³ И. П. Еремин. «Повесть временных лет», Л., 1947, стр. 84.

¹⁴ В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. II, кн. I, стр. 193.

¹⁵ И. П. Еремин. «Повесть временных лет», стр. 84.

¹⁶ Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1949, стр. 408

князя Всеслава», Антоний поспешил ночью скрыться в Чернигов к Святославу¹⁷. Зато игумен печерский Феодосий проявил себя столь рьяным сторонником Изяслава, что во время вторичного изгнания последнего продолжал демонстративно помянуть его в ектениях, хотя в Киеве княжил тогда Святослав¹⁸. Перелом в отношении Печерского монастыря к Изяславу произошел ранее 1073 г., вернее всего в мае 1069 г., после отъезда Антония.

«Житие Феодосия», составленное Нестером, и «Киево-печерский патерик» рассказывают о частых наездах Изяслава в Киево-печерскую лавру, о продолжительных его беседах с Феодосием, о почете, с которым встречали печерского игумена при княжеском дворе¹⁹.

Не ограничившись отведением для монастыря местности на горе под Киевом, Изяслав и его близкие делали крупные вклады в монастырскую казну, жертвовали монастырю населенные села, в которых под надзором иноков жили «тивуны, приставники и слуги», содержался монастырский скот, заготавливались разные припасы²⁰. Из убогого убежища для уединения и молитвы 2—3 отшельников Киево-Печерский монастырь, благодаря покровительству Изяслава, быстро преобразался в крупного феодала и стал оказывать влияние на развитие политических событий.

Позиция монастыря в отношении к Изяславу в 1069 г. не лишена внутренних противоречий. Изяслав вступил тогда в Киев с Болеславом, союзником Римского престола, и на первых порах опирался на иноземных воинов; исповедывающих «латинскую ересь». Принадлежность союзников князя к католицизму, с точки зрения православного духовенства, была делом не безразличным.

После 1054 г., когда на диспуте у св. Софии в Царьграде патриарх Михаил Керулларий и папские легаты с Гумбертом во главе предали друг друга анафеме, разделение церквей западной и восточной завершилось, и соперничество за преобладание перешло в неприкрытую вражду. Послание Михаила Керуллария к антиохийскому патриарху Петру с перечнем важнейших «винъ латинскихъ», ставшее, конечно, известным русскому митрополиту — греку, получило в славянских переводах и переделках распространение на Руси²¹.

¹⁷ Д. А б р а м о в и ч. Киево-печерский патерик. Киев, 1931, стр. 202.

¹⁸ «Житие Феодосия». «Памятники русской литературы XII и XIII веков», изд. Вл. Яковлевым. СПб., 1872, стр. LIV.

¹⁹ Там же, стр. XXVII.

²⁰ Там же, стр. XXI и XXV.

²¹ А. Н. П о п о в. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян. М., 1875, стр. 7—15.

Для русского духовенства вопрос о борьбе с «латинской ересью» особенно остро встал в 1069 г., когда Болеслав Смелый задержался у Изяслава в Киеве, а польские гарнизоны стояли по русским городам. Создавшееся положение тяготило как Изяслава, так и православное духовенство. К этой именно поре²² относится известное «Слово святого Феодосия игумена Печерского монастыря о вѣре крестьянской і о латыньскоі». «Слово» обращено «к тобѣ, княже Боголюбивый», и в некоторых списках озаглавлено: «Вопрошение князя Изяслава, сына Ярослава, внука Володимерова, игумена Печерскаго Феодосия о Латинѣ»²³. Оно дышит раздражением против иноземцев-латинян и их веры. Указания на злобу дня слышатся в предостережении от перемены веры («вѣры латыньскія бѣгати лѣпо есть, ни обычаа ихъ дрѣжати, и камканіа ихъ не пріимати») ²⁴, в воспрещении брачных союзов с латинянами («христианомъ же своихъ дщерій недостойтъ даати за нихъ, ни поимати у нихъ за себе, не братитися с ними, ни кумитися») ²⁵. Этот запрет нарушался, видимо, не в одной лишь княжеской семье, которая состояла в свойстве со многими католическими государями Европы — Германии, Венгрии, Польши и Чехии. Феодосий предостерегает против всякого общения с латинянами, запрещая пить и есть вместе с ними. Даже пищу латинянам следует давать не иначе как в отдельной посуде, которую затем надлежит мыть с особой молитвой, ибо латиняне нечисты: «они ядятъ со псы и кошками и пьютъ бо свой сець» ²⁶.

Нетерпимость доведена до предела: «Не подобаетъ бо ихъ вѣры хвалити: аще ли кто хвалитъ ихъ вѣру, таковый обрѣтается свою хуля, или начнетъ хвалити непрестанно чюждаа вѣры, отреченнаа православнаго христіанства, таковый обрѣтается двовѣрецъ и близъ ереси естъ» ²⁷.

Список отступлений латинян от истинной веры у Феодосия обширный. Латиняне: 1) едят удавленную, 2) постом едят мясо, 3) служат на облатках, 4) запрещают попам жениться, 5) не прикладываются к иконам, 6) пишат крест на земле, а затем попирают его ногами, 7) утверждают догмат «filioque», 8) отпускают грехи «на дару» и т. д. «Ты же, чадо, блюдиися кривовѣрныхъ и всѣхъ ихъ дѣлесь, — увещевает князя Феодо-

²² И. П. Е р е м и н. Из истории древнерусской публицистики XI в. «Труды отдела древнерусской литературы Ин-та русской литературы АН СССР», т. II, 1935, стр. 21—33.

²³ М а к а р и й. История русской церкви. т. II, СПб. 1889, стр. 125.

²⁴ «Патерик Киево-печерского монастыря». «Памятники славяно-русской письменности», II. СПб., 1911, стр. 132

²⁵ Там же.

²⁶ «Труды отдела древнерусской литературы Ин-та русской литературы АН СССР», т. II, 1935, стр. 34—35.

²⁷ «Патерик Киево-печерского монастыря», стр. 132.

сый, — зане же исполнилася і наша земля. злыя тоя вѣры людий»²⁸.

Насколько реальной казалась тогда опасность проникновения католицизма на Русь, показывает появление вскоре другого трактата: «Георгия митрополита Киевского сязашь съ Латиною винъ числомъ 70»²⁹, содержащего на деле только 27 этих «вин». Митрополит Георгий (1062—1079), родом грек, в 1072 г. принимал участие в перенесении мощей Бориса и Глеба. Публицистический темперамент у Георгия отсутствует, его труд — скорее практическое руководство для служителей культа.

Не следует, однако, как это делают историки, не исключая И. П. Еремина³⁰, переоценивать обличительный нафос Феодосия. Послание его составлялось по соглашению с Изяславом, стремившимся тогда избавиться от поляков. Об этом свидетельствует вступительный диалог: «Приде иѣкогда благовѣрный и великий князь Изяславъ... к святому отцю нашему Феодосію, печерському и рече ему: «исовѣжь ми, отче, веру варяжскую, какова есть». Приде же отецъ нашъ Феодосій и рече: «Послушай, благочестивый княже, еже въпроси благородіе твое нашего смиренія, вѣра ихъ вла»³¹. Скрытый смысл заключающейся здесь антитезы уловить нетрудно: «Благочестивый князь Изяслав» — это одно, а адепты латинской веры, которая «элѣ», — другое: Изяслав не причастен еще к их «винам», он даже не знает их существа и, стремясь соблюсти свое «благовѣріе», апеллирует к авторитету и советам Феодосия. Таким путем с Изяслава молчаливо снимаются возможные ввиду его положения подозрения в религиозном общении с иноземцами.

Обращенное по форме к Изяславу «Слово» Феодосия, судя по злободневным публицистическим выпадам, предназначалось для широких кругов населения. Доказательством этого является, между прочим, относительная распространенность списков «Слова», несмотря на специальный характер темы проповеди³². Оглашение «Слова» с церковных амвонов, служивших в XI в. обычной трибуной для официальных публицистических выступлений, сыграло, несомненно, свою роль в росте народного движения против вторгнувшихся иноземцев.

Короче говоря, «Слово» Феодосия, кроме церковно-публицистических преследовало две чисто политические цели: агитацию против иноземных войск и реабилитацию Изяслава от подозрений в близости к ним.

²⁸ «Труды отдела древнерусской литературы Ин-та русской литературы АН СССР», т. II, стр. 36.

²⁹ Макарий. История русской церкви, т. II, стр. 332.

³⁰ И. П. Еремин. Из истории древнерус. публ. XI в., стр. 34.

³¹ Д. Абрамович. Киево-печерский патерик, стр. 6.

³² Н. К. Никольский. Материалы для повременного списка..., стр. 188—193.

Следует отметить, что церковные источники того времени подходят с особой осторожностью к тем фактам биографии Изяслава, которые могут бросить тень на его «благовѣрие».

Изяслав был женат на сестре польского князя Казимира, но, по свидетельству «Киево-печерского патерика», эта «ляховища», не в пример другим, взяла под защиту печерских иноков, когда Изяслав угрожал им расправой за постриг боярского сына Варлаама, против воли родного отца, и княжеского ключника Ефрема, без разрешения на то Изяслава³³.

Общим с монастырем стремлением оградить христианскую репутацию Изяслава от возможных наветов исполнена и летопись. Изяслав, правда, нарушил крестное целование и предательски захватил Всеслава, однако он не имел намерения пролить его кровь. В 1069 г. после отказа своего выступить снова против половцев, сидя с дружиной «на сѣняхъ», Изяслав видел «в оконце», как часть восставших толпилась у «поруба», где сидел Всеслав. Тогда дружинники, предвидя, что «се зло есть», убеждали князя: «Посли ко Всеславу, даждь призвавше къ окопцю пронзуть его мечем». Но Изяслав, по свидетельству летописи, их не послушался³⁴ и предпочел без борьбы бежать из Киева.

Стихийные вспышки волнений были не единственным видом реакции со стороны населения на социальные и политические порядки, установившиеся на Руси с развитием процесса феодальной раздробленности: в 60—70-х годах XI в. нарастающая тяжесть феодального гнета будила в массах чувство отчаяния и прилив суеверных мистических страхов, обычных в годовы народных бедствий.

В качестве проводника церковной идеологии монах-летописец усматривает в происходящем либо возмездие свыше за грехи, либо дьявольские козни: «Наводит бо богъ поганяя, по гнѣву свосму, иноплемьники на землю, и тако скрушенимъ имъ въспоманутся къ богу. Усобная же рать бываетъ от сважениа диаволя. Богъ не хоцеть зла въ человекѣхъ, но блага; а диаволь радуется злему убийству, кровопролитью, въздвизая свары, зависти, братоненавидѣния, клеветы. Земли согрѣшивши коел либо казнить богъ смертью, или гладомъ, или наведеиємъ поганых, или ведромъ, или гусинцею, или инѣми казньми»³⁵. Для избавления от этих бедствий требуется обращение к Богу, покаяние и молитва: «Обратитесь ко мне, обрящуся к вам, глаголетъ господь; и азъ отверзу вам хляби небесныя, и возращу гнѣвъ мой от вас...»³⁶ и т. д.

³³ Д. Абрамович. Киево-печерский патерик, стр. 148.

³⁴ «Новгородская первая летопись...», стр. 189.

³⁵ Там же, стр. 186—187.

³⁶ Там же, стр. 187.

Однако эмоции самого летописца не укладывались тогда в рамки предложенной им церковной формулы: непонятные ему явления природы внушали мистические страхи.

Под 1063 г. в Новгородской первой летописи было записано: «В се же лѣто в Новѣгородѣ иде Волховъ въспяеть; се же знамение не на добро бысть...»³⁷.

Составленная позднее современником событий летописная статья 1065 г. вспоминает о появлении в этом году на западном небосклоне красной звезды, возвещающей бедствия: «усобица многы и нашествие поганых на Рускую землю:» «сия бо звѣзда бысть аки кровава, проливаючи кровопролитисе»³⁸. В том же году рыбаки извлекли из Сетомли странной трупик ребенка-уродца: «его же позоровахомъ до вечера», а перед этим было солнечное затмение: «солнце премѣнися, и не бысть свѣтло, нь якоже мѣсяць бысть, егоже невѣгласи глаголют снѣдасмому сущу»³⁹. В связи с этим летописец, блистая ученостью, приводит полуфантастические книжные рассказы о сверхъестественных, по его мнению, явлениях в древности при «Антиосѣцаре», «Неронѣ-цесари», «Устианѣ-цесари», «Маврикии», «Константинѣ-иконоборцѣ» и т. д., о всадниках, носившихся в воздухе, кометах, звездных потоках, землетрясениях, о появлении из расщелины в земле «дивно мьска, челоуѣцкымъ гласомъ глаголющи, проповѣдаючи наитие языкомъ»⁴⁰ и т. п. Такие знамения, заключает летописец, «на зло бывають или проявление рати, или гладу, или смерть проявляет»⁴¹. Если христианское духовенство было исполнено подобных страхов, то «невѣгласи» ожидали чуть ли не мировой катаклизмы: «Яко на 5 лѣто потещи Днѣпру въспяеть, а землямъ преступати на иная мѣста, яко стати Грѣцкской земли на Руской земли, а руской земьли на Грѣцкской землѣ, и прочимъ землямъ измѣнятися», — прорицал в 1071 г. языческий волхв⁴².

Для укрепления пошатнувшихся основ миропорядка, в чем были заинтересованы русские феодалы, по понятиям эпохи требовалось вмешательство сверхъестественных сил, вмешательство церкви. Как «забрала и утвържение и меча обоюду остра» Русской земли⁴³ церковью были выдвинуты сыновья Владимира, «иже просвѣти святымъ крещениемъ всю землю

³⁷ «Новгородская первая летопись...», стр. 183—184.

³⁸ Там же, стр. 184.

³⁹ Там же, стр. 184.

⁴⁰ Там же, стр. 185.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же, стр. 191—192

⁴³ «Сказание и страсть и похвала святоую мученикоу Бориса и Глеба по харатейному списку Московского Большого Успенского собора XII в.», «Чтения...», 1870, кн. 1, стр. 13; Д. И. А б р а м о в и ч. Жития..., стр. 49.

Русскую» — Борис и Глеб, вокруг гробниц которых к тому времени разрослась и окрепла религиозная легенда.

Отводя опасные для феодалов мистические настроения в народе в надежное церковное русло, канонизация Бориса и Глеба была одновременно новым шагом Изяслава к сближению с русскими церковными кругами, демонстрацией его преданности православию.

Вышегородские торжества 1072 г. имели не только церковное, но и политическое значение. За период феодализации Киевской Руси, со второй половины XI в. в силу общих экономических причин расчленившейся на отдельные княжества, это был первый известный истории княжеский съезд, на котором потомки Ярослава, по почину «старейшего» из них, собрались вместе ради общего дела. Существует мнение, что именно тогда возникла «Русская Правда Ярославичей»⁴⁴.

К этому сводился церковный смысл происходившего 2 мая 1072 г. торжественного перенесения мощей Бориса и Глеба и одновременной канонизации их русской церковью.

В память первых русских святых «Новоявленныхъ мучениковъ Бориса и Глѣба» тогда же был установлен русской церковью праздник: «И оттолѣ утвердися таковой праздникъ месяца мая в 20, въ славу и чѣсть святыма мученикома»⁴⁵. С этого момента культ местных вышегородских святых становится общерусским: на Альте, на Смядыни и в других местах во имя их строятся храмы, возникают монастыри. Последовательные стадии в развитии церковного культа Бориса и Глеба нашли себе отражение в отличиях церковной службы им в разное время. «На первых порах, — замечает Д. И. Абрамович, — судя по древнейшим спискам службы митрополита Ионана, день памяти св. Бориса и Глеба был одним из «малых» праздников («святые со славословием»); потом отнесен был к «средним» праздникам, обозначаемым в богослужебных книгах знаком креста («святые с полиселем») и, наконец, к тем «средним», которые имеют знак креста в полукружии. Не позже XV в. служба св. Борису и Глебу получает уже тот окончательный вид, в котором она читается в печатной Минее, начиная с издания 1629 г., под 24 июля»⁴⁶. Вскоре братьев-мучеников начали почитать не только в других славянских землях, но и в Армении. Изучение дальнейшего распространения культа Бориса и Глеба лежит за пределами настоящей работы.

Перед актом канонизации 2 мая 1072 г. представлялось необходимым объединить в связанном комплексе разрозненные и

⁴⁴ М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде. М.-Л., 1941, стр. 66.

⁴⁵ Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 56. По другим спискам — мая.

⁴⁶ Д. И. Абрамович. Жития..., стр. XXI.

туманные обрывки устных преданий о гибели Бориса и Глеба. Этот труд взял на себя автор «Сказания». Каким путем его задача была выполнена, мы уже видели. «Сказание», по мнению Е.Е. Голубинского, не представляет собой канонического жития Бориса и Глеба: «Оно есть только сказание об их убиении Святополком». Пытаясь пояснить, почему автор его избрал именно эту форму, Е. Е. Голубинский замечает: «Решаясь написать сказание о святых, он, по-видимому, должен был взять за образец для себя сказания сего рода греческие. У греков было принято и установлено, чтобы о святых писаны были такие сказания, которые бы представляли из себя их жития. Могло не доставать сведений для того, чтобы написать полную биографию святого, могли быть сведения самые неполные и отрывочные: но водворившийся обычай требовал, чтобы были писаны настоящие жития, которые, начиная речь от самых юных версты и от самого рождения и идя по ряду, если не были, то казались бы цельными биографиями, и в которых недостаток сведений, в случае такового, принято было возмещать общими местами и риторикой. Подобным-то настоящим житием и не хочет быть сказание монаха Иакова» (Е.Е. Голубинский считает автором анонимного «Сказания» Иакова мниха) ⁴⁷.

Ссылка на Е.Е. Голубинского имеет значение уже потому, что он характеризует разновидность агиографических произведений, которую представляет собой «Сказание». Однако, вопреки мнению Е.Е. Голубинского, последнее со стороны достоверности мало, как мы знаем, отличается от «настоящих житий». Поэтому к «Сказанию» приложима в полной мере сентенция Е.Е. Голубинского, за которую первый том его «Истории русской церкви» пережил в свое время гонения: сравнение «Сказания» с «Чтением» Нестора доказало исследователю «ту общеизвестную и грустную истину, что история и пишется и сочиняется в одно и то же время» ⁴⁸.

Акт канонизации Бориса и Глеба был связан с процессом феодального дробления Великой Киевской Державы Владимира и его сыновей, которая с половины XI в. под действием общих экономических причин начала члениваться на стремящиеся к полной самостоятельности княжества.

Составленное в начале 70-х годов XI в. «Сказание» пытается разрешить основные политические вопросы своего времени. «О блаженная страстотърпца Христова, — взывает оно к Борису и Глебу, — не забывайта отъчества... молимъся... и всяка пагуба да не наидеть на ны. Гладъ и озълбление отъ насъ

⁴⁷ Е. Е. Г о л у б и н с к и й. История русской церкви, 1880 г., т. I (1-я половина), стр. 747.

⁴⁸ Там же, 1880 г., стр. 615, 618—619.

далече отъженѣга, и всего меча бранѣна избавита насъ и усобичьныя брани чюжа сътворита»⁴⁹.

Местным вышегородским святым «Сказание» придает значение защитников «ни о единомъ бо градѣ ни о двѣхъ... нъ о всей земли Русьскѣи». Защитников ее политического единства, опоры в борьбе с кочевниками («има же дързость поганьскую низълагаемъ»)⁵⁰, и в охране основ феодального правопорядка («и дияволя шатания в земли попираемъ»)⁵¹. Ссылки «Сказания» на половецкие набеги и восстание смердов идут по следам ближайшего прошлого. Сюда же должно отнести имеющее в виду феодальные распри Ярославичей и киевские события 1068 г. упоминание в «Сказании»: «усобичьныя брани и противу. (князя) въстающая»⁵².

В последнем вопросе «Сказание», как и Киево-Печерский монастырь, целиком на стороне Изяслава. Его интересы отстаивает основная публицистическая идея «Сказания»: противопоставление преступному властолюбию Святополка идеала беспрекословного повиновения «старейшему брату», олицетворяемого образами Бориса и Глеба.

Старейшим из Ярославичей в 1054—1079 гг. был Изяслав; Всеслав, Святослав и другие противники Изяслава это нарушители права, санкционированного кровью погибших князей-братьев.

Благоприятная Изяславу тенденция видна даже в отборе событий, о которых «Сказанию» пришлось совсем умолчать. Сведения «Сказания» о борьбе Ярослава со Святополком в ущерб исторической истине ограничиваются кратким сообщением, будто во «брани многы» Святополк «оканьный посрамленъ и побѣженъ възрацаашеся», и описанием фантастической битвы на Альте, где Святополк сражался во главе печенежских полчищ⁵³.

Отсутствие здесь данных о походе Болеслава Храброго на Киев в 1018 г. вполне объяснимо стремлением устранить повод для сравнения со Святополком «боголюбивого», но нелюбимого населением Изяслава, который тоже и совсем недавно был посажен на Киевский стол силами польских войск. Если не отсутствием сведений, то злободневной монастырской дипломатией в отношении к Изяславу объясняется также умалчание «Сказания» об аванюре епископа Рейнберна, в которой был замешан Святополк. «Сказание», не стесняющееся в сред-

⁴⁹ «Чтения...», 1870, кн. 1, л.7; Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 50—51.

⁵⁰ Там же, стр. 49.

⁵¹ Там же, стр. 49.

⁵² Там же, стр. 49, 51.

⁵³ Там же, стр. 46—47.

ствах для ошельмования Святополка, вынуждено было отказаться от случая наделить его дополнительно атрибутами вероотступника, восставшего против отца.

В силу этого «Сказание», обходя вовсе скользкую тему о княжении Святополка в Киеве в 1018 г., относят гибель Бориса и Глеба ко времени сомнительного пребывания его у власти в 1015 г.

Единодушие, с которым «Сказание» и Киево-Печерский монастырь поддерживают Изяслава, едва ли случайность. Феодосий Печерский, в качестве «архимандрита всея Руси», занимал первое место среди игуменов русских монастырей, участвовавших в церемонии перенесения мощей Бориса и Глеба и их канонизации. «Сказание», составленное для надобности последней, несомненно вышло из стен Киево-Печерского монастыря, прошло через редакцию Феодосия, если только не составлялось по его указаниям.

Это обстоятельство служит подтверждением отвергаемой А. А. Шахматовым гипотезы, что автором «Сказания» был Иаков-мних, пришедший в Печерский монастырь, по свидетельству летописи, с берегов реки Альты. Иаков, несомненно, был доверенный человек и единомышленник Феодосия, который перед кончиной выдвигал его в качестве преемника себе в игумены монастыря. Но братья, не взирая на авторитет Феодосия, отвергла эту кандидатуру⁵⁴. Если этим Иаковом было действительно составлено какое-то житие Бориса и Глеба, то это было именно «Сказание».

Следует отметить, что «Киево-печерский патерик» ничего более не говорит об Иакове, видимо не снискавшем себе расположения в кругу иноков.

В 1072 г. возле гробниц Бориса и Глеба разыгралась борьба, сходная с той, которая в 1051 г. шла у гроба Владимира. В подготовке канонизации Бориса и Глеба главную роль играл Киево-печерский монастырь, поощряемый к тому Изяславом; официальный же руководитель русской церкви митрополит грек Георгий ей противился. Описывая под 1072 г., как «исполнился церкви благоухания и воня блугы», когда «ракы» братьев, перенесенные в новую церковь были открыты, летопись сообщает: «Видѣша же се и прославиша бога. И митрополита ужасть обдеряще: бѣ бо нетвердо вѣру держаще к нима: и пад ниць просяще прощения»⁵⁵. При подготовке канонизации 1072 г. в церковных кругах были разногласия, велась борьба. Оспаривалось, видимо, не одно право Бориса и Глеба на мученический венец, но и самые обстоятельства их гибели, смутные и

⁵⁴ ПСРЛ, т. I, стр. 80.

⁵⁵ «Новгородская первая летопись...», стр. 197.

противоречивые, ставились под сомнение. Следы трений находим не только в известном уже выступлении митрополита Георгия, но и в дошедшем до нас тексте «Сказания», где неумело объединены две различные версии о смерти Бориса: вслед за рассказом, как он испустил дух от руки вышегородцев на Альте, через несколько строк сообщается, что его убили варяги «на бору». Трудно согласиться, чтобы такой опытный писатель и мастер литературной композиции, каким был составитель «Сказания», сам мог допустить в своем строго выдержанном изложении столь явную несообразность. Приходится думать, что версия «на бору» была спешно вставлена в готовый уже текст, в основе которого лежало одно Альтское предание. В 1072 г. могли оказаться в живых люди, видевшие лично, как Бориса, закутанного в шатер, везли через бор два варяга, или слышавшие об этом от очевидцев. Игнорировать их свидетельства было неудобно, и в первоначальном тексте «Сказания»: «блаженааго же Бориса обьртѣвше в шатѣрь, възложивъше на кола, повезоша... и положиша тѣло его, принесъше Вышегороду, у цркъве святааго Василия, въ зьмли погребоша»⁵⁶, — появилась вынужденная вставка: «яко быша на бору, начать въскланяти святую главу свою. И се увѣдѣвъ, Святоплѣкъ, пославъ два варяга, и прободоста ѿ мечьмъ въ срьдце и тако съконьчаша и въсприять неувядаемый вѣньць»⁵⁷.

Какая-то редакционная переработка первоначального текста «Сказания» заметна также в том месте памятника, где сообщается о борьбе Ярослава со Святополком: «Ярославъ, не тѣрпя сего зѣлааго убиства, движесе на братоубица оного оканьнааго Святоплѣка, и брани мьногы съ нимъ съставивъ и въсегда пособиемъ Божиемъ и поспѣшениемъ святою побѣдивъ. Елико брани състави, оканьный посрамленъ и побѣженъ възращаашесе... Прочее же съ трьклятый прииде съ множьствъмъ Печенѣгъ»⁵⁸.

Далее идет описание Альтской битвы. Помимо того, что данные эти не соответствуют действительности, в самом тексте здесь чувствуется скомканность и разрыв. Возможно, что текст первоначальной редакции «Сказания» был тут иным и в нем сообщалось что-либо о прочих эпизодах борьбы Ярослава со Святополком, но в освещении и интерпретации, сильно расхопившихся с народными преданиями о ней, которые позднее отразились в летописи. Получившаяся коллизия была устранена исключением из первоначального текста подробностей борьбы Яро-

⁵⁶ «Чтения..., 1870, кн. 1, стр. 4; Д. И. А б р а м о в и ч. Жития..., стр. 37.

⁵⁷ Там же, стр. 37.

⁵⁸ Там же, стр. 44, 46.

слава со Святополком, в отношении которых Альтская битва была «прочее же съ».

Характерно, что Нестор, писавший свое «Чтение» несколько позднее, пошел по тому же пути еще дальше и, умалчивая о борьбе Ярослава со Святополком, приписал изгнание последнего из Киева народному восстанию, пресекшему по велению свыше дальнейшие замыслы братоубийцы («не попусти оканьному тако сътворити, нъ потреби отъ земля сея. Крамолѣ бывшеи отъ людии, и изгнану ему сущю не токмо изъ града нъ изъ области всея, избѣжавше же ему въ страны чюжи и тамо живот свои сконца») ⁵⁹.

Принадлежащая автору первоначальная редакция «Сказания» не была, по-видимому, принята в 1072 г. собравшимися для канонизации церковными иерархами, и древнейший текст памятника дошел до нас в переработанном уже виде. Если митрополит Георгий действительно выпущен был тогда сдать прежние позиции, то поездка его в Византию в следующем 1073 г. ⁶⁰ была предпринята с целью проведения дела о канонизации Бориса и Глеба в константинопольском патриархате.

Выше было отмечено, что почитание Бориса и Глеба не ограничилось пределами Руси: их культ получил признание всей православной церкви. Когда именно константинопольский патриарх санкционировал акт канонизации 1072 г., против которого протестовал в свое время его ставленник митрополит Георгий, установить невозможно. Следует думать, что в скором времени. Во всяком случае, упоминаемая в статье 1093 г. праздник Бориса и Глеба 24 июля, летопись поясняет: «еже есть праздникъ новыи Русьскыя земля».

Сохранились косвенные указания, что этот акт потребовал известных подготовительных мероприятий со стороны русской церкви. По свидетельству Е. Е. Голубинского, традиция греческой церкви требовала, чтобы жития святых не ограничивались описанием их подвигов, но представляли всегда целые биографии, начиная от рождения. Именно такого рода каноническим требованиям и отвечало «Чтение» Нестора, составленное в конце XI или начале XII в. в соответствии с установленным греческим шаблоном.

«Человек, решившийся перенести к нам из Греции эту форму письменности, естественно, должен был поставить свою задачу в том, чтобы как можно более подражать своим образцам», — пишет о Несторе Е. Е. Голубинский ⁶¹. С. А. Бугославский,

⁵⁹ С. Б у г о с л а в с к и й. Пам'ятки XI—XVIII вв. про князів Бориса та Гліба, стр. 194.

⁶⁰ Летопись по Лаврентиевскому списку, стр. 178.

⁶¹ Е. Е. Г о л у б и н с к и й. История русской церкви, т. I (1-я половина), стр. 620.

внимательно изучавший литературные приемы Нестора, вскрыл в его «Чтении» ряд неизвестных ни «Сказанию», ни летописи чисто агиографических подробностей, которые, по выражению исследователя, были «сочинены преп. Нестором»⁶². Кроме канонической биографии Бориса и Глеба, в Константинополь было необходимо представить надлежащие доказательства силы чудотворения, присущей их останкам. В связи с этим одновременно подверглись ревизии вышгородские записи, отразившиеся в редакции 1072 г. в «Сказании чудес»⁶³, и были произведены в них необходимые изменения и дополнения. В этой новой переработанной редакции описание чудес Бориса и Глеба было введено в «Чтение» Нестора. Редакция 1072 г. инициативу в деле прославления Бориса и Глеба приписывает Ярославу. Узнав о чуде опаления варяга и пожаре, уничтожившем церковь св. Василия, Ярослав призывает к себе митрополита Иоанна, рассказывает ему об убийстве братьев Бориса и Глеба, участвует в первом крестном ходе из Киева в Вышегород к их могилам и в перенесении их праха в срубленную на месте храма св. Василия часовню. После двух следующих чудес — исцеления хромого и слепого — князь снова призывает к себе митрополита и, по соглашению с ним, приказывает отстроить, взамен сгоревшей, новую церковь, куда в день освящения, совместно с духовенством, торжественно переносит мощи Бориса и Глеба. Такова была отразившаяся в редакции 1072 г. официальная версия, признавшая Ярослава «поспешителем» братьев-мучеников, «карающей десницей» «взъмздя от Бога» за их гибель, стремящимся к прославлению их памяти. Митрополит Иоанн, проявивший на первых порах «усъмнение», в дальнейшем ограничивается поддержкой начинаний Ярослава, не предпринимая, со своей стороны, мер к церковному прославлению памяти первых русских мучеников. Из описания перенесения мощей Бориса и Глеба в пятиглавую церковь, срубленную взамен сгоревшей церкви св. Василия при Ярославе, как оно дается в редакции 1072 г., не видно, что эта церковь была отстроена во имя Бориса и Глеба и что празднование 24 июля было тогда установлено в память «убиения» Бориса, а не представляло местного церковного праздника в ознаменование годовщины освящения этого храма.

Несколько иное освещение дает тем же событиям редакция Нестора⁶⁴. Ярослав по-прежнему в них участвует, но наряду

⁶² С. А. Б у г о с л а в с к и й. К вопросу о характере и объеме литературной деятельности преп. Нестора. «Изв. ОРЯС АН», 1914, т. XIX кн. 1, стр. 156—162.

⁶³ «Чтения...», 1870, кн. 1, ч. III. Материалы славянские, стр. 9—15; Д. И. А б р а м о в и ч. Жития... стр. 52—66.

⁶⁴ Д. И. А б р а м о в и ч. Жития..., стр. 17.

с тем митрополит Иоанн с первых же шагов принимает подготовительные церковные меры для будущей канонизации Бориса и Глеба. «Когда исповѣда ему христоролюбивый князь вся, яже с святою блаженою страсотерпцю Бориса и Глѣба», Иоанн «вскорѣ събратися повелѣ всему крилосу церковному» и во главе крестного хода направился в Вышегород, где останки князей были извлечены им «отъ ядръ земельныхъ» и в раках были выставлены в часовне. О том, что останки Бориса и Глеба были поставлены в часовне «над землей», упоминает и редакция 1072 г., но один Нестор дает этому объяснение: «И да покажетъ человеколюбивый Богъ, яко истина естъ, яже обѣща, яко славяща славить». Обративший внимание на эти слова, Е. Е. Голубинский замечает: «Нестор даст нам знать, что побуждение к открытию мощей прежде установления празднования им было упование и чаяние или, так сказать, «уповаемое чаяние», что Бог прославит мощи чудотворениями»⁶⁵. Действительно, вслед за приведенными словами Нестор сообщает ряд чудес, которые по смыслу изложенного имеют целью показать, что бог прославил мучеников. Внесенная в редакцию Нестора подробность восходит к нередко применявшемуся в практике православной церкви обычаю — выставлять перед канонизацией мощи святых для испытания, чтобы собирать подтвержденные неоспоримыми свидетельствами данные об их чудотворной силе. После того как исцеленный мучениками хромым «всѣмъ исповѣда, яко створиста съ нимъ святая милость»⁶⁶, а слепец, приложившись с молитвой к раке мучеников и прозревший, «нача великимъ гласомъ передъ всеми славити ми и Бога и его святою страсотерпцю», Иоанн счел возможным предложить Ярославу: «Лѣпо ли бы намъ, благовѣрный царю, церковь имя ею възградити и уставити день, вонъже празновати има». Пятиглавый храм, куда были перенесены при Ярославе мощи убитых, был, оказывается, построен во имя Бориса и Глеба, а ежегодный праздник 24 июля был тогда установлен в память убиения Бориса⁶⁷. «Повелѣ же и на иконѣ святою написати, да входяще вѣрнии людии въ церковь ти видяще ею образъ написанъ, и аки самую зряще ти тако с вѣрою и любовию покланяющесе има и цѣлующе образъ ею»⁶⁸.

Перенесение мощей было большим празднеством: «Створи же христоролюбець пиръ великъ, праздникъ святою, не токмо боляромъ, нъ и всѣмъ людемъ»⁶⁹. Нищим, убогим и вдовицам мило-

⁶⁵ Е. Е. Г о л у б и н с к и й. История канонизации святых в русской церкви. М., 1905 г., стр. 47.

⁶⁶ Д. И. А б р а м о в и ч. Жития..., стр. 18.

⁶⁷ Там же, стр. 18—19.

⁶⁸ Там же, стр. 18.

⁶⁹ Там же, стр. 19.

стыня раздавалась из княжеской казны. Празднество продолжалось семь дней, и только на восьмой все разошлись. В Вышегороде задержался один Иоанн, чтобы установить в новой церкви обиход богослужения, поставить клир, «попы и дьяконы» и «старѣйшину». Содержание клира и храма было обеспечено Ярославом: «Повелѣ властелину града того даяти отъ дани церкви святою десятую часть»⁷⁰. По сравнению с первой редакцией одно и то же событие в передаче Нестора получает новый смысл и значение: официальное признание первых русских святых со стороны русских — церкви, князя и народа — переносится таким путем назад, в далекое прошлое, ко второму и даже первому десятилетию княжения Ярослава. Вышегородские записи о чудесах братьев после 1072 г. подверглись у Нестора подобной же редакционной переработке. Есть основание, правда, не вполне достаточное, для предположения, что «Чтение» Нестора одновременно переводилось на греческий язык. Описание у Нестора деятельности Иоанна по организации культа Бориса и Глеба в Вышегороде заканчивается словами: «И постави имь старѣйшину, ти тако отъиде в свою кафоликани иклияси»⁷¹. Последние два слова — представляют транскрипцию греческих слов «καθολικὴν ἐκκλησίαν» — кафедральный собор. Появление их у Нестора можно объяснить перенесением из греческого перевода при сличении последнего с текстом подлинника. Существование древнего жития Бориса и Глеба на греческом языке подтверждается армянским их житием XIII в., носящим в себе явные признаки перевода с греческого языка. Однако, это армянское житие, насколько можно судить по русскому его переводу, стоит ближе к «Сказанию», нежели к «Чтению» Нестора⁷².

Таким путем формирование преданий о Борисе и Глебе в основном было закончено. В распоряжении составителя летописной статьи 6523 (1015) года предания эти имелись в готовом, литературно обработанном виде.

⁷⁰ Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 199.

⁷¹ Там же.

⁷² В. Н. Бенешевич. Переложение Сказания о Борисе и Глебе с греческого перевода. «Изв. ОРЯС АН», 1914, т. XIX, кн. 1.

Глава V

ЛЕТОПИСНАЯ СТАТЬЯ О БОРИСЕ И ГЛЕБЕ

Если «Сказание об убиении Бориса и Глеба» действительно источник летописной статьи 6523 (1015) г., то можно попытаться восстановить характер редакционной работы сводчика, вносившего текст «Сказания» в летопись. Задача эта значительно облегчена С. А. Бугославским, установившим, что оригинал «Сказания» был ближе всего к спискам Чудовской редакции¹, а также А. А. Шахматовым, показавшим, что: 1) «Повесть временных лет» прежде, нежели войти в Лаврентиевский список, подверглась ряду изменений, 2) в Новгородской 1-й летописи отразился летописный текст более древний, нежели в «Повести временных лет» в том виде, в каком последняя сохранилась в Лаврентиевской летописи². Эти истины, намечавшиеся, впрочем, и ранее в трудах предшественников А. А. Шахматова, после его «Разысканий» сомнений уже не вызывают.

Был ли древним летописным источником, к которому восходят в конечном счете как Лаврентиевская, так и Новгородская первая летописи, тот самый «Начальный Киевский свод 1093 г.», который постулирует А. А. Шахматов, или какая-либо другая летопись XI в. — судить трудно. Поэтому в своих выводах поневоле приходится исходить от отражения этого древнего летописного источника (или пользуясь терминологией А. А. Шахматова «Начального свода») в Новгородской первой летописи. Что же касается «Сказания», то реконструкция его оригинала, принадлежащая С. А. Бугославскому³, так ма-

¹ С. А. Бугославський. Пам'ятки XI—XVIII вв. про князів Бориса та Гліба.

² А. А. Шахматов. Разыскания..., стр. 3—8.

³ С. А. Бугославський. Пам'ятки XI—XVIII вв. про князів Бориса та Гліба.

ло разнится от текста ближайшего к нему списка, что без ущерба можно использовать последний.

Для восстановления независимой от «Сказания» части текста Начального свода, выбросим механически из статей 6522 (1014) — 6524 (1016) гг. вкрапленные в него фрагменты «Сказания». Тогда получим связное в целом повествование о событиях этого периода, восходящее к летописным источникам, киевскому и новгородскому.

Новгородские известия:

В лето 6522 (1014). «Ярославу же живущу в Новѣгородѣ и урокомъ дающе дань Киеву 2000 гривен от года до года, а тысящу Новѣгородѣ гридемъ раздаваху; и тако даяху вси князи новгородстии, а Ярославъ сего не даяше къ Киеву, отцу свосму. И рече Володимирь: «требите путь и мосты мостите»; хотяшеть бо поити на Ярослава, сына своего; абие разболѣся».

В лето 6523(1015) г. «... в неижѣ болѣзни скончася мѣсяца июля въ 15 день». (Затем идет вставка из «Сказания» с описанием обряда перенесения тела Владимира в церковь Богоматери в Киеве).

Новгородские известия:

Киевские известия:

«Се же увѣдѣвше людие сидошася безъ числа, и плакашася по немъ, бояре акы заступника земли их, и убозии, яко заступника и кормителя; и вложиша его въ раку мраморяну, и skutаша тѣло с плачемъ великомъ зѣло.

Сей же есть блаженный князь Владимиръ, новый Костянтинъ великого Рима, иже крестивъся самъ, и люди своя крести тако и сей створи подобно ему. Аще бо прежде бѣ в поганствѣ на скверную по-

хоть желая, но послѣже прилежа к покаянью, яко же апостоль вѣщаетъ: идеже...» (Далее идет мозаика текстов Посл. к Римл. 20; Премудр. Солом. XI, 7; Иезекиил XXIII, II, 20; Матф. IX, 3).

«Святополкъ сѣдѣ в Киевѣ по отци» (дале сохранившийся в Лавр. своде фрагмент). «Созвавъ люди, нача даяти овѣмъ корзна, а другимъ кунами, и раздая множество...»

Здесь идет вставка из «Сказания» подробностей об убийстве Бориса и Глеба, затем новгородский текст статьи 6524(1016) г., нами уже восстановленный.

Новгородские известия:

Рассказ о ссоре и примирении Ярослава с новгородцами, сборах и выступлении его в поход на Киев.

(Первая версия) «Бысть сѣца у Любца, и одолѣ Ярославъ, а Святополкъ бѣжа в Ляхы».

Киевские известия:

(Вторая версия) «... Святополкъ же нача княжити Киевѣ и поиде Ярославъ на Святополка и бѣжа Святополкъ в Ляхы» (изменено позднее сводчиком: «в Печенѣги»).

Обзор редакционной работы сводчика при внесении текста «Сказания» в летопись удобно сочетать с параллельным изучением мнений А. А. Шахматова и С. А. Бугославского, пришедших, на основании сличения текстов этих памятников, к противоположному с нашим общему выводу и утверждавших, что «Сказание» представляет собой позднейшую переработку текста летописи. «Я склоняюсь к мысли, — писал А. А. Шахматов, — что житийное сказание основано на летописном. Составитель, взяв в основание своего труда летописный текст, расширил его риторикой и лирикой, причем, как увидим, руководствовался еще одним источником»⁴.

Этим источником, по мнению исследователя, было Несторово «Чтение о житии и погублении блаженую стратотерпцю Бориса и Глеба». Мнение А. А. Шахматова в части, относящейся к «Чтению» Нестора, должно быть категорически отвергнуто. Не говоря уже о том, что исследователь основывает его

⁴ А. А. Шахматов. Разыскания..., стр. 34.

лишь на текстуальном родстве ряда небольших отрывков, из которых можно сделать и противоположный вывод, в качестве доказательства для подкрепления своего заключения приводится им соображение, что «Нестор дал бы более совершенное произведение, если бы у него были предшественники»⁵. Доказательная сила такого соображения невелика. Отмеченная А. А. Шахматовым невысокая художественная ценность «Чтения» объясняется тем, что Нестор, как опытный писатель своего времени, усердно следовал шаблону византийской агнографии, под условными приемами которой нивелируется живое разнообразие лиц и быта, отраженных в данной религиозной легенде. Детальное изучение текста обоих памятников привело С. А. Бугославского к выводу, как раз противоположному А. А. Шахматову⁶. Зато первую часть приведенного выше заключения А. А. Шахматова С. А. Бугославский разделяет. «Анонимное Сказание, — утверждает он, — основано полностью на летописном Сказании о Борисе и Глебе и на других летописных материалах, почти не отличающихся от текста «Повести временных лет»⁷. Какое именно «другие летописные материалы» имеет здесь в виду С. А. Бугославский, мы увидим ниже.

Работа редактора летописного свода, которому предстояло уложить текст «Сказания» в рамки погодной записи 6523(1015)г., была сложной. Во вступительной части «Сказания» до слов: «многым же днемъ уже минушемъ...» — идет речь об исторических событиях, совершившихся ранее этого года «сице убо малымъ прежде сих лѣтъ»: о женах Владимира, его сыновьях, о раздаче последним княжений, а в заключительной части — сообщается о ряде событий последующих лет, о борьбе Ярослава со Святополком, битве на Альте, гибели Святополка и * местонахождения мощей Глеба. Большую часть этих материалов, отделив от их центральной части памятника, занесенной им в летопись под 6523(1015) г., редактор свода включил в погодные статьи других лет, с которыми, по его представлению, совпадали хронологически и по смыслу содержавшиеся в них данные. В дополненном им виде эти погодные записи и представляют «другие летописные материалы, почти не отличающиеся от текста «Повести временных лет», на которых, по мнению С. А. Бугославского, «было основано Сказание». На той же точке зрения стоит и А. А. Шахматов. «В житийном сказании, — пишет он, — имеются фактические заимствования не только из летописного сказания о Борисе и Глебе, но и из других частей летописи. Так буквально из летописи заимствованы в житийное

⁵ А. А. Шахматов. Разыскания..., стр. 40.

⁶ «Изв. ОРЯС АН», 1914, т. XIX, кн. 1, стр. 142—143.

⁷ С. А. Бугославский. Диссертация, стр. 214.

сказание рассказ о битве Ярослава с Святополком на Альте, причем знакомство составителя сказания с летописью сказано и в предшествующих этому рассказу словах, которыми сжато переданы предшествующие победы Ярослава: «и всегда пособиемъ божиимъ и поспѣшениемъ святою побѣдивъ, елико брани състави, оканьный посрамленъ и побѣженъ възрацаа-шеся». Из летописи же заимствован им рассказ о Святополковом пропадении и сопровождающие его рассуждения (сравнение Святополка с Ламехом)⁸. К этой же категории А. А. Шахматов относит данные о греховном происхождении Святополка, отразившиеся в записях под 6485(977) и 6488(980) г., перечень сыновей Владимира и сведения о розданных им в княжение землях под 988 г.⁹.

Однако внимательное изучение относящегося к этим отрывкам текста показывает, что они вовсе не могут служить послылками для заключения, которое сделано из них А. А. Шахматовым. Начнем с текста о борьбе Ярослава со Святополком. Прежде всего летопись знает о поражении, нанесенном Ярославу войсками союзника Святополка — Болеслава, а, следовательно, автор, опирающийся на ее показания, не мог бы сказать, что Ярослав был всегда победителем в этой борьбе.

Что касается рассказов об Альтской битве и исчезновении Святополка, составляющих содержание статьи 7528(1019) г. Лаврентьевского свода, то текст их, как было показано выше, дает основание для вывода как раз обратного тому, какой сделал из них А. А. Шахматов.

В равной мере, вопреки его утверждению, следует считать, что данные о греховном происхождении Святополка в летописных статьях 6485(977) и 6488(980) гг., в которых повествуется о борьбе друг с другом сыновей Святославовых Олега, Ярополка и Владимира, также заимствованы из «Сказания».

«В лѣто 6485. Поиде Ярополкъ на Олга, брата своего, на Деревъскую землю; изыде противу ему Олегъ, и ополчистася и сразившимася полкома и побѣди Ярополкъ Олга». Далее описывается умерщвление Олега. «И прия власть его Ярополкъ...» (Здесь вставлен несколько перефразированный отрывок из «Сказания»: «Бѣ бо у Ярополка жена Грекинѣ, бяше была преже черницею, юже бѣ привелъ отецъ его Святославъ и вдасть за Ярополка, красы ради лица ея»). Затем идет продолжение прерванного вставкой повествования: «Слышавъ же се Володимиръ в Новѣгородѣ, яко Ярополкъ уби Олга, убо явьяся бѣжа за море...». Внутренней связи с основной темой повествования вставка не имеет. Появление ее в тексте выну-

⁸ А. А. Шахматов. Рзыскания, стр. 34.

⁹ Там же, стр. 34—36

дидо сводчика во избежание недоумения пояснить, что до Владимира дошел слух не о грекине, а об умерщвлении Олега. Неизвестная «Сказанию» подробность, что грекиню привел Святослав, введена, вероятно, на основании летописного известия о походе Святослава на Балканский полуостров в 6479 (971) г., во время которого он «за мало же бѣ не дошел Цесаряграда» и «взя дары многы» и «полои бещисленъ».

Под 6488(980) г. обширная летописная статья посвящена борьбе Владимира с Ярополком. Здесь после подробностей вероломного умерщвления Ярополка сообщается, что сторонник последнего Варяжко, «видѣвъ, яко убиешъ бысть Ярополкъ, бѣжа съ двора в Печенѣгы и много воева с Печенѣгы на Володимира и едва приваби, заходивъ ему ротѣ», а затем идет явная вставка из «Сказания»: «Володимеръ же залеже жену братню Грекиню, и бѣ непраздна, отъ нее же родился Святополкъ. Отъ грѣховьшего бо корени золь плодъ бывает: понеже бѣ была мати его черницею, а второе Володимеръ залеже ю не по браку, прелюбодѣичичъ бысть убо; тѣмъ и отецъ его не любляше: бѣ бо отъ двою отцю, отъ Ярополка, и отъ Володимера». За этой вставкой следует продолжение прерванного повествования: «Посемъ рѣша Варязи Володимеру: се градъ нашъ; мы прияхомъ ѿ, да хочемъ имати окупъ на нихъ по двѣ гривѣ отъ человекъ...» и т. д. Ссылка «посемъ» относится, конечно, не к содержанию вставки, представляющей отрывок независимого от всей остальной записи текста, а к исходу борьбы с Варяжкой. Перефразировка текста источника при внесении его в летопись незначительна и интереса не представляет.

Данные «Сказания» о прочих сыновьях Владимира внесены в летопись под 6496 (988) и 6488 (980) гг. в значительно амплифицированном виде:

«Сказание»:

«Съ убо Володимеръ имѣяше сыновъ 12, не отъ единой жены, нъ отъ раснѣ матеръ ихъ, въ нихъ же бяше старѣй Вышеславъ, а по немъ Изяславъ, 3 — Святополкъ, иже и убийство се зълое избрѣте. Сего мати преже бѣ черницею, грѣкыни суци, и поялъ ю бѣ Ярополкъ, братъ Володимеръ, и ростригъ ю красоты дѣля лица

Новгородская 1-я летопись:

«В лѣто 6488 (после повествования о языческой жизни Владимира). Бѣ же Володимеръ побѣженъ похотью женскою, и быша ему водимыя: Рогнѣдѣ, юже посади на Лыбедѣ, идеже есть нынѣ селище Передѣславино, от нея же родихася 4 сыны: Изяслава, Мьстислава, Ярослава, Всеволода, и двѣ дщери; отъ Грѣкинѣ Святополка; а от Чехинѣ Вышеслава; а от другыя Святослава; Мьстислава, а отъ Болгарынѣ Бо-

ея, и зача отъ ня Святополка оканьнаго. Володимиръ же поганый еще, убивъ Ярошъла и поять жену его, неспраздну сущю отъ нея же родися сий оканьный Святопѣлкъ. И бысть отъ двою отцю и брату сущю, тѣмъ же и не любляше его Владимиръ, акы же отъ себе ему сущю.

А отъ Рогнѣди 4 сыны имѣяше: Изяслава и Мьстислава, и Ярослава и Всволода. А отъ иноя Святослава и Мьстислава, а отъ Болгарынѣ Бориса и Глѣба.

И посажа вся по роснамъ землямъ въ княжения, иже иждѣ скажемъ. Сихъ же сыновѣмъ убо о нихъ же и повѣсть си есть. Посади убо сего оканьнаго Святопѣлка в княжении Пиньскѣ, Ярослава — Новѣгородѣ, Бориса — Ростовѣ, а Глѣба — Муромѣ.

рися и Глѣба; и паложницъ бѣ у него 300 въ Вышгородѣ, а 300 в Бѣлѣгородѣ, а 200 на Берестовомъ селищи».

«В лѣто 6496» (после рассказа о крещении Владимира) «Бѣ бо у него сыновѣ 12: Вышеславъ, Изяславъ, Ярославъ, Святополкъ, Всеволодъ, Святославъ, Мьстиславъ, Борисъ, Глѣбъ, Станиславъ, Позвиздъ, Судиславъ».

«В лѣто 6496 (после поименного перечня сыновей Владимира). «И посади Вышеслава въ Новѣгородѣ, а Изяслава в Полотскы, а Святополка в Туровѣ, а Ярослава в Ростовѣ. Умерьшю же старѣшему Вышеславу в Новѣгородѣ и посади Ярослава в Новѣгородѣ, а Бориса в Ростовѣ, а Глѣба в Муромѣ, Святослава в Древлянех, Всволода в Володимирѣ, Мьстислава Тмутороканѣ...»

Мнение А. А. Шахматова, будто текст «Сказания» позаимствован здесь из летописи, можно опровергнуть на основании его собственных доводов. Анализируя текст статьи 6488(980) г., А. А. Шахматов высказывает недоумение: «Уместно ли было поместить имена св. Бориса и Глеба там, где мать их названа в числе прочих жен, взятых Владимиром (не по браку)? Наши вопросы могут показаться бесцельными, ибо факт налицо — перечень сыновей Владимира и между ними имена Бориса и Глеба читаются в отрывке, посвященном описанию блудной жизни Владимира. Но возникает вопрос, не вставлены ли эти имена позже составителем Начального свода, не отсутствовали ли они в первоначальной редакции этого отрывка»¹⁰. Недоумение А. А. Шахматова устраняется просто, если допустить, что перечень жен и сыновей Владимира вставлен здесь из «Ска-

¹⁰ А. А. Шахматов. Разыскания..., стр. 137.

зания». Текст летописной статьи 6488(980) г. читался первоначально так: «Бѣ же Владимиръ побѣжен похотью женскою и быша ему водимыя Рогнѣдь, юже посади на Лыбеди, идѣ же ныне стоитъ сельцо Передславино, а наложницъ бѣ у него 300...» и т. д. О Рогнеде и предпочтении, оказанном ею Ярополку, идет речь в той же статье выше, поскольку это предпочтение вызвало между ними распрю, закончившуюся умерщвлением Ярополка.

По поводу текста записи 6496(988) г. А. А. Шахматов, процитировав идентичный с ним отрывок «Сказания»: «Посади убо сего оканьнааго Святопѣлка в княжение Пипьскѣ, а Ярослава Новгородѣ, а Бориса Ростовѣ, а Глѣба Муромѣ», — добавляет: «Составитель сказания умышленно ограничился только четырьмя названными князьями, ибо «о них же и повесть си есть»; но, как видно из его слов, он знал, где сидели и другие князья, знал, следовательно, летописную статью 988 г. («и посажа вся по росцамъ землямъ в княжении, иже инѣде съкажемъ»)¹¹.

Попробуемъ снова на основании домыслов самого А. А. Шахматова показать, что высказанное им здесь мнение — ошибочно. Приступив ниже к детальному анализу изучаемой записи, А. А. Шахматов замечает: «Искусственно составленным сообщением представляется мне и статья 6496 г., содержащая распределение волостей между сыновьями Владимира. Новгородский влад[ычный] свод сообщал, что первым князем после крещения был Вышеслав, за ним Ярослав (ср. эти данные во всех перечнях князей новгородских, читающихся в новгородских сводах); думаю, что данные, касающиеся Новгорода, взяты Составителем Нач[ального] свода из этого источника, из влад[ычного] свода; о том, что Изяслав сел в Полоцке, было ему известно из того обстоятельства, что там сидело все потомство его; что Мстислав получил Тмутаракань, составитель нач. свода заключил из дальнейших событий (похода Мстислава на Касогов, постройки им в Тмутаракани церкви св. Богородицы и др.); Святослав посажен летописцем в Дереве едва ли не в связи с последующей его судьбой, когда он бежал от Святополка к Угорской горе: казалось, что путь в Угры был ближе всего открыт для князя Деревского; Святополк сидит в Турове, как кажется, в силу своего старшинства; ср. принадлежность Турова старшему Ярославичу — Изяславу, сидевшему в нем при жизни отца; Туров принадлежит старшему после Всеволода Ярославича при княжении последнего в Киеве. Неясно, почему Ростов отдан летописцем Борису, Муром — Глебу»¹². Если исключить из текста изучаемой статьи

¹¹ А. А. Шахматов. Разыскания..., стр. 35.

¹² Там же, стр. 88—89.

6496(988) г. данные о княжении Вышеслава, Изяслава и Святослава, а также о временном пребывании Ярослава на княжении в Новгороде, которые А. А. Шахматов считает домыслами составителя свода, то получим текст, идентичный со «Сказанием». Единственное расхождение в этом общем тексте, заключающееся в том, что в «Сказании» княжением Святополка назван Пинск, а в летописи Туров, свидетельствует о том, что текст «Сказания» древнее летописного. Уже было показано выше, что во время борьбы Ярослава со Святополком главный город княжения последнего — Пинск, как можно заключить из глухих намеков на это летописи и «Хроники» Титмара, пострадал и утратил поэтому свое первенствующее значение в области. Название его надолго исчезает из летописных записей, уступая место Турову, и только с 6605(1097) г. он изредка упоминается на втором уже месте после Турова. Кажется натянутым предположение А. А. Шахматова, будто замена Турова Пинском была произведена автором «Сказания» и вызвана нежеланием связать Туров, где имелся уже монастырь Бориса и Глеба, прославленный их чудесами, с именем их убийцы Святополка, или стремлением его «стереть аналогию» между последним и своим современником вел. князем Святополком, городом которого был Туров¹³.

Недоуменный вопрос А. А. Шахматова: «почему Ростов отдан летописцем Борису, а Муром—Глебу?»— таким путем отпадает. Летопись сохранила под 6496(988) г. именной список 12 сыновей Владимира, составленный, видимо, в порядке их старшинства. Такие списки («Синодики» и «Помянники») начиная с XI в. несомненно имелись в церквях для молитвенных и богослужебных надобностей. Весьма вероятно, что в некоторых из таких списков были указания, где каждый из князей княжил. Один из списков был, по-видимому, в распоряжении составителя «Сказания», который использовал его для своей агиографической цели в сокращенном виде, о чем и сделал попутно оговорки в тексте своего труда.

* Переходя к самой летописной статье 6523(1015) г. Новгородского свода, отметим, что в конце ее сообщается о перенесении мощей Глеба в Вышегород, которое произошло после окончательной победы Ярослава над Святополком, т. е. несколько лет спустя после убийства Глеба. Происхождение анахронизма, как можно догадываться, объясняется здесь тем, что редактор свода, механически отбросив вступительную и заключительную части «Сказания», обратил затем внимание, что оставшийся текст обрывается описанием знамений, которыми обнаружило себя тело Глеба, поверженное убийцами «на пусть

¹³ А. А. Шахматов. Разыскания..., стр. 35. Примечание.

мѣсть межи двѣма колодама», и для законченности повествования добавил к нему текст описания нахождения мощей Глеба и их погребения в Вышегороде, извлеченный из заключительной части «Сказания», им отброшенной. Получившийся вследствие этого анахронизм может служить признаком того, что изучаемая статья летописи — не обычная погодная запись, а восходит к особому литературному произведению, автор которого не связывал себя рамками погодного повествования.

Заслуживает внимания, что в вопросе о взаимоотношении текста «Сказания» с разбираемой летописной статьей выводы С. А. Бугославского не свободны от противоречий. «Исследование текста одной только статьи 6523 г., — утверждает С. А. Бугославский, — приводит к тем же результатам, к каким привела работа над всем текстом «Повести временных лет»: летописный рассказ о Борисе и Глебе известен в старшей редакции (Лаврентьевский и сходные списки) и в младшей редакции (Ипатьевский и сходные списки)», — но тут же оговаривается: «В Новгородском изводе «Повести временных лет» старая статья 6523 г. заменена сокращенным пересказом анонимного «Сказания» в старшем изводе»¹⁴.

Таким образом, выводы С. А. Бугославского в части, касающейся Новгородского свода, совпадают с нашими, что в значительной мере упрощает нашу очередную задачу, и мы можем ограничиться рассмотрением лишь тех его доводов, которые опираются на сопоставление текста «Сказания» с параллельным текстом Лаврентьевской летописи. Отношения же текста последней к более поздней редакции Ипатьевской летописи мы вправе не касаться, поскольку тема настоящей работы ограничивается вопросом о первоисточнике древнейшего извода летописной статьи 6523(1015) г. и не затрагивает позднейших амплификаций и переработок.

Обзор изменений, сделанных составителем свода в тексте «Сказания» при внесении его в летопись, дает возможность на конкретном материале ознакомиться с приемами работы русского историка-компилятора XI в., посредством которых ему удавалось данные различных источников ввести в рамки летописного повествования.

К изучению текста статьи 6523 (1015) г. приступим с начальной ее части, повествующей о киевских событиях от смерти и погребения Владимира.

Приводим полностью параллельный этому началу текст «Сказания», разделив его для удобства сравнения на три отрывка:

¹⁴ С. А. Бугославский. Диссертация, стр. 6.

1. «Убо сице многомъ же уже дньмъ минувъшемъ и яко съконьчашася дъние Володимиру, уже минульшемъ лѣтомъ 28 по святѣмъ крещении»,
2. «въпаде въ недугъ крѣпкъ. В то же время бѣше пришедь Борисъ изъ Ростова. Печенегомъ же о онуду пакы идущемъ ратию на Русь, въ велицѣ печали бѣаше Володимиръ, зане не можааше изити противу имъ, и много печалаяшеся. И призывавъ Бориса, ему же бѣ имя наречено въ святѣмъ крещении Романъ, блаженааго и скоропослушливааго, предавъ воѣ многы въ руцѣ его посѣла ѿ противу безбожьнымъ Печенѣгомъ. Онъ же съ радостию вѣставъ, иде, рекъ: «се готовъ есмь предъ очима твоима сѣтворити, елико велить воля сердца твоего». О таковыхъ бо рече Притѣчникъ: «сынъ быхъ отцю послушливъ и любимъ предъ лицемъ матере своея».
3. «Отшедшю же ему и не обрѣтшю супостатъ своихъ, възвративъшюся въспятъ ему, — и се приде вѣстникъ къ нему, повѣдая ему отцю сѣмръть, како преставися отецъ его Василий — въ се бо имя бѣше нареченъ въ святѣмъ крещении — и како Святопѣлкъ потаи сѣмръть отца своего и ночь проймавъ помостъ на Берестовѣмъ и въ ковѣръ обѣртѣвъше, сѣвсивъше ужи на землю, везъше на саньхъ, поставиша ѿ въ церкви святыя Богородица...» (далее идутъ причитанія Бориса).

«В лѣто 6523».

«Володимеру бо^аразболѣвшюся, в се же время бѣше у него Борисъ; Печенѣгомъ идущемъ на Русь, посла противу имъ Бориса, сам бо^бболяше^в велми»

«в нейже болести и скончася Иуля в 15 день. Умре же^г на Берестовѣмъ и

потаиша ѿ, бѣ бо Святопѣлкъ Киевѣ. Ночью же

межю (двема) клѣтми про-
имавше помость, обертѣ-
вше в коверъ и, ужи свѣ-
сиша^д на землю^е; възложь-
ше ѿ на сани^ж, везше^з
поставиша ѿ въ^б святѣй
Богородици, юже бѣ
сздадъ самъ»¹⁵ (далее
идет описание поклонения
народа праху Владимира).

Нетрудно видеть, что работа сводчика не свелась здесь к простому механическому перенесению готового текста своих источников, целиком или по частям, но опиралась на своеобразный критический анализ, проверку, сопоставление и согласование заключающихся в них данных, сопровождаясь, в некоторых случаях, перегруппировкой последних.

Из приведенного текста таким выдел отрывок 1, поскольку содержащийся в нем расчет «уже минувшим лѣтом 20 и 8 по святѣмъ крещению» не соответствует хронологической сетке летописи, относящей крещение Владимира к 6496(988) г. Отрывок 2 в переработке редактора летописного свода передан конспективно, с значительными сокращениями внутри текста. Передавая в сжатой форме существо исторических событий, составитель статьи 6523 (1015) г. в известной степени очищал свое повествование от агиографического и риторического элемента, которым был насыщен его источник. Прием этот, обнаруживая значительные литературные навыки и понимание особых задач выполняемой работы, свидетельствует о высоте интеллектуального уровня редактора летописного свода XI в., которая обычно недооценивается нашими исследователями. В этом повинен и А. А. Шахматов, считавший, что автор «Сказания» мог разбавить историческое повествование летописного происхождения риторикой и лирикой, но не допускавший мысли, что историческая летописная запись получилась в результате очищения агиографического источника от элементов риторики и лирики. Между тем с риторикой и лирикой религиозного содержания даже составители позднейших летописных списков обращались свободно, сокращая, пополняя или заменяя, по своему разумению, встречающиеся в тексте молитвенные отступления и цитаты из церковных книг. Работа сводчика над текстом «Сказания», не представляющая в этом отношении

¹⁵ Варианты Новгородского свода: а) «же»; б) нет; в) «боляшеть»; г) «умершю же ему»; д) добавлено: «и»; е) добавлено: «и»; ж) «и везоша»; з) «у» вместо «въ».

чего-то необычного, расходящегося с существовавшей в нашей древности практикой, произведена вдумчиво и умело.

Значительный интерес в этом отношении представляют отрывки 3 и 4. Если «Сказание» посвящено прославлению христианского поведения Бориса и Глеба, то в изложении летописи на первый план выдвигается Святополк с его попыткой любой ценой захватить княжеский стол в Киеве. Смерть Владимира для летописи не только повод показать христианские добродетели Бориса, его сыновнее послушание, любовь и благочестивую скорбь, но событие большого самостоятельного значения. Поэтому к сообщению о ней в статье 6523 (1015) г. присоединяются дата и извлеченное из «Сказания» описание обряда погребения этого князя и независимый от «Сказания» текст с рассказом о всенародном поклонении праху умершего Владимира и похвалою ему.

Из отрывка 3-го взято лишь краткое сообщение о смерти Владимира: чтобы не нарушать стройности изложения основной темы, данные о возвращении из похода Бориса и прибытии к нему вестника с известием о смерти Владимира здесь опущены и перенесены ниже. Киевские события собраны таким путем в связную цепь повествования. В отрывке 4-м изменилась роль Святополка: из распорядителя погребального обряда он обратился в жертву своих недоброжелателей, скрывавших от него тело умершего. Выпадение подлежащего «Святополк» было, вероятно, результатом присоединения к концу этого отрывка «Сказания» описания прощания народа с покойником. Получалось как бы противоречие: Святополк, скрывавший смерть отца, сам выставил его тело в киевском храме на всенародное поклонение. Для устранения противоречия необходимо было, чтобы смерть Владимира скрывал не Святополк, а кто-то другой. С выпадением подлежащего сказуемое в соответствии с последующими «свѣсиша... везоша...» обратилось в «потаиша». Все это казалось тем уместнее, что самое появление Святополка в роли активного участника киевских событий было неожиданностью. Кроме данных о греховном его зачатии, летопись под 6496 (988) г. сообщала о Святополке лишь то, что он был посажен отцом на княжение в Турове. О пребывании его в момент смерти отца в заточении в Киеве летопись и «Сказание» до того не упоминали. Этим и вызвано было, вероятно, появление в изучаемом отрывке летописи вставки с пояснением: «бѣ бо Святополкъ в Киевѣ». Над истолкованием не вполне ясного смысла этого отрывка не мало потрудились исследователи, считавшие, что летописная его редакция древнее, нежели в «Сказании». Впервые это мнение высказал Е. Е. Голубинский, стоявший по вопросу о взаимоотношении текста летописи и «Сказания» на той же точке зрения, что и мы. По мнению Е. Е. Голубин-

ского, испорчен в этом месте текст самого «Сказания» и первоначальный смысл его был таким: «Святополк, находившийся в момент смерти Владимира в Киеве и принявший намерение занять престол великокняжеский, имел нужду для улажения дела о занятии престола скрыть на некоторое время смерть отца, для чего приставил к дворцу Берестовскому свою стражу, но бояре, враждебные ему или, вообще, не разделявшие его замысла, тайно от приставленной стражи вынесли из дворца тело Владимира и привезли в Киев, в Десятинную церковь, делая таким образом известную смерть великого князя всем киевлянам»¹⁶.

А.А.Шахматов справедливо возразил Е.Е.Голубинскому, что никаких указаний на тайный вывоз тела Владимировна из Берестовского дворца в изучаемом отрывке усмотреть нельзя, ибо пролом помоста был сделан во исполнение известного славянского погребального обряда. Однако подлежащее к сказуемому «потаиша» было придумано: «бояре». А. А. Шахматов вставляет его в реконструированный им текст своего Киевского летописного свода ¹⁷.

Еще далее идет С.А.Бугославский. «Полагаем, что это место, — говорит он о летописи, — не является испорченным, т. е. смерть Владимира скрыли от Святополка, чтобы он не успел захватить власть, пользуясь временным замешательством, так как киевляне не знали о смерти князя и не были подготовлены к борьбе со Святополком. Очевидно Святополк отправился в Вышегород (срав. его беседу с вышегородскими боярами), а в это время киевские бояре, расположенные к Борису, сообщили ему о смерти отца, когда он стоял на Альте («весть прииде к нему отец ти умерль»), прося приехать в Киев, чтобы занять престол, в это же время оповестили киевлян о смерти Владимира. Киевским боярам нужно было скрыть смерть Владимира от Святополка, чтобы он не захватил престол в то время, как Борис был в пути; в интересах же Святополка было возможно скорее известить народ о смерти отца»¹⁸.

Все это достаточно произвольно и сложно. Версия «Сказания» простая и ясная: Святополк мог скрывать смерть отца, пока это было ему выгодно, а затем оповестил о ней киевлян, выставив тело усопшего для прощания в храме.

Не менее искусственным представляется аргумент, приведенный С.А.Бугославским в сноске к тексту только что цитированного его рассуждения: «Вторичность редакции Ск(азания) видна из грамматической несогласованности чтения «проймав»

¹⁶ «Изв. ОРЯС АН» 1904, т. IX, кн. 2, стр. 60—62.

¹⁷ А. А. Шахматов. Разыскания..., стр. 72—73.

¹⁸ С. А. Бугославский. Диссертация, стр. 217. Примеч. под текстом.

и «обвертевше», «свѣсивъше» со «Святополкъ». Автор Сказания по смыслу неудачно исправил неясное чтение летописи. В последней говорилось «потаиша и бѣ бо Святополкъ Къевѣ» и далее в тексте, которым пользуется Сказание: «Святополк же сѣдѣ Къевѣ по отци своемъ». Вполне естественно было догадаться, что потаил Святополк, особенно, если после «и» («потаиша и бѣ Святополкъ...») не читать двоеточия и предполагать здесь испорченный текст¹⁹.

Вопреки утверждению С. А. Бугославского никакой грамматической несогласованности в «Сказании» нет: Святополк «потаи смерть отца своего», а обряд выноса тела выполняли, по его распоряжению, другие.

За только что разобранным текстом в «Сказании» следует пространная речь Бориса, изливающегося в молитвах и скорби по случаю полученного им через вестника известия о смерти отца и подозрительном образе действий Святополка: «Яко услыша святой Борисъ, начать гълъмь утърпывати:... но съпаса душу мою».

В летописи в этом месте опущены скорбные речи Бориса, так как он не знал еще о киевских событиях.

Последующая часть летописной статьи 6523 (1015) г., выделенная особым заглавием «О убиении Бориса и Глѣба» (так в Новгородском своде; в Лаврентиевском — «О убиении Борисовѣ»), воспроизводит основной массив «Сказания», введенный в летопись с рядом внутренних изменений. Из этих изменений в первую очередь необходимо отметить, что общий план изложения событий, которого придерживается здесь летопись, значительно разнится от «Сказания».

Приводим план, положенный в основу «Сказания», отмечая параллельно, какое место каждое по порядку из вошедших в него событий занимает в ходе повествования летописи.

«Сказание»: Летопись:

1. Вокняжение Святополка в Кieve и раздача киевлянам подарков	I	I
2. Возвращение Бориса из похода против печенегов, прибытие к нему известия о смерти Владимира и скорбь Бориса	см. выше	II
3. Посольство Святополка к Борису с изъявлением братских чувств	III	V
4. Совещание Святополка со своими сторонниками в Вышегороде. Святополк берет от них клятву верности	VI	VI
5. Братоубийственные размышления Святополка	V	нет

¹⁹ С. А. Бугославский. Диссертация, стр. 216—217.

6. Совецание Святополка с единомышленниками об убийстве Бориса	VI	VI
7. Прибытие Бориса с дружиной к реке Альте и остановка на берегу ее в шатрах	VII	III
8. Переговоры Бориса с дружиной и уход последней	VIII	IV
9. Молитвы Бориса в ожидании убийц	IX	нет
10. Приближение убийц к шатру Бориса	X	VII
11. Предсмертная заутреня Бориса	XI	VIII
12. Нападение убийц на Бориса	XII	IX
13. Подвиг Георгия Угрина	XIII	X
14. Предсмертная молитва Бориса	XIV	нет
15. Смерть Бориса	XV	XIII
16. Избиение отроков Борисовых	XVI	XI
17. Ограбление тела Георгия Угрина	XVII	XII
18. Версия умерщвления Бориса на бору	XVIII	XIV
19. Погребение Бориса в Вышегороде	XIX	XV

Подробности организации и осуществления умерщвления Глеба передаются в летописи в той же последовательности, как в «Сказании».

Приемы переработки текста «Сказания» в повествовании «О убиении Бориса и Глѣба» (или «О убиении Борисовѣ») те же, что отмечены выше: сокращение, удаление или замена другими лирических отрывков и сжатие текста, содержащего фактически данные. От применения их изложение как будто стало стройнее. Фактический материал, объединенный в более компактные группы, выиграл в своей выразительности. Однако внутренний смысл событий стал менее ясным. Согласно версии, которой придерживается «Сказание», дошедшие до Бориса вести о смерти отца сопровождалась подробностями о подозрительном образе действий Святополка при его погребении. «Не вѣмь, къ кому обратитися, и къ кому сию печаль горькую простерети», — сокрушается по этому поводу Борис. — «Къ брату ли, его же быхъ имѣлъ въ отца мѣсто, но тѣ, мнѹю, о суетии мирскихыхъ поучається и о убиении моемъ помышляеть». В летописи вместо этого сообщается кратко: «Борису же възвратившюся с вой и не обрѣтшю Печенѣгъ, вѣсть приде к нему: «отець ти умерлъ». И плакася по отци, велми бо любимъ бѣ

отцемъ своимъ, паче всѣхъ». Описание погребального обряда над телом Владимира выпало и дается летописью в другом контексте и притом с изменением смысла. Она не знает об активности, проявленной Святополком еще в самый момент смерти отца. Поэтому и до Бориса могли дойти слухи лишь о том, что враждебная Святополку партия в Киеве пыталась скрыть от последнего смерть Владимира. Второе, полученное им из Киева известие, исходило от Святополка и гласило: «с тобою хощу любовь имѣти и к отню придам ти». Следующие за этим в «Сказании» скорбные размышления Бориса об ожидающей его участи в летописи также опущены. В результате получилось, что покушение на его жизнь было для Бориса неожиданностью, о которой он узнал лишь тогда, когда шансов на спасение не оставалось. «Послании же придоша на Алто поле ночью, и подступиша же ближе, и слышаша гласъ блаженаго Бориса, поюща заутренюю: бѣ бо ему вѣсть уже, яко хотять убити ѿ». С помощью такого пояснения летописи удалось сохранить за Борисом остатки ореола добровольного мученичества, которым щедро наделяет его «Сказание».

Заметим также, что упомянутое выше коварное посольство Святополка к Борису в летописи следует за рассказом об уходе от Бориса отцовской дружины. Вследствие этого, как было указано выше, стала неясной самая цель этого посольства, поскольку покинутый дружиной Борис не представлял прежнего препятствия властолюбивым планам Святополка, да и самое братоубийство, в известной мере, сделалось бесцельным. В «Сказании», как легко убедиться, события развиваются логичнее: попытка Святополка усыпить бдительность Бориса предшествует уходу дружины, при помощи которой тому легко было занять Киев.

От замечаний по поводу общего плана повествования летописи переходим к обзору входящих в него отдельных тем, начиная с известия о вокняжении Святополка.

«Сказание»:

Новгородский свод:

«Святополкъ же сѣдя Кыевѣ по отци, призвав Кыяны; многы дары давъ, отпусти».

«Святополкъ сѣдѣ в Киевѣ по отци, и съзва кыянѣ и нача даяти имѣние имъ; они же приимаху, и не бѣ сердце ихъ с нимъ, яко братья ихъ бяху с Борисомъ».

Дополнение, имеющееся в летописи, обратило внимание С. А. Бугославского, который по этому поводу писал: «Деталь эта явно указывает на старшинство летописного чтения этого отрывка», но в чем заключается ее доказательная сила, не пояснил.

Между тем, если стать на его точку зрения, окажется неясным, почему автор «Сказания», всегда будто бы расширявший текст своего источника, на этот раз опустил деталь, столь отвечающую враждебной Святополку тенденции своего труда. Если же исходить из противоположной точки зрения, то в дополнении можно видеть простое усиление этой тенденции, весьма свойственное летописи.

Как уже отмечалось при сопоставлении летописи и «Сказания» с эпизодами из жития Вячеслава, в летописи изменены некоторые подробности, сообщаемые «Сказанием», а именно: два совещания Святополка с его сообщниками слиты в один эпизод; в описании предсмертной ночи Бориса не пресвитер (или «попин») служит заутреню, а ее поет только сам Борис; Борис испускает дух под ударами убийц на своем ложе в шатре, а не выскочив, раненый ими, наружу. Не трудно убедиться, что все эти изменения — результат механического пропуса значительных отрывков текста «Сказания» с молитвами, речами и благочестивыми размышлениями князя.

Текст лирического содержания выпал из большими кусками, в некоторых случаях заменяясь краткой его характеристикой от имени повествователя, в других — почти бесследно.

Примером подобного рода сокращений может служить отрывок, идущий в тексте «Сказания» вслед за сообщением о получении Борисом известия о смерти Владимира. Начинаясь словами: «яко услыша Борис, нача тѣломъ утѣрпывати...» и занимая более двух страниц печатного текста, он оканчивается словами: «... но съпаса душу мою». В летописи этот отрывок заменен словами: «и плакася по отци, велми бо любимъ бѣ отцемъ паче всѣхъ». На содержании его остановил внимание С. А. Бугославский, усмотревший в нем распространение текста летописи «не буди мнѣ възнати руки на брата своего старѣйшаго; аще отецъ ми умре, то съ ми буди в отца мѣсто». «Борис, — пишет С. А. Бугославский, — не знает, к кому обратиться: к брату ли, его же быхъ в отца мѣсто» (здесь текстуальное совпадение с летописью); но он знает, что Святополк подготавливает его убийство (агиографический прием) и, согласно со словами летописи, решает: «се да иду къ брату моему и реку «ты ми буди отецъ, ты ми братъ и старѣй». Борис: «си на умѣ си помышляя, прити къ брату своему». Но немного ниже он говорит, что не решается идти в дом отца своего, чтобы не думали, что он хочет выступить против брата. Еще ниже оказывается, что [Борис], «идый путем помышляше». В л[етописи] сказано определенно о том, что Б[орис] остановился на Альте в то время, когда к нему пришла весть о смерти отца. Здесь он и был покинут дружиной, после того как отказался занять силой киевский престол. На Альте он был и убит. И «Сказание» придержи-

вается ниже летописной версии, что Борис был убит на Альте («Ярослав... изиде на Лѣто и ста на мѣстѣ, идѣ же убиенъ Святый Борис»). Стало быть несообразность автора «Сказания», заставляющая его, Бориса, двигаться по какому-то пути, неизвестно зачем и куда, объясняется лишь желанием дать возможность Борису произнести длинную речь. Ясно, что и в этом отрывке Ск[азание] восходит к л[етописи]²⁰.

Если с первой частью заключения С. А. Бугославского можно согласиться, то конечный его вывод — результат какого-то недоразумения. Стоит обратить внимание на последовательность событий, как они даны в «Сказании», чтобы убедиться, что известие о смерти отца застигло Бориса на обратном пути из похода прежде, нежели он остановился на Альте, а следовательно, нет и никакой несообразности, указывающей, что «и в этом отрывке «Сказание» восходит к летописи». Мнение С. А. Бугославского, будто речь Бориса — амплификация его ответа дружине, также представляется натянутым. Выражение, что старейший брат «ми буди отецъ», — основная публицистическая тема «Сказания».

Вслед за разобранным лирическим отрывком в «Сказании» идет текст с фактическим содержанием: известия о вокняжении Святополка, посольстве к Борису; затем следуют краткое сообщение: «Блаженный же Борисъ, яко же ся бѣ воротилъ и сталъ бѣ на Лѣтѣ в шатры. И рѣша къ нему дружина...» и подробности переговоров с дружиной. После ухода последней Борис остается на Альте «тѣкъмо с отроky своими».

Рассматривая связь этого текста с предыдущим, С. А. Бугославский замечает: «В л[етописи], согласно приведенному выше о том, что Борис «ста на Лѣтѣ пришед», говорится, что «послании же придоша на Лѣту ночью». С[казание] ранее сообщало о том, что Борис, узнав о смерти отца, куда-то идет, теперь автору Ск[азания], пунктуально следующему летописи, приходится возвращать Б[ориса] на место убиения, согласно летописи: «Блаженный же Борис, яко же ся бѣ воротилъ, и сталъ бѣ на Лѣтѣ шатры». Зависимость Ск[азания] от Л[етописи] вполне очевидна»²¹.

Толкование С. А. Бугославским цитированного им отрывка явно неправдоподобно и искажает смысл, который вкладывал в него автор «Сказания», а именно, что Борис расположился на берегах Альты на обратном пути из похода против печенегов. Таким образом, в тексте «Сказания» нет путаницы, которая давала бы повод считать его неудачной переработкой летописного, как это пытается доказать С. А. Бугославский. Наоборот,

²⁰ С. А. Бугославский. Диссертация, стр. 218.

²¹ Там же, стр. 219.

в летописи, как было показано выше, налицо искажение перспективы, правда, искусно замаскированное.

Далее, начиная со слов «и бяше сънь его въ мѣнозѣ мысли и печали» в «Сказании» идет 2¹/₂ страницы печатного текста с явным преобладанием риторики и лирики. Текст этот, за исключением вкрапленных в него местами фактических данных об убийстве Бориса и цитат из псалмов, не вошел в летопись. В начале его идут причитания Бориса по поводу ожидающей его участи, описание скорби окружающих и сна Бориса в предсмертную ночь, затем рассказывается как, проснувшись рано и разбудив пресвитера, он «обувъ нозѣ свои и умывъ лице начатъ молитися господу богу». Все эти детали, занимающие в «Сказании» более половины страницы печатного текста, в летописи опущены целиком.

После этого в летописи идет описание предсмертной ночи и убийства Бориса с теми изменениями и сокращениями текста «Сказания», которые были уже указаны. Перефраз общего со «Сказанием» текста в летописи, как отмечалось неоднократно, весьма близок к оригиналу.

В дальнейшем характер редакционной обработки текста «Сказания» еще более упрощается. Сводчик опускает значительные отрывки с речами и молитвами Глеба; остальной же текст вносит в летопись почти без всяких изменений. Примером может служить заключительная часть статьи 6523 (1015) г. Новгородского свода:

«Сказание»:

«Овогда бо видѣша стълъши огньнѣ, овогда свѣщѣ горущѣ, и пакы пѣния ангельская слышааху мимоходящий же путьмъ гостие, ини же ловы дѣюще и пасуще, си же видяще и слышаще. Не бысть памяти ни единому же о възискании телесе святааго...»

Новгородский свод:

«Овогда видѣша столпъ огньнѣ, овогда же свѣща горяща; и пакы пѣния аггельская слышаху мимоходяще гостие, инѣ же яко и ловы дѣюще и пасуще. Сна же слышаще и видяще, не бы памяти ни единому же их о възискании телесе святого...»

Весь последующий текст «Сказания» в Новгородском своде отсутствует в Синодальном списке целиком, а в Комиссионном, Толстовском и Академическом списках под 6524 (1016) г. после известия о поражении Святополка на Днепре и его бегстве, сообщаются в краткой перефразировке данные «Сказания» о его гибели: «и бысть межѣ Чахы и Ляхы, никимъ же гонимъ,

пропаде оканный, и тако злѣ животъ свой сконча; яже дымъ и до сего дни есть».

Итоги произведенного нами анализа летописной статьи 6523 г. могут быть обобщены в следующих положениях:

1. Источником летописной статьи 6523 г. послужило анонимное «Сказание о убиении Бориса и Глеба», агиографический памятник, составленный около 1072 г. под сильным литературным влиянием известных тогда на Руси легенд о чешских свя-тых X в. Людмиле и Вячеславе.

2. «Сказание» было первой литературной обработкой устных преданий о гибели Бориса и Глеба, туманных, отрывочных и, как это отметил А. А. Шахматов, противоречивых.

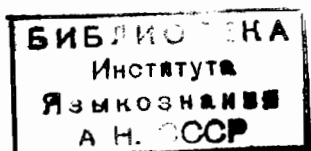
3. Передаваемые «Сказанием» обстоятельства гибели Бори-са и Глеба в большинстве своем чисто литературного происхож-дения и представляют композиционно как бы переделку и, местами, перефраз отрывков однородного содержания назван-ных выше чешских легенд.

4. «Сказание» носит на себе отпечаток особенностей полити-ческой ситуации в Киевской Руси при Изяславе Ярославиче, когда оно составлялось.

5. При внесении текста «Сказания» в «Начальный» (по терминологии А. А. Шахматова) летописный свод оно подверг-лось редакционному сокращению и переработке, сообщившим статье 6523 г. видимость повествования о реальных историче-ских событиях.

6. В более ранних, нежели «Начальный», летописных сво-дах, если они вообще существовали, идентичные обстоятель-ства умерщвления Бориса и Глеба отражены быть не могли.

7. Концепция А. А. Шахматова о происхождении летопис-ной статьи 6523 г. как в целом, так и в большинстве подроб-ностей, — ошибочна.

СОДЕРЖАНИЕ

Об итогах и проблемах изучения «Повести временных лет» (Вместо предисловия)	3
Глава I. Летописное и житийное сказания о Борисе и Глебе .	21
Глава II. Литературные источники сказаний о Борисе и Глебе	36
Глава III. Исторические предания о Борисе и Глебе	71
Глава IV. Житийная обработка преданий о Борисе и Глебе .	170
Глава V. Летописная статья о Борисе и Глебе	189

Николай Николаевич Ильин

Летописная статья 6523 г.

*

*Утверждено к печати
Институтом славяноведения
Академии наук СССР*

*

Редактор издательства *И. И. Костюшко*
Технический редактор *С. М. Полесицкая*
Переплет художника *А. А. Толоконникова*

*

РИСО АН СССР № 60—78В. Сдано в набор
15/1 1957 г. Подписано к печати 15/VIII 1957 г.
Формат 60×92¹/₈, печ. л. 13,25.
13,5 уч.-изд. л. Тираж 2 000 экз. Т-07818.
Изд. № 2155. Тип. зак. № 1363.
Цена 9 руб. 10 коп.

*

Издательство Академии наук СССР
Москва Б-64, Подсосенский пер., 21
2-я типография Издательства АН СССР
Москва Г-99, Шубинский пер., 10

9 р. 10 к.

ЛЕТОПИСНАЯ СТАТЬЯ 8525 ГОДА И ЕЕ ИСТОЧНИК

